

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 23

**МАКС ПРЕСС
Москва
2003**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2003. —
Вып. 23. — 124 с.

ISBN 5-317-00628-7

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в
1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в
2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00628-7

© Авторы статей, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

<i>Красных В. В.</i> Концепт «Я» в свете лингвокультурологии	4
<i>Гудков Д. Б.</i> «Кровь» в соматическом коде культуры (по данным русской фразеологии)	15
<i>Тананина А. В.</i> О страсти	29
<i>Никишина И.Я.</i> Понятие концепта «гнев» в современном английском языке	33
<i>Желтухина М. Р.</i> Политический и масс-медиаальный дискурс: воздействие – восприятие – интерпретация	38
<i>Табалова Н. Г.</i> Социальные стереотипы как форма категоризации действительности в лингвистическом, психологическом и социологическом аспектах	52

ЛИНГВИСТИКА

<i>Изотов А. И.</i> К вопросу об аналитическом императиве 2-го лица в современном чешском языке	58
<i>Чэнь Цзе (КНР)</i> К вопросу об объеме понятия «сверхфразовое единство»	69
<i>Дамаданова П.А.</i> Термин права как средство специальной информации	76

ЛИНГВОПОЭТИКА

<i>Давыдов М. В., Давыдов В. М.</i> А.П. Чехов в зеркале английской литературы начала эпохи «перестройки»	82
--	----

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Дечева С. В., Магидова И. М.</i> Новая концепция практического учебника по английскому языку для филологов	101
<i>Каверина В.В., Филатова Е. А.</i> Речевой аспект в современном учебнике	118

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Концепт «Я» в свете лингвокультурологии¹

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2003

Интерес к человеку, к личности, к «Я» (Ego) возник не вчера. Вспомним, что еще античные философы задавались вопросом «что есть человек?». Размышление над природой человека, над тем, что является его сутью и сущностью, представлены в многочисленных и разнообразных трудах философов, психологов, антропологов, социологов, лингвистов и т. д. Современный взгляд на «Его» характеризуется пониманием человеческого «Я» (личности) как многоуровневого, многоаспектного явления, предстающего в различных формах: «Я» феноменологическое, биологическое, материальное, интерактивное, «функциональное», языковое, идеологическое, духовное, интеллектуальное и т. д. (см., напр., С. Н. Cooley, С. J. Couch, N. K. Denzin, G. J. McCall, G. H. Mead, J. L. Simmons, A. L. Strauss, S. Stryker, J. H. Turner, Н. Д. Арутюнова, Г. И. Берестнев, С. Гроф, Е. С. Кубрякова, С. Кьеркегор, Р. Лэнг, В. Подорога, З. Фрейд, А. Д. Шмелев, К. Юнг и др.).

В последнее время все большую популярность среди исследователей приобретает учение о языковой личности (см., напр., Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, А. А. Пушкин, Е. В. Сидоров, С. А. Сухих, Т. К. Fitzgerald, K. J. Gergen, J. Shotter, S. Taylor, H. C. White и др.). Следует признать, что сам термин «языковая личность», введенный в повседневный научный лексикон Ю. Н. Карауловым [6], относится к числу «модных» в наше время: он встречается в трудах многих исследователей, воспринимается уже как нечто само собой разумеющееся и не требующее дополнительных расшифровок. Вместе с тем, нельзя не отметить, что, хотя сам термин стал привычным и в некоторой степени устоялся, а стоящее за ним «понятие – “языковая личность” – распространилось в лингвистической литературе особенно широко в последнее десятилетие» [8: 63], все-таки до сих пор не существует единой, принятой и признанной всеми трактовки рассматриваемого понятия (см.,

¹ Статья написана с опорой на материалы создаваемого в настоящее время «Словаря живых фразеологизмов современного русского языка» под руководством и редакцией проф. В. Н. Телия и в рамках научно-исследовательского проекта «Русское культурное пространство: Человек и Мир».

напр., [11]). В середине 90-х на конференции «Этническое и языковое самосознание» Ю. Н. Караулов предложил некоторые результаты обобщения и осмысления различных пониманий рассматриваемого понятия и представил «трехчастную структуру (1. ядро; 2. модификации; 3. периферия) данного понятийного поля» [8: 63-65]. В рамках настоящей статьи я позволю себе не останавливаться сколько-нибудь подробно на феномене языковой личности и на различных проблемах, с данным феноменом связанных, укажу лишь, что еще в 1989 году Ю. Н. Караулов предложил трехуровневую структуру языковой личности [7: 5] – концепцию, которая в наше время продолжает весьма успешно развиваться.

В настоящей статье я хотела бы предложить первоначальную и в силу этого очень осторожную интерпретацию концепта «Я», выступающего в качестве одного из ментефактов русского культурного пространства. Поскольку большинство только что использованных терминов и стоящих за ними понятий рассматривалось в ряде предыдущих работ [4; 9; 10], позволю себе, дабы избежать возможных разночтений, чуть подробнее представить свое понимание лишь термина «концепт», модного и разнообразно толкуемого в современной науке. Итак, *концепт (национальный концепт)* – самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью. Концепт лишен образности², что роднит его с понятием, это, по идее Н. Д. Арутюновой и вслед за ней – С. Г. Воркачева, «понятие, погруженное в культуру», он обладает эмотивностью, коннотациями, аксиологичен по природе своей, имеет «имя» (хотя при этом может открывать и целый ряд единиц, под «маской» которых он может выступать и в которых он может реализоваться; но все-таки, по моему убеждению, концепт обязательно имеет свое «имя собственное», напр., *судьба, воля, грех, жизнь* и т. д.).

И вот теперь посмотрим, что же такое «Я» человека в русской культуре, в русском культурном пространстве, в русском языковом сознании, каким оно предстает самому человеку.

Следует сразу отметить, что, по мнению ряда исследователей, образ, лежащий в основе ряда идиом, связанных с представлением о «Я» человека (напр., *вне себя*), восходит к представлениям об оборотнях, которые могли сбрасывать с себя кожу и превращаться в волка или ка-

² Хотя некоторые исследователи как раз настаивают на наличии таковой, см., напр., [3]; ср. [5].

кое-либо другое животное³, ср.: *из кожи вон лезть, влезть в шкуру* (см., напр., [2: 520]).

Представления о «Я» восходят, очевидно, к древнейшим формам осознания мира. При этом архетипическое противопоставление «внутри – снаружи» переносится на человека в виде противопоставления «внутреннего» и «внешнего» пространства человеческой личности: внутренний мир человека – внешний мир, его окружающий (см., напр., *уйти в себя, замкнуться в себе, но выйти из себя и прийти в себя; быть вне себя и быть не в себе, быть весь в себе и весь из себя*). Отсюда и идея «внутреннего человека» (см., напр., [1]). Ср. также: «Мы внутри себя, но что это значит – *быть-внутри-себя?* Не значит ли это – быть в чем-то, что нами, в сущности, не является, и тем не менее является нашей индивидуальной территорией жизни, противостоящей самой Жизни» [13: 45].

Представления о человеке в целом связаны, в том числе, с ментальными, интеллектуальными и эмоциональными, состояниями. Если мы рассмотрим такую единицу, как, например, *владеть собой*, то увидим, что в основе ее образа лежит восприятие человеком своего «Я» («Его») не как биологического тела, материальной субстанции, не как собственно интеллектуального начала, но именно как ментального, т. е. эмоционального и мысленно-чувственного комплекса, внешние проявления которого могут и должны быть подконтрольны и подвластны его носителю, т. е. самому человеку. Метафора в данном случае отображает представление о том, что рациональное (интеллектуально-волевое) «Я» контролирует эмоциональное и чувственно-мысленное «Я», что в духовном коде культуры оценивается сугубо положительно. Например:

В воспитании великих князей и княжон на первом месте стоит выработка самоконтроля и выдержки, умения **владеть собой** в любых обстоятельствах. *Б. Акунин, Коронация*. Вдруг дверь стремительно раскрылась, и вошел папа. Никогда я его таким не видел: он превосходно **владел собою** и в самом сильном гневе говорил спокойно и сдержанно. Но тут он шатался от бешенства, глаза горели. *В. Вересаев, В юные годы*. Он ударил не в за-

³ Оговорюсь в связи с этим, что однозначно негативное отношение к оборотничеству сложилось в русской культуре не сразу, в основном под влиянием христианства, с одной стороны, и западноевропейской культуры, с другой (вспомним, напр., героев русских былин, оборачивавшихся волком, положительных героев волшебных сказок, способных превращаться в различных животных и птиц). Но подобные «метаморфозы» отношений не являются чем-то уникальным. К примеру, я время от времени спрашиваю у студентов: как это могло получиться у Пушкина, что «русалка на ветвях сидит»? Кто ж ее так, несчастную? Иногда мне отвечают, что, может, ее «волной туда занесло» или каким другим волшебством. И как-то совершенно упускается из виду современными русскими, что славянская русалка была с ногами, а хвостатое чудо приплыло к нам с запада. Но это так, к слову.

пале страсти, а полностью **владея собой** – метким, отработанным ударом. МК, 2002.

Идея контроля, власти над собой эксплицируется глаголом в составе идиомы (*владеет / овладеет собой, совладать с собой*, а также классическое «*учитесь властвовать собой*») и не менее явно прослеживается в семантически близких образных выражениях *сдерживать себя* и – особенно – *держат себя в руках*. В последней идиоме к тому же отображено древнейшее осознание *руки* как символа власти. См.: то, что *в руках*, является предметом обладания, «своим», «собственным», тем, чем можно распоряжаться. Вспомним также и древнейший социальный ритуал: обладающие властью, «властелины» в ритуальных ситуациях держали атрибуты власти в руках (напр., древнеегипетские фараоны, иерархи христианской церкви, российские самодержцы и т. д.). Например:

От злости ангел [собеседница Филиппа] моментально **овладел собой**, чего Филипп и добивался, затевая все представление. Т. Устинова, *Мой личный враг*. Людей, которые сумели **совладать с собой**, в мире театра единицы. [...] Чтобы **совладать с собой**, со своими стихиями, со своими нервами, одного таланта недостаточно, нужна воля. Т/п «*Серебряный шар*», 2002. Шервуд вспыхнул. ... он часто краснел от гнева или досады, не считая нужным **сдерживать себя** в такие моменты. Ч. Абдуллаев, *Пройти чистилнице*. Вера Павловна очень осунулась за последнее время, как-то сникла, поблекла, но **в руках** умела **себя держать**. Не плакала, не жаловалась, во всяком случае, на людях. В. Некрасов, *Маленькая печальная повесть*. Вице-президент банка заметно нервничал. Но усилием воли **держал себя в руках**, не решаясь больше задавать вопросы. Ч. Абдуллаев, *Плата Харону*. Не кричи, Эндрю, я понимаю, ты устал, нервничаешь, но **держи себя в руках**. Ты становишься слишком мнительным. П. Дашкова, *Чувство реальности*. Смена привычного, окружавшего меня несколько лет, и нового, непривычного, была так необычайна, так странна. Но я крепко **держал себя в руках**. Н. Морозов, *Повести моей жизни*.

Соответственно, *выйти из себя* значит потерять самоконтроль, лишиться самообладания или душевного равновесия. И метафора, лежащая в основе образа данной идиомы, отображает представление о том, что сильные эмоции способны, «прорвав» телесную границу пространства личности, явить себя внешнему миру помимо воли человека. Иначе говоря, эмоциональное «Я» выходит из-под контроля «Я» рационального, что в духовном коде культуры оценивается негативно (ср.: *показать свое истинное лицо, обнажить свою сущность*). Например:

В подобной ситуации ни в коем случае нельзя **выходить из себя**. Надо стараться достичь договоренности любыми средствами. Т/п «*Свобода слова*», 2002. Теперь понятно, почему она **выходила из себя** и ломала руки: ее

увозили, а она хотела остаться там, где любимый. *В. Панова, Валя.* – Ты, Настя, не **выходи из себя**, не обижай мальчишку. *Ф. Гладков, Вольница.*

В основе образа рассматриваемой идиомы лежит древнейшее представление о том, что дух, душа и плоть, тело не только разграничиваются, но зачастую и противопоставляются друг другу (см., напр.: *Дух бодр, да плоть немощна; Что телу любо, то душе грубо*⁴). Тело осознается как «сосуд», в котором заключено духовное, чувственное, ментальное, то, что предстает как чувственно-мысленное «Я» человека. Плоть, кожа выступают как «граница» между внутренним миром человека и окружающим его внешним миром (*Человек Божий обшит кожей*⁵). Ср. также: «Кожа, кожная поверхность нашего организма – самое близкое к миру Внешнего. Последняя граница, барьер, порог. [...] Парадоксальность этой телесной границы видна сразу же: она – самая ближайшая к миру и вместе с тем то, что нас в силах бесконечно от него удалять» [13: 50-51].

Вместе с тем, внутреннее «Я» и телесная оболочка, как правило, выступают как единое целое – сам человек, и «Я» человека предстает именно как цельная совокупность «формы» (материальная оболочка, тело) и «содержания» (духовное начало), отсутствие же одного из «компонентов» воспринимается как нарушение должного порядка вещей, см.: *бестелесное существо, бездушный человек, бездуховная личность.*

В целом можно выявить некоторую парадигму: *владеть собой – выйти из себя – вне себя – прийти в себя – вывести из себя – привести в себя / чувство.* В данном случае отдельные элементы парадигмы вступают в синонимические отношения с другими идиомами: как уже отмечалось, *владеть собой = держать себя в руках, сдерживать себя; прийти в себя = взять себя в руки.* Примеры см. выше, а также:

Дыбачевский был **вне себя**. Он рвал и метал, грозил связистам всеми небесными и земными карами, если они не соединят его с Черняковым. *В. Клипель, Медвежий вал.* Шеф-редактор «Нэшнл энквайер», просматривая первые отписки сенсационной статьи Бентона о тайнах Джона Траволты и его семьи, был **вне себя** от радости. «Это бесподобно, бубнил он себе под нос. – Гениально! Тираж будет выкуплен на корню...» *Караван историй, 2002.* Слова Николая Никитича о том, что Лосев хлопотал за него и вызволил, еще хуже взбесили Анисимова, совершенно **вне себя** он закричал, что Лосев обманщик, лицемер, фарисей. *Д. Гранин, Картина.* Как ни странно, этот демарш возымел действие. Ошарашенный, униженный и раздавленный морально и физически супруг сдался, **пришел в себя** и посвятил Элину в свои проблемы. *Ф. Незнанский, Просроченная виза.* Так, рыдая, женщина добежала до отеля и лишь на пороге старинного здания немного **пришла в себя**, наспех вытерла слезы и попыталась придать лицу

⁴ В. И. Даль. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2001, с. 92.

⁵ Там же.

безразличное выражение. *М. Юденич, Игры марионеток.* Я просто волну юсь... Я **в себя** не могу **прийти** после того, что с тобой произошло! *В. Платова, Хрустальная ловушка.* Спокойный, даже вяловатый голос Фандорина помог Клариссе **взять себя в руки**. Она встрепелулась и... воскликнула: – Нечего на меня так смотреть, господин сыщик! *В. Акунин, Левиафан.* Райский заметил, что генерал не так плох, как кажется, и если срывается, то моментально **берет себя в руки**. *П. Даикова, Херувим.* Губы Будаха начали подергиваться, но он **взял себя в руки**. *Стругацкие, Трудно быть богом.* – Танечка, что-то вы сегодня не в форме! Вашу лучшую сцену на балконе сыграли плохо! А ну, **возьмите-ка себя в руки!**.. – Хожу по коридору и **беру себя в руки, беру себя в руки**... *Т. Окуневская, Татьяна день.* Он вообще невероятно спокойный, **вывести его из себя** удастся только мне. И один из поводов – «Мерседес». *Д. Донцова, Эта горькая сладкая месть.* Но один дурацкий случай **вывел его из себя**... Симонов, весь побелев от негодования, схватил с необыкновенной силой поэта за шиворот *А. Куприн, Жанета.* А потом смех перешел в такое отчаянное рыдание, что я даже испугалась за себя: да у тебя истерика, Анна. Некому давать тебе по щекам, некому **привести тебя в чувство**... *В. Платова, Куколка для монстра.* «Ведь вот дополз же он – и бандаж наложен, и дефект устранен, и ток давать можно.» Эти мысли окончательно **привели его в себя**. *Б. Полевой, Вклад.*

Сразу оговорюсь, что *прийти в себя* можно и после обморока, например, и тогда, конечно, речь идет не о том, что кто-либо *взял себя в руки*, а о том, что некто вышел из бессознательного, обморочного, невменяемого состояния, очнулся. Но в таком случае мы имеем дело с омонимичной идиомой, которая будет представлена чуть позже и которая непосредственно связана с единицей *не в себе*, к рассмотрению которой я и перехожу.

Идея «целокупности» человека непосредственно связана и с представлением о здоровье, которое, в свою очередь, связывается с идеей цельности (см.: *ис-цел-ить, цел-итель*). Любое нарушение данной цельности (вытекание, истечение, отсыхание, осыпание и под.) ассоциируется с болезнью и болезненным состоянием, осознаваемыми как результат воздействия внешнего зла (см.: *наслать порчу, подхватить болезнь, изгнать болезнь, справиться с болью*)⁶. Ср. тж.: «Первоначально само “несвойственное” состояние характеризовало человека либо больного, либо пьяного... Состояния болезни или опьянения обычно связывались в народном сознании именно с нечистой силой. Не случайно больного считали “половинным человеком”...» [12: 277].

Соответственно, образ такой идиомы, как, например, *не в себе*, мотивирован представлением о «Я» человека как все о той же цельной

⁶ Не в этом ли кроется и одна из причин глубинного неприятия рекламы шампуня против перхоти или средств гигиены для женщин в «критические дни»? (Идея высказана зав. кафедрой русского устного народного творчества Т. Б. Диановой в личном общении.)

совокупности его материальной телесной оболочки и «хранимых» ею мыслей и чувств. Нарушение этой целостности (по древним поверьям – вследствие каких-либо магических воздействий) влечет за собой «выход» из личностной гармонии. Сама форма идиомы (*не в себе*) свидетельствует о восприятии физической и психической цельности человека как *пространства* его личности – его «Я»⁷. В метафоре, лежащей в основе образа данной идиомы, разъединение мысленно-чувственного «Я» с телесной оболочкой уподобляется нарушению пространства личности и, соответственно, ее целостности, что выражается в неконтролируемом психически, «ненормальном», душевно болезненном состоянии человека. Например:

Этот, за стенкой, топал, метался по комнате, бормотал что-то. Пару раз расхохотался, потом зарыдал – в общем, был **не в себе**. *Б. Акунин, Любовница Смерти*. Николай объяснил ему, что генеральский сын **не в себе**, известие о болезни отца, а также собственные сложные проблемы тяжело подействовали на его психику. У него нервный срыв, и срочно нужна помощь психиатра. *П. Дашкова, Херувим*. Отец невесты – того не легче – был **не в себе**. Николай Афанасьевич упал с лошади. В результате ушиба головы у него случилось помутнение рассудка. *МК, 2002*.

Соответственно, возвращение к нормальной жизнедеятельности возможно через «возвращение» мысленно-чувственного «Я», способного ощущать, воспринимать, переживать, оценивать и т. д., внутрь своего «вместилища», которым служит телесная оболочка. Данное представление метафорически отобразено в идиомах *прийти в себя / в чувство* и *привести в себя / в чувство*. Например:

Когда он пробовал сползти к реке, то снова падал в обморок от страшной боли во всем теле. И снова **приходил в себя**. *М. Горький, Каин и Артем*. Окончательно Вера Павловна **пришла в себя** в больничной палате. В носу – трубки, в вене – капельница. *АиФ, 2001*. – Не видите, что он без сознания? – Нет-нет, – сказала она, – господин посол уже **пришел в себя**. Просто не хочет ни с кем разговаривать. *Л. Юзефович, Костюм Арлекина*. Теперь я очень хочу жить. Я знаю, что очень нужен моим близким. После стольких испытаний Бог должен наконец помочь мне. Несколько раз я **приходил в себя**, пока меня готовили к свиданию с хирургами... *Ч. Абдуллаев, Идеальная мишень*. ... Иванова, спокойно закрыв глаза, стекла из кресла на пол. Поднялась суматоха. Пока ее **приводили в чувство**, я налетела на милиционеров, требуя объяснений. *Д. Донцова, Вынос дела*. Алексей на мгновение потерял сознания, но то же ощущение близкой опасности **привело** его **в себя**. *Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке*. Знаете, сэр Макс, я подозреваю, что, если вы все-таки **приведете** его **в**

⁷ Это же пространственное осмысление личности прослеживается и в рассмотренных немногим ранее идиомах, входящих в парадигму с ядерным элементом *владеть собой*.

себя, он тут же снова потеряет сознание – на этот раз от восторга! *М. Фрай, Наваждения.*

Представляется интересным сравнить две упомянутые идиомы *вне себя* и *не в себе*. Они близки по составу, по образной мотивации и тесно связаны (в одном случае образно и парадигматически, в другом – образно) с омонимичными парами *приходить в себя 1-2* и *приводить в себя / в чувство 1-2*. В чем же разница? Из приведенных ранее примеров видно, что *вне себя* – это значит ‘в состоянии крайнего возбуждения, не контролируя себя’. Такое состояние приводит к невозможности адекватно воспринимать действительность и реагировать на окружающих. В основе образа данной идиомы лежит представление о том, что эмоции вырвались за пределы «Я» и неподвластны разуму, т. е. имеет место разрыв между рациональным «Я» и «Я» эмоциональным. Толкование идиомы *ее в себе* может быть представлено так: ‘в сильном душевном расстройстве; не похож на себя; в состоянии помрачения рассудка, часто близком к потере сознания’. В основе образа лежит представление о болезненном состоянии, необычности, непривычности ощущений, вызывающих внутренний дискомфорт. Следовательно, в первом случае наблюдается «выход» за пределы комплексного «Я», в котором доминирует интеллектуально-волевое «Я», «Я» эмоционального, во втором случае – «выход» за пределы комплексного «Я» мысленно-чувственного «Я». В первом случае ситуация может оцениваться и негативно (если человек испытывает отрицательное чувство-состояние), и позитивно (если речь идет о положительном чувстве-состоянии). Во втором случае – только негативно.

Однако человек может ощущать себя и как нечто цельное, но при этом испытывать определенный душевный дискомфорт. Так, например, идиома *не по себе* содержит метафору, в которой отображено несоответствие «Я» человека как совокупности интеллектуальных и эмоциональных проявлений его бытия, с одной стороны, и с другой – внешнего мира, который оказывает на человека разрушительное, деструктивное воздействие, вызывая у него чувство дисбаланса, дискомфорта, внутренней неустроенности, неудовлетворенности, дисгармонии; ср. *это не по мне, не по нутру, не по нраву*. Например:

Мне просто здорово **не по себе** оттого, что я не смогу даже послать вам зов. Как-то слишком одиноко я себя почувствовал... *М. Фрай, Волонтеры Вечности*. Многим людям, впервые вступившим на каменистую почву Форте, становится как-то **не по себе**. Тихо. Безлюдно. Страшно. И очень одиноко. *Караван историй, 2001*. Глаза его злобно сверкнули из-под тяжелых век, и женщине стало **не по себе** – столько ярости и презрения было в этом взгляде. *М. Юденич, Игры марионеток*. Вот на закрытии Чернобыльской АЭС, в последний момент сотрудники станции решили нам

сделать сюрприз и повели на реактор, рядом с которым был взрыв. Когда зашкалил дозиметр, стало **не по себе**. МК, 2002.

В случае слишком явного несоответствия между «внутренним» и «внешним», между «Я» и окружающим миром возможен уход человека в глубину своего «Я». При этом человек сосредотачивается на своем глубинном внутреннем «Я», замыкается в своем внутреннем мире, самоизолируется от мира внешнего. Подобное положение вещей метафорически осмысливается и отображается, например, в идиомах *уходит в себя, замыкаться в себе, весь в себе*⁸. Например:

Когда случается подобное, нельзя **уходить в себя**. Самоизоляция от окружающих может нанести колоссальный вред и только усугубить депрессию, в которой человек оказался. МК, 2000. Встречаясь с такими самоуверенными и бесцеремонными... людьми, Константин Семеныч обычно замыкался, или, как говорят, **уходил в себя**. Г. Матвеев, *Новый директор*. Она **ушла в себя**, и чем больше пытался бы я приблизиться к ней, тем дальше бы она отстранялась. В. Распутин, *Что передать вороне?* Некоторые выплескивают свои эмоции на окружающих. Другие **замыкаются в себе**, уходят в депрессию. МК, 2002. Еще больше **замкнулась в себе** Маша. Даже среди людей ходила как по лесу. Некоторые наблюдательные догадывались, что «Марья Бубенцова все еще своего мужика [мужа] ждет [с войны]». Ю. Лаптев, *Заря*. В их присутствии я окончательно **замыкался в себе**, говорил очень мало и весь сосредоточивался в слухе. Н. Морозов, *Повести моей юности*. Был он весь словно бы обтекаемый, несмотря на высокий рост и вообще крупные габариты, нейтрально улыбающийся, но явно **весь в себе**. Ф. Незнанский, *Просроченная виза*.

Однако противопоставление человеком своего «Я» как некоторой внутренне замкнутой системы окружающему миру, в котором лежит и деятельностная сфера самого человека, далеко не всегда бывает критическим. Примером может служить идиома *брать на себя*. В данном случае человеческое «Я» выступает в первую очередь как деятельностное начало. Образ данной идиомы мотивирован представлением о переносе деятельности и ответственности за нее на человека в целом, о чем свидетельствует пространственный предлог **на** в сочетании с винительным падежом (ср. *взвалить на свои плечи, сделать что-л. на свою голову*). Например:

Я хотела легкой жизни, состоящей из одних удовольствий и радостей, жизни, когда в любой момент можно уйти в сторону, и не **брать на себя** чужие проблемы. А. Маринина, *Когда боги смеются*. Если вы, мой друг, и вправду любите свою многострадальную родину, в любом случае

⁸ Будучи ограничена рамками настоящей статьи, я не имею возможности останавливаться на противопоставлении идиом *весь в себе* и *весь из себя*. Эта оппозиция заслуживает, на мой взгляд, отдельного разговора, который, я надеюсь, состоится в обозримом будущем.

долг патриота призывает вас **взять** вину **на себя**. *Л. Юзефович, Костюм Арлекина*. Именно в автосервисах иногда сидят люди, которые **берут на себя** посреднические услуги при выполнении «мокрых» заказов. *П. Даикова, Чувство реальности*. В конце концов, нужно с ним поговорить, чтобы часть расходов он **брал на себя**, это будет справедливо... *Т. Устинова, Мой личный враг*. Шеварднадзе хочет, чтобы США **взяли на себя** ту работу, к которой он оказался неспособным сам – обеспечить стабильность Грузии. *ЛиФ, 2002*. – А если он соврал? – тихо спросил Дронго. – Если на яхте настоящий заряд? Ты **берешь на себя** ответственность за жизни тысяч людей, Машков. Ты это понимаешь? *Ч. Абдуллаев, Символы распада*. Деньги я зарабатываю своей основной работой. А это своего рода общественная нагрузка, которую я добровольно **взяла на себя**. *МК, 2002*.

Таким образом, обобщая все сказанное, можно сделать следующие выводы. В русском ментально-лингвальном комплексе «Я» человека предстает как «целокупность», противостоящая внешнему миру. «Я» может выступать как «замкнутая» и самодостаточная система, и в этом случае доминирующим оказывается в первую очередь деятельностное начало.

Комплексное «Я», являющее собой единство «формы» и «содержания», потенциально содержит в себе изначально заложенное противопоставление самой физической оболочки, выступающей как граница между «внутренним» и «внешним», и «внутреннего пространства» личности. Кроме того, в комплексном «Я», понимаемом таким образом, может реализоваться и оппозиция, релевантная для внутреннего пространства личности: материальная субстанция, способная выступать как носитель или локус духовного начала, ментального состояния и под., противопоставляется самому духовному началу, ментальному состоянию и под. (см., напр., статью Д. Б. Гудкова в настоящем сборнике).

Комплексное «Я» человека неоднородно: оно предстает как физическое «Я»; рациональное, интеллектуально-волевое «Я»; ментальное: эмоциональное «Я» и чувственно-мысленный / мысленно-чувственный комплекс; деятельностное «Я» и под. В ряде случаев данные «Я» могут находиться в гармонии, «согласии» друг с другом или, наоборот, «рассогласовываться», создавая тем самым внутренний диссонанс.

И в заключение я хочу особо подчеркнуть, что данная статья содержит лишь первоначальные результаты осмысления концепта «Я» как знака культуры в том его виде, как он представлен в русском ментально-лингвальном комплексе, как он проявляет себя в языковых единицах, выступающих в роли «тела» данного знака культуры, как он предстает самому человеку – носителю данной культуры.

Л и т е р а т у р а

1. *Берестнев Г. И.* Самосознание личности в зеркале языка. АДД. М., 2000.
2. *Бирих А. К., Мокшенин В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб, 2001.
3. *Воркачев С. Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.
4. *Гудков Д. Б., Красных В. В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2. М., 1998. С. 124-133.
5. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
6. *Караулов Ю. Н.* Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // VI Международный конгресс МАПРЯЛ. Современное состояние и основы проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Доклады советской делегации. М., 1982. С. 105-125.
7. *Караулов Ю. Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3-8.
8. *Караулов Ю. Н.* Что же такое «языковая личность»? // Этническое и языковое самосознание. М., 1995. С. 63-65.
9. *Красных В. В.* Точки над *і* или многоточие?.. (к вопросу о современной научной парадигме) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 16. С. 5-12.
10. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
11. *Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики.* Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. 12-14 мая 1995 года. Екатеринбург, Россия. Екатеринбург, 1995.
12. *Мокшенин В. М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб., 1999.
13. *Подорога В.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992-1994 годов. М., 1995.

«Кровь» в соматическом коде культуры (по данным русской фразеологии)

© доктор филологических наук Д. Б. Гудков, 2003

Восприятие мира, находящее отражение в языке и задающееся языком, антропоцентрично. В центре Вселенной находится Человек. Именно человеческое тело задает параметры изначального измерения пространства и, соответственно, времени¹ и базовые архетипические оппозиции «далеко – близко», «свой – чужой» и др. Тело в целом и отдельные его части могут рассматриваться как первичная основа концептуализации мира (как внешнего для человека, так и внутреннего). Рефлексия над собственным телом, его границами, строением служит источником как восприятия и описания пространства (вспомним такие меры длины, как *лядь*, *локоть*, *foot* и др.), так и универсальных метафор, давно стершихся и не воспринимаемых как троп (*нос корабля*, *атаковать в лоб*, *ушко замка* и др.). Названия частей человеческого тела, помимо наименования, являются носителями значимых для культуры смыслов, выступая в роли знаков «языка» культуры и образуя ее соматический код². В этой работе мы постараемся выявить те смыслы, которые несет имя *кровь*, проанализировать его многозначную символику, определяющую его семантическую валентность во фразеологизмах разных типов. Представленные ниже рассуждения могут рассматриваться как материалы для словаря соматического кода русской культуры, своеобразные подступы к подобной лексикографической работе.

I

Культурные смыслы, которые несет в себе *кровь*, могут быть условно разделены на три «поля», тесно связанных между собой: 1) *кровь* как символ жизненной энергии, 2) как символ генетической связи, 3) как носитель сильных чувств и эмоций. Рассмотрим каждое из них подробнее.

¹ Пространственная метафора при оперировании категориями времени – явление универсальное и многократно описанное, мы не будем на нем подробно останавливаться.

² На нашу концепцию повлияла совместная работа с В. Н. Телия над лингвокультурологическим словарем русской фразеологии. Некоторые из представленных в настоящей работе тезисов обсуждались и корректировались в беседах с ней. Сама идея существования соматического кода наряду с иными кодами культуры (духовным, зооморфным, природно-ландшафтным, архитектурно-домообустроительным и т. д.) принимается нами в форме, предложенной В. Н. Телия. При этом, естественно, ответственность за все излагаемое в данной статье несет автор и только он.

«С древних времен кровь – это символ места души и жизненных сил» [Энциклопедия символов: 263]. Об отношении *крови* и *души* будет сказано ниже, сейчас же обратимся к анализу фразеологизмов, подтверждающих, что в языковой картине мира именно *кровь* выступает как носитель и источник жизненной энергии.

(1) **Проливать/лить** [свою] **кровь** означает «жертвовать своей жизнью, здоровьем», при этом имеется в виду, что кто-либо, рискуя быть раненным или погибнуть, вступает в борьбу, защищая кого- или что-либо (Родину, свободу, идею и др.): – *Колчерикий!* – крикнул он. – *Клянись нашими мальчиками, которые **кровь проливают**, защищая страну, что вы помириться за этим столом* (Ф. Искандер, Колчерикий). – *Я принужден взывать к дальновидности тех, за кого мы **льем кровь**...* (А. Толстой, Петр Первый). *Теперь же на правительственном знамени написаны интересы чистого империализма. «Царского правительства больше нет, — говорят народу Гучковы и Милуковы, — теперь вы должны **проливать кровь** за общенациональные интересы»* (Л. Троцкий, Уроки Октября).

Данный фразеологизм свидетельствует о том, что в *крови* пребывает энергия, делающая возможной телесную жизнь, потеря крови, означает утрату этой энергии, следовательно, прекращение телесной жизни, таким образом, *кровь* может метонимически отождествляться с самой жизнью. Об универсальности этого образа (во всяком случае в европейском мировидении) свидетельствуют сходные фразеологизмы в других языках³: нем. sein Blut lassen (букв. ‘терять свою кровь’), исп. dar su sangre (букв. ‘дать свою кровь’).

С описанной символикой связан и такой фразеологизм, как:

(2) **до последней капли крови**, означающий «не жалея жизни, жертвуя самым дорогим», при этом имеется в виду, что кто-либо готов идти до конца и погибнуть в борьбе. *И через день я погрузился вместе со своим рюкзаком на трехтонку, опоясанную красным полотнищем со словами, клятвенно заверяющими, что мы будем помогать армии всеми своими силами и **до последней капли крови*** (И. Гуро, Песочные часы). *В гвардии место только кристально чистым ..., без оглядки преданным, **до последней капли крови**, всей душой...* (А. и Б. Стругацкие, Обитаемый остров). Этот фразеологизм, как и предыдущий, имеет аналоги в европейских языках, напр.: исп. hasta la ultima gota de sangre, англ. to the last drop of blood.

Таким образом, *кровь* оказывается теснейшим образом связана с такой базовой архетипической оппозицией, как «жизнь – смерть», лишение

³ Здесь и далее мы пользуемся данными словарей [Katzner], [Бинович], [Ногейра, Туровер].

крови оказывается равнозначно лишению жизни. Об этом свидетельствует, в частности, фразеологизм:

(3) **проливать/лить/пролить** [чужую] **кровь**, означающий «убивать, губить», при этом имеется в виду, что кто-либо действует беспощадно и жестоко, что приводит к людским жертвам. *Сколько он пролил крови солдатской / В землю чужую! Что ж, горевал? / Вспомнил ли их, умирающий в штатской / Белой кровати? Полный провал* (И. Бродский, На смерть Жукова). *«Я не хочу проливать кровь даже идейных врагов, но некоторые могут пойти на более решительные меры»* (Сегодня, 1999).

Об универсальности и архетипичности образа данного фразеологизма говорит то, что он восходит к тексту Библии и неоднократно встречается в Ветхом Завете, напр.: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Быт 9: 6). Человек, проливающий чужую кровь, жесток и **кровожаден**.

Однако может создаться ситуация, требующая принести себя в жертву или пролить чужую кровь, причем эти действия встречают одобрение. Речь идет о фразеологизме:

(4) **смывать/смыть кровью**, означающем «искупать/искупить ценой жизни», при этом имеется в виду, что кто-либо избавляется от бесчестья, позора, нанесенного оскорбления или собственной вины, жертвуя своей жизнью или жизнью обидчика. *Тогда взбешенный армянин выстрелом из ружья убил буйвола Наби. Такое по закону чести никому не прощалось. Только кровью можно было смыть позор и нанесенное оскорбление. Наби метким выстрелом отправил армянина на тот свет* (Зеркало, 2002). *Клянусь, мы будем квиты / С врагом, даю обет, / Что кровью будут смыты / Следы его побед* (И. Уткин, Клятва). *Так Василий Михайлович и прослужил в штрафбате до конца войны. Не ранен, не убит, значит, не смыл кровью свое дезертирство, поэтому и отправили его, как все кончилось, на Дальний Восток дома для монголов строить* (Д. Жильцов, Е. Сульчин, Смотритель развалин).

В образе данного фразеологизма находит отражение представление о магических свойствах крови, характерное для различных культов. В одном из наиболее распространенных универсальных представлений **кровь** наделяется очищающей силой, «смывает» грехи, избавляет от них, напр.: в культах Кибелы и Митры посвященных крестили в очищающей крови жертвенного буйвола, в христианстве пролитая кровь Иисуса считается обладающей силой спасения (ср.: поиски чаши Святого Грааля, в которую стекала кровь Христа, обряд причастия) и т. д. Образ фразеологизма связан также с архетипическим представлением о разделенности телесной и духовной жизни человека, при этом первая доминирует над второй, дух оказывается важнее плоти. Существуют такие «повреждения» духовной жизни, вызванные нанесенным оскорблением, бесчестьем и т. п., при

которых эта жизнь становится позорной и постыдной, поэтому необходимо жертвовать телесным (т.е. своей или чужой жизнью) для искупления позора, восстановления духовной гармонии.

Необходимость подобной жертвы оказывается очевидной в том случае, если нанесена

(5) **кровная обида**, т.е. столь глубокое оскорбление, что подобное бесчестье можно искупить лишь ценой пролитой крови. *Последнее время на казанских кладбищах при захоронении исполняется столько ритуалов, что перепутать их – нанести родственникам **кровную обиду*** (Вечерняя Казань, 2002). *Вечером должны были идти в гости к Володе, моему кузену <...>, который упорно зазывал нас на новоселье, мы под разными предложениями отказывались – скучнейшая компания <...>, но настал день, когда отступить некуда, визит неотвратим, иначе **кровная обида** на десятилетия* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги).

Человек, в избытке обладающий жизненной силой, не имеет проблем со здоровьем, его физическая крепость определяется именно высоким качеством крови, о чем говорит фразеологизм:

(6) **кровь с молоком**, означающий «румяный, цветущий, крепкий», при этом имеется в виду, что кто-либо отличается ярко выраженными признаками здоровья и силы. *[Жена] дома наверняка, зря ее, наверное, в область и таскали, какая там болезнь, баба **кровь с молоком**, в ней каждая жилочка играет* (П. Проскурин, Тайга). *Дарья Петрунина и Варвара Митрохина – бабы молодые, здоровые – **кровь с молоком***. (А. Неверов, Горшки).

В образе и этого фразеологизма *кровь* выступает как символ жизненных сил человека, хорошей *кровью* оказывается *кровь*, содержащая *молоко*, которое в гастрономическом коде культуры связывается с представлением о достатке, благополучии (ср.: согласно Книге Исхода, Господь велел Моисею вывести народ Израилев из египетского плена «в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (Исх. 3: 8); молочные реки с кисельными берегами из русских сказок). Это позволяет *молоку* символизировать физическую крепость и здоровье.

Пребывание в крови достаточно количества силы и энергии является необходимым, хотя и не единственным условием, позволяющим человеку жить **полнокровной** жизнью. Избыток этой силы, стремление выплеснуть ее вовне, что характерно для человека прежде всего в молодости, приводит к тому, что

(7) **кровь играет**. *Разбредаются по парам по шалашам, где влюбленным рай, хотя они и не влюбленные вовсе, а так – от того, что **кровь играет**, да ночь теплая и звездная* (В. Высоцкий, Роман о девочках). – *Приедут, никуда не денутся. Сам же видел – в них просто **играет** молодая **кровь**, поэтому и гоняют туда-сюда. — <...> Это класные движки*

на их мотоциклах играют (А. Экслер, Поездка на юг). Подожди, не торопись, ты молодой, горячий, **кровь играет**. Я сам был огонь, сейчас потух немного, хотя дым еще идет иногда (М. Жванецкий, Дефицит).

Жизненная энергия, пребывающая в крови – самое ценное в телесной жизни человека, жертвовать ею – отдавать самое дорогое. При этом *кровь*, сохраняя данную символику, не обязательно указывает на гибель или ранение, она оказывается также связана с представлением о тяжком труде, требующем максимального напряжения сил, соответственно, затрат этой энергии. Об этом свидетельствует, скажем, такой фразеологизм, как:

(8) **кровавый пот**, означающий «тяжелые усилия, ведущие к изнурению, истощению сил», при этом имеется в виду, что кто-либо полностью отдает себя какому-либо делу, не жалея своего здоровья, напряженно трудится для достижения поставленной цели, взваливая на себя часто непосильную работу. *Все-таки, как ни крути, а физиономия, вывешенная в публичном месте, была некой неясно обозначенной привилегией. Та же Паша Ангелина, великая трактористка, обрела ее дорогой ценой – **кровавым потом**, потерей здоровья и, в конечном счете, преждевременной смертью* (Алфавит, 2001). *Быть триумфатором приятно. Но сколько труда и **кровового пота** нужно, чтобы завоевать авторитет?* (Огонек, 2000).

Необходимо заметить, что образ фразеологизма восходит к тексту Евангелия, рассказывающему о молитве Иисуса в Гефсиманском саду перед тем, как Иуда предал Его своим поцелуем: «И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22: 44).

В образе фразеологизма прилагательное **кровавый** метафорически уподобляет усилия, требующие затрат жизненной силы, следовательно, величайшего напряжения, высокой цене результата какой-л. деятельности. Фразеологизм в целом выступает в роли эталона, т.е. меры, сверхусилий, затраченных для достижения цели. Об универсальности данного образа свидетельствуют сходные фразеологизмы в других языках: исп. sudor de sangre, нем. j-s Schweiß, und Blut, англ. by one`s own sweat and blood.

Схожий образ отражен и во фразеологизме:

(9) **до кровавых мозолей**⁴, означающем «до крайней степени напряжения и усталости, при этом имеется в виду, что кто-либо, не жалея своего здоровья, тяжело, до изнеможения работает, трудится. *У убийц,*

⁴ Мы прекрасно понимаем, что «семантическим ядром» фразеологизмов (8) и (9) является не прилагательное *кровавый*, но существительные *пот* и *мозоли*, однако представляется, что отмеченная выше особенность символики крови проявляется в них достаточно явно.

молодых ребят, честно заработать на «Лексус» шансов не было. Подсознательно они это поняли: работай **до кровавых мозолей** – повезет, если накопишь на десятилетнюю заезженную иномарку (Известия, 2002). Преподавательница училища Мария Ивановна первая обратила внимание на необычное трудолюбие маленькой Зинки: я до седьмого пота, **до кровавых мозолей** могла повторять упражнения и па, до тех пор, пока не получалось безупречное исполнение (Э. Зац, Артистка балета).

О необходимости жертвовать собственной кровью для достижения цели, т.е. предпринимать максимальные усилия, требующие затрат жизненной энергии говорит фразеологизм:

(10) (хоть) **кровь из носа(-у)**, означающий «несмотря ни на какие трудности, препятствия, во что бы то ни стало» [Федоров: 331]. *Все равно я его добыю, все равно доломаю. Подумаешь гроссмейстер-блатмейстер, жила еще у тебя тонкая против меня. Знаю я ваши чемпионаты: догвариваетесь заранее. Все равно я тебя задавлю, хоть **кровь из носа!*** (В. Аксенов, Победа). *Если уж обещали довести ее к жениху, то должны выполнить, хоть **кровь из носа*** (Ю. Никитин, Святой Грааль).

Если цель достигнута с минимальными затратами жизненной энергии, без больших усилий, то говорится, что ее удалось добиться

(11) **малой кровью**, что означает «не затрачивая много сил или средств; с небольшими потерями», при этом имеется в виду, что кто-либо достигает того, к чему стремился, не понеся серьезного урона в прямом или переносном смысле. *Не обязательно полностью переоформлять всю комнату, это можно сделать «**малой кровью**» с помощью краски, бордюров, занавесок и ковров* (Мой дом, 2002). *Мы войну не хотим, но себя защитим, / Оборону крепим мы недаром, / И на вражьей земле мы врага разгромим, / **Малой кровью**, могучим ударом!* (В. Лебедев-Кумач, Если завтра война).

Анализ фразеологизмов (8) – (11) позволяет сказать, что в «языке» культуры *кровь* выступает в роли эталона, т.е. меры затрачиваемых усилий, понесенных потерь.

Деньги, для получения которых пришлось тратить уже неоднократно упомянутую нами жизненную энергию, особенно ценны, расставаться с ними нелегко, т. к. достались они собственным тяжким трудом, – это:

(12) **кровные деньги**. *Пока мы будем слушать «песни» скрипучих чмошников и хватать рекламируемые отбросы, наши **кровные деньги** будут идти не в дело, а сами знаете куда* (Ю. Меркулов, Легенда о золотом сортире). *Из карманов законопослушных, а точнее – покорных граждан изымаются их **кровные деньги**, неизвестно, за какие грехи* (Народная газета, 2001).

Практически все рассмотренные выше фразеологизмы свидетельствуют о связи *крови* с идеей жертвенности, в том числе и самопожертвова-

ния (особенно явной она оказывается для (1), (2), (4)). Готовность отдавать свою жизнь и здоровье, имплицитно представленная в проанализированных языковых единицах, говорит о трансцендентности человека, его желании выйти за пределы собственного физического бытия, стремлении к высшим целям и идеалам, которые важнее телесного существования. *Кровь* оказывается своеобразным посредником, медиатором между духовным и физическим мирами, принадлежа и тому и другому и в то же время связывая их между собой (см. об этом ниже). Достаточно вспомнить, что в различных культурах в жертвенных обрядах используется кровь или ее субституты (напр., церковное вино)⁵.

Если готовность жертвовать своей *кровью*, т.е. жизненной энергией и телесным существованием, во имя идеалов встречает одобрение, то попытка для собственной выгоды использовать чужую *кровь*, т.е. затраты этой энергии в тяжком труде, требующем максимального напряжения, резко осуждается, на что указывает семантика таких имен, как **кровосос** и **кровопийца**.

Можно обратить внимание, что практически во всех рассмотренных выше фразеологизмах, за исключением (6) и (7), *кровь* оказывается тесно связанной с символикой страдания и боли, ведь потеря пребывающей в крови энергии мучительна для человека. Достаточно ярко это проявляется в такой языковой единице, как:

(13) **плакать кровавыми слезами**, означающей «невыносимо страдать», при этом имеется в виду, как душевная, так и физическая мука. *Тело выло от боли и плакало кровавыми слезами, но Томас вел себя следом за другом, и плоть медленно начала смиряться* (Ю. Никитин, Откровение). *И еще совет молодым мамочкам: когда вам первый раз принесут ребенка на полчаса для кормления – не держите его эти полчаса у груди. Иначе через день уже будете плакать кровавыми слезами от боли* (Mama.ru, 2000). *И хотя я оспаривал возможность отделения сознания от мозга, я плакал кровавыми слезами над предполагаемой судьбой моих племянников и племянниц* (Е. Блаватская, Околдованная жизнь).

Данный фразеологизм в целом выступает в роли эталона, т.е. меры, испытываемых душевных или телесных мучений.

II

Следующий круг смыслов, связанных с *кровью*, основывается на том, что она символизирует родственную, генетическую связь. Архетипическое представление о том, что именно кровь является носителем генетически наследуемых качеств и свойств человека, существует и сего-

⁵ Ср.: «Кровь издревле была связана с жертвоприношением. Все жидкое: молоко, мед, вино, — применяемое для жертвоприношения, олицетворяет кровь» [Энциклопедия символов: 263].

дня, что находит свое отражение в языке (ср. *родная кровь*). Обратимся к анализу фразеологизмов, образ которых основывается на этом представлении.

(14) **Кровь от крови 1** означает «родственник», причем имеется в виду именно кровное родство. – *Не дам! – Трубников становится прямо под кошу. Их взгляды, полные ярости, скрециваются. – Хоть и брат ты мне, хоть и **кровь от крови**... – затряс губами Семен и пустил острый нож прямо по щиколоткам Трубникова* (Ю. Нагибин, Трудный путь).

Этот фразеологизм оказывается синонимичным таким, как **плоть и кровь** и **плоть от плоти** (см., напр., [Жуков и др.: 288-289]): *Так и каждого из вас жалко. Дети ведь вы мои. Все вы – **кровь и плоть** моя* (Д. Петров, Юг в огне); ср.: ...*кровь от крови* *моей*. Таким образом, *кровь* в одной из своих ипостасей оказывается воплощением плотского, телесного и в этом отношении находится в оппозиции духу. А. Д. Шмелев справедливо указывает, что «брат по крови может противопоставляться брату по духу» [Шмелев: 29].

Родственная, кровная близость при этом может метафорически обозначать и духовную близость, о чем свидетельствует фразеологизм:

(15) **кровь от крови 2**, означающий «порождение, детище, наиболее полное выражение кого-, чего-либо» [Жуков и др.: 288], при этом имеется в виду крепость именно духовных связей двух лиц или иных объектов. *Мы, писатели, – **плоть от плоти, кровь от крови** нашей великой страны* (А. Н. Толстой, Речь на VII Всесоюзном съезде Советов).

Схожей семантикой обладает и фразеологизм **одной крови**, который тоже выступает в двух значениях.

(16) **Одной крови 1** так же, как и (14), означает «родственники», подразумевая кровное родство. *Старшая сестра, о, Старшая сестра! Женщина старше тебя, **одной крови** с тобой – вот что такое власть, от которой не уйти* (Д. Пименов, Муть). – *Не откажите в любезности выслушать Вашего недостойного дальнего родственника. Говорят, мы с вами **одной крови**, а Ваши батюшка и дедушка даже помогли моим батюшке и дедушке в экстремальных ситуациях* (Artefakt.ru, 2002).

Данный фразеологизм присутствует уже в тексте Евангелия: «От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли...» (Деян. 17: 26), что лишний раз свидетельствует об универсальности указанной символики *крови*.

И вновь духовная близость разных людей или социальных организаций, наличие у них общих интересов, качеств, особенностей характера и т. п. уподобляется их родственной близости, о чем свидетельствует фразеологизм

(17) **одной крови 2**, обозначающий общность интересов, взаимопонимание и т. д. различных людей или групп лиц. *Я вспомнил тех своих*

крымских необязательных знакомцев, вкус мидий, запахи моря и свои слова об одном и том же поколении – что, дескать, мы **одной крови** – с вами, с вами, и с вами, и с тобой, и с тобой тоже (В. Березин, Свидетель). – «Единство» и «Отечество» по сути две партии **одной крови**, – заявил замуководителя администрации президента РФ Владислав Сурков (МК, 2001).

Итак, генетическая близость, символом которой выступает *кровь*, метафорически означает и духовную близость. Заметим, что это отнюдь не только языковая метафора. Достаточно вспомнить, что при желании установить или зафиксировать духовную близость при отсутствии кровной связи у различных народов существует обычай смешивать кровь, т.е. создавать подобную связь, «объединять» кровь. Ср.: – ...*На мой взгляд, самое лучшее, если мы свяжем нашу дружбу более крепкими узами и примем, все четверо, обет побратимства. Им это показалось разумным. <...> Им, Торгриму, Гисли, Торкелю и Вестейну, надо было всем четверым, пройти под дерном. Потом они пускают себе кровь, так что она течет, смешиваясь, в землю, выкопанную из-под дерна, и перемешивают все это, кровь и землю. А потом опускаются все на колени и клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов*⁶.

То, что присуще человеку от рождения, является его неотъемлемым качеством лежит у него

(18) **в крови**. Этот фразеологизм означает «присуще от природы, в характере кого-л.». *Лева охотно становился тем, кем его хотел видеть Бланк – человеком “породы”, той культуры и порядочности, которая в крови* (А. Битов, Пушкинский дом). – *Энтузиазм у нас в крови*, – заявил Гай. – *Энтузиазм вам вбивают в ваши тупые головы, – возразил Максим* (А. и Б. Стругацкие, Обитаемый остров). *Тяга к путешествиям у нас в крови* (М. Фрай, Волонтеры вечности).

В основе данного фразеологизма лежит метафора, уподобляющая какие-либо привычки человека, особенности его характера и т. п. генетически наследуемым качествам. Здесь с особенной яркостью проявляется значение крови как символа органически наследуемых качеств человека, воспринимаемых и осознаваемых им как его духовное, душевное и духовно-социальное Alter Ego. Об универсальности данного образа в европейском мировидении свидетельствуют аналоги фразеологизма в других языках: нем. *das liegt ihm im Blute*; англ. *it is in his blood*; исп. *lo lleva en la sangre*.

Несмотря на могучую поступь политкорректности, гордо шагающей через океаны и сметающей все на своем пути, и сегодня продолжают

⁶ Сага о Гисли, перевод О. А. Смирницкой // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973, с. 30.

оставаться актуальными представления о том, что именно *кровь* является носителем расовых, национальных характеристик человека. В экстралингвистической реальности это проявляется, в частности, в неоднократно описанных случаях несогласия пациентов больниц на то, чтобы при необходимом им переливании крови использовалась кровь представителей другой расы. Подобные представления находят многочисленные отражения и в языке. Ср., напр.: *В нем течет татарская (армянская, негритянская и т. д.) кровь; существительное полукровка*⁷ и др.

Не только расовая, но и социальная принадлежность человека определяется «чистотой» его крови, *кровь* может оказаться благородной или нет. Об этом свидетельствует такой фразеологизм, как:

(19) **голубая кровь**, означающий «аристократическое происхождение». – *Какие вы сейчас довольные, радостные, счастливые, – все: и купцы, и биржевые маклеры и чиновники разных рангов, и помещики, и люди голубой крови! А что с вами было три-четыре дня назад?* (М. Шолохов, Тихий Дон). *Я чуть не с отрочества был вольнодумец, вполне равнодушный не только к своей голубой крови, но и к полной утрате всего того, что было связано с ней* (И. Бунин, Автобиографическая заметка).

Как утверждают А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, «первоначально этот оборот характеризовал аристократические семьи испанской провинции Кастильи, которые гордились «чистотой» своей расы, то есть не заключали смешанных браков с маврами и другими людьми со смуглой кожей; у белокожих людей вены видны отчетливее; поэтому их кровь казалась голубой» [Мелерович, Мокиенко: 348]. Данная этимология, на наш взгляд, для современного языкового сознания носителя русского языка является неактуальной. Как показывает наш пилотажный опрос, внутренняя форма рассматриваемого фразеологизма толкуется примерно так: «особые свойства крови аристократов, которая даже цветом отличается от крови обычных людей».

Таким образом, *кровь* благодаря описанной выше символике объединяет людей одной расы, нации и, особенно, одного рода. Не случайно, что месть за убитого родственника оказывается **кровной мстью**.

Различия между двумя указанными выше «кругами» символических значений *крови* наглядно проявляются в семантике и функционировании паронимических прилагательных *кровный* и *кравый*. Из трех значений, выделяемых в словаре С. И. Ожегова для *кравый* – 1. покрытый кро-

⁷ Интересно, что, согласно словарю С. И. Ожегова, употребление этого слова возможно только по отношению к животным [Ожегов: 511], однако нам представляется, что подобное толкование определяется все той же политкорректностью, наш языковой опыт и проведенный нами пилотажный опрос носителей русского языка свидетельствуют о гораздо более широком круге референтов данного имени.

вью, с кровью⁸; 2. кровопролитный, сопровождающийся множеством жертв, гибелью людей; 3. запятнавший себя зверствами, кровью многих жертв [Ожегов: 281] – два последних обусловлены тем, что имя *кровь* занимает одно из центральных мест в том «поле» символических значений, которое задается оппозицией «жизнь – смерть». Ведь именно *кровь* является носителем жизненной энергии, делающей возможной жизнь, потеря же этой энергии ведет к ущербу для физического существования, а в конечном итоге – к гибели. Достаточно ярко эта символика *крови* проявляется в таком фразеологизме, как:

(20) **кровь за кровь**⁹, означающем «месть убийством за убийство» [Федоров: 330]. – *Будь я трижды проклят, если не перережу всех этих Могельницких! Ворвусь в усадьбу и всех до одного под корень. Кровь за кровь! – страстно кричал Андрей* (Н. Островский, *Рожденные бурей*).

Все три значения, выделяемые для *кровный* – 1. основанный на общем происхождении от одних родителей; 2. очень близкий, близко касающийся, глубоко затрагивающий кого-н.; 3. то же, что породистый (о животных) [Там же] – связаны с тем, что именно *кровь* является символом генетически наследуемых качеств и, соответственно, родственной связи. При этом второй из приведенных лексико-семантических вариантов является еще одним наглядным свидетельством того, что духовная близость метафорически уподобляется родственной близости, о чем мы уже говорили при анализе (15) и (17). Родственная связь в языковой модели мира оказывается наиболее прочной, определяющей саму сущность человека, поэтому выражение *быть кровно заинтересованным* в чем-либо отождествляет интерес субъекта с чувствами, испытываемыми им к самым близким людям (*кровным родственникам*). Расставаться с **кровными деньгами** трудно не только потому, что достались они тяжким трудом (см. (12)), но и потому, что связь человека с ними отождествляется с родственной связью, разрыв которой крайне болезнен и, соответственно, весьма нежелателен.

III

«Кровь участвует и в оппозиции *голова – сердце*, посредством которой в языковой модели человека выражается противопоставление рацио-

⁸ Мы не обсуждаем удачность представленных толкований, хотя нам кажется, что подобная семантизация вряд ли подходит для узувального значения рассматриваемого прилагательного, проявляющегося, например, в словосочетаниях *кровавый цвет, кровавая заря* и т. п., в которых очевидно присутствие цветовой метафоры. Однако мы считаем возможным сослаться именно на этот авторитетный словарь, поскольку основные особенности семантики интересующих нас языковых единиц отражены в нем, на наш взгляд, весьма точно.

⁹ Данный фразеологизм близок по значению такому, как *око за око, зуб за зуб*; оба они строятся на отношениях «эквивалентного обмена».

нального и эмоционального. Когда разум не только не контролирует чувства (как должно было бы быть в норме), но, напротив того, чувства берут верх над разумом, так что человек действует как бы в состоянии аффекта, то говорят: *кровь бросилась в голову*. Таким образом, *кровь* выступает в роли средства, позволяющего *сердцу* одерживать верх над *разумом*» [Шмелев: 30-31].

Легко заметить, что именно *кровь* является носителем чувств, качество *крови* определяет темперамент человека, который может обладать **горячей кровью**, а может оказаться **хладнокровным**. Когда кто-либо переполнен чувствами, эмоциями, охвачен страстью его

(21) **кровь кипит (бурлит)**. *Ему достаточно потешить сердце уда-лой схваткой, когда кровь кипит, сердце поет, а душа трепещет от счастья!* (Ю. Никитин, Князь Владимир). *Никто не входил в дом, кроме слуг убийцы. Нож белого хозяина остался в ране. От жажды мицения кровь кипит у всех воинов* (Р. Штильмарк, Наследник из Калькутты). *Здесь мне стало по-настоящему горячо. Но это было горение страсти. Казалось, кровь бурлит в жилах* (А. Лебедев, Зов страсти).

О человеке, который не способен на сильные чувства, излишне холоден и бесстрастен, говорят, что у него

(22) **рыбья кровь**¹⁰, т.е. именно особенности крови определяют способность / неспособность кого-либо быть охваченным эмоциональным порывом. *При этом натура русских людей очень страстная. Кровь тут вовсе не рыбья. Достаточно почитать Куприна, Тургенева, Толстого...* (И. Медведева, Т. Шишова, Половое воспитание и национальная безопасность). *Ведь издавна известно, что, несмотря на примесь рыбьей крови, русалки – существа страстные* (К. Булычев, Новый Сусанин).

IV

Вернемся теперь к вопросу о соотношении *крови* и *души*, суммируя сказанное ранее. А. Д. Шмелев пишет: «Наряду с *плотью* материальная составляющая человека включает также *кровь*, которая также противостоит духу в некоторых контекстах» [Шмелев: 28]. Данное положение представляется в целом верным, но оно нуждается в существенных уточнениях. Повторим некоторые из положений, подтверждающих связь *крови* с материальным, плотским в человеке.

- Потеря крови = прекращение телесного существования, см. (1) – (3).
- Родство по крови может противопоставляться родству по духу.
- В некоторых контекстах *кровь* может выступать в роли прагматического эквивалента *плоти* (*кости*), см. (14).

¹⁰ Данный фразеологизм является частным случаем проявления одной из базовых архетипических оппозиций «горячий – холодный».

При этом *кровь* занимает все же совершенно особое место в оппозиции *тела и духа*¹¹, ибо она может противопоставляться телесному. Выдвинутый тезис можно подтвердить несколькими аргументами.

– *Кровь* является носителем чувств, качество крови определяет психические (= душевные) особенности личности, см. (21), (22)

– С *кровью* передаются психические особенности и нравственные качества, см. (18).

Анализ места *крови* в рассматриваемой оппозиции позволяет предположить, что для обыденного сознания, которое и находит отражение в языковой модели мира, граница между телесным и духовным не является непроходимой, плоть и дух способны к постоянным взаимообращениям. Так, гармония духовной жизни, нарушенная бесчестьем, может быть восстановлена повреждением или прекращением телесной жизни, см. (4), (5). *Кровь* выступает символом духовной близости, см. (15), (17). Заметим, что *плоть* и ее эталонное воплощение *кость* лишены подобной символики. Договор с дьяволом о продаже *души* подписывается именно кровью. Обычай смешивать кровь при декларации духовного братства является, вероятно, наиболее ярким примером обращения духовного в телесное и наоборот.

Все сказанное выше позволяет нам предположить, что *кровь*, как уже отмечалось, является главным посредником, медиатором между духовным и телесным, материальным и идеальным в жизни человека¹²

В заключение еще одно замечание. *Кровь* обладает известной автономностью по отношению к человеку, она не только не подчиняется ему, но, наоборот, подчиняет его себе, благодаря тому, что именно она управляет миром чувством.

Кровь обладает голосом, она может говорить (ср.: *голос крови, кровь заговорила*), выступая наряду с человеком как полноправный участник коммуникации. Заметим, что, кроме *крови* вербальными способностями, в универсуме Человека, обладают *совесть* (*совесть заговорила*) и *плоть* (*зов плоти*).

Подводя итоги, отметим следующие особенности *крови* в телесном коде русской культуры.

– *Кровь* – носитель жизненной силы; наличие этой силы в крови является необходимым условием полноценной жизни, утрата *крови*, следовательно, энергии жизни ведет к гибели.

¹¹ Мы не останавливаемся в настоящей работе на различиях между *духом* и *душой*, которые, безусловно, весьма существенны, но здесь не принимаются нами во внимание.

¹² О постоянной «взаимопереходности», «взаимообращенности» материального и идеального в «наивном» сознании свидетельствуют многочисленные фольклорно-этнографические данные. Весьма ярко отмеченная особенность проявляется в прозе А. Платонова, которая является экспликацией подобного сознания и стремится «выразить укорененность духовных процессов в теле, в физиологии» [Левин: 395].

- *Кровь* – символ физических сверхусилий, затраченных для достижения какой-либо цели.
- *Кровь* – символ родственной связи, генетически наследуемых качеств человека.
- *Кровь* – символ духовной близости.
- *Кровь* – носитель чувств, ее качество определяет способность человека испытывать чувства; *кровь*, управляя чувствами, может подчинять себе человека.
- *Кровь* – посредник между телесным и духовным, материальным и идеальным.

Литература

- Бинович – Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л.Э. Бинович. М., 1956.
- Жуков и др. – Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987.
- Левин – Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
- Мелерович, Мокиенко – Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М., 2001.
- Ногейра, Туровер – Ногейра Х., Туровер Г.Я. Русско-испанский словарь. М., 1979.
- Ожегов – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978.
- Федоров – Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И.Федоров. М., 1997.
- Шмелев – Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.
- Энциклопедия – Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 1999.
- Katzner – Katzner K. English – Russian, Russian – English Dictionary. N-Y., 1984.

О страсти

© А. В. Тананина, 2003

«*Страсть*» не относится к шести так называемым «базовым» эмоциям¹ и, наверное, поэтому не так хорошо изучена, как фундаментальные эмоциональные концепты. Некоторые исследователи называют «*страсть*» чувством, но это не вид чувства, а степень его выраженности (термин Е. Ильина [1]). Действительно, можно страстно любить, но можно страстно и ненавидеть. Другие относят «*страсть*» к аффектам, однако аффект – явление бессознательное и неконтролируемое, при котором исключено обдумывание. Ещё И. Кант точно и красочно показал отличие страсти от аффекта. Аффект он сравнил с потоком воды, сокрушающим дамбу, а страсть – с глубоководным течением, которое несётся по определённом руслу. Мы рассматриваем «*страсть*» как эмоцию и попытаемся описать её в рамках эмоционального концепта «любовь». Анализ отражения в языке именно эмоции, а не чувства и является предметом исследования лингвиста: определение сложной когнитивной структуры эмоции, её лексико-грамматическая реализация и семантическая мотивированность представляют особый интерес.

Толковать эмоции вообще, а эмоции, входящие в группу эмоционального концепта «любовь» – в частности, достаточно сложно. Принцип когнитивного толкования (А. Вежбицкая, Л. Н. Иорданская и др.) предполагает описание «наивной» (языковой, этнолингвистической) картины мира [2], в нашем случае – наивной картины эмоций. «*Страсть*», являясь достаточно «прозрачной» эмоцией, позволяет представить некий прототипический сценарий, однако требует некоторых предварительных замечаний.

В русском языке слово «*страсть*» может быть по-разному лексически наполнено. «*Страсть*» понимается 1) либо как «сильная любовь, чувственное влечение» и в этом значении соотносится с рядом «любовь, обожание, мания»; 2) либо означает «крайнее увлечение, пристрастие к чему-либо (*театр – его страсть*); 3) либо интерпретируется как теологическое понятие («остерегайтесь страстей своих»), и в этом значении

¹ Представление о составе фундаментальных (базовых, генетически обусловленных) эмоций меняется от работы к работе, но «страх», «гнев / злость», «счастье / радость», «грусть / печаль», «отвращение» и «удивление» выделяются к качеству базовых в большинстве работ.

более близко к другому ряду синонимов: «*порочность, безрассудство, грех²*».

Таким образом, слово «*страсть*» употребляется в разных значениях или, вернее, с разными семантическими акцентами, которые влияют на его вербальное выражение. Так, в значении 3 «*страсть*» как правило употребляется во множественном числе. Ср.: *человеческие страсти, упоение страстями и т. п.* Причем «*страсть*», выступая здесь уже как явление этического характера (грех- добродетель), обязательно будет содержать аксиологическое понятие оценки – отношения (как правило отрицательной): *темные, запретные, разрушительные, погубительные, слепые страсти.*

В данной статье остановимся более подробно на первых двух значениях эмоции «*страсть*». Итак, учитывая все вышесказанное и опираясь на толкование, данное в работе Н. Д. Арутюновой [3], представим следующий прототипический сценарий.

Страсть X-а к Y-ку 1 = очень сильная эмоция, вызванная у X-а Y-ком; такая эмоция бывает у человека, когда он ощущает непреодолимое плотское влечение к другому человеку; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда у него жар; если эмоция не удовлетворяется, человек очень страдает; подобная эмоция может лишить человека здраво мыслить и толкает его на необдуманные поступки.

Рассмотрим теперь более детально контексты употребления слова «*страсть*» в русском языке. Во всех его значениях можно выделить единый компонент – интенсивность, другими словами – активную, действенную сторону страсти, что предопределяет особый набор предикатов и предикативных конструкций (чаще метафоризированных). Эмоция «*страсть*» реализуется в русском языке различными способами:

1. Отличительная черта вербального выражения «*страсти*» – отсутствие синтетического предиката, характерного для соответствующих слов-выражений эмоций (ср.: люблю, ненавижу, обожаю и т. п.). Однако этимологически слово «*страсть*» восходит к общеславянской основе – *страд* и, следовательно, его первоначальное значение – «*страдание*» (ср.: страсти господни – зд. см. значение 3). По-видимому, именно это имел в виду кн. П. А. Вяземский, когда писал: «Что за страсть, если она не страдание. Недаром на языке христианском они имеют один корень». Интересно, что в современном русском языке глагол «*страдать*» может

² Отношение к страстям с давних пор было полем битвы философов и теологов. Аристотель, описывая в «Никомаховой этике» такие страсти, как алчность, ненависть, радость, ярость, клеймил их за «безудержность». Стоики тоже отвергали страсти, считая их «интеллектуальным изъяном». Согласно Фоме Аквинскому, страсти ни хороши, ни дурны: все зависит от того, насколько они подчинены контролю рассудка.

употребляться в значении «*страстно, сильно любить*», иногда с ироническим оттенком. Например:

Он и подумать не мог, что Иван Афанасьевич страдал по Екатерине Ивановне./Вл. Орлов/

Примечание: конструкция «страдать по + Obj (Д.п)» имеет вариант в разговорной речи – «сохнуть по кому-либо». Например: *А Наташка все сохнет по своему кумиру* (из периодики).

2. «*Страсть*», по-видимому в силу интенсивности, несовместима с предикатами «чувствовать, испытывать, питать», которые обычно сочетаются с именами-названиями эмоций (ср.: испытывать любовь, чувствовать симпатию, питать нежные чувства, но *чувствовать страсть) и, таким образом не формирует аналитических предикатов.

3. Возникновение эмоций язык чаще всего представляет метафорически [4]. «*Страсть*» концептуализируется русским языком в метафорических выражениях:

3.1. «горения, кипения»; например:

Но когда не было войны, полковник вдруг воспламенился страстью к восемнадцатилетней графине Паниной (*В. Лавров*).

При виде слящей закипает в нем страсть (А. Писемский).

3.2. «сумасшествия, безумия»: например:

Но, возмущенный таким притворством, теряя голову от страсти, он прижимает к себе ее руку (С. Цвейг, пер. С. Фриденд).

4. Образ «*страсти*» персонифицирован и потому часто агенс выражается косвенными падежами, а непосредственно эмоция выступает в роли субъекта. Например:

И вот его охватила страсть к игре, он играл на ипподроме, в кафе, в клубах, и эта страсть пожирала его время, силы, нервы и прежде всего деньги (С. Цвейг).

5. «*Страсть*» может выступать как адвербиальный интенсификатор некоторых глаголов с доминирующей семой «любить». Например:

Если женщина пишет вам страстное письмо, это означает, что она страстно увлечена вами; но любит ли она вас – это еще не ясно (Лабрюйер).

Есть некоторые мужчины, которых женщины страстно любят, которых потом неистово ненавидят, но они никогда не могут забыть тех, для которых делали большие глупости (Сент-Проспер).

6. Предикативные конструкции «Obj (Им.п.) & страсть» и «& страсть Subj (косв.п.)», где & – нулевая связка, являются наиболее распространенными реализациями значений 1 и 2, рассмотренных выше. Например:

Дверные приборы были страстью Александра Яковлевича (И. Ильф, Е. Петров).

Когда-то между ними была страсть, от страсти той таял лед в Гималаях... И теперь Химеко иногда волновала Данилова, но страсти прежней, увы, уже не было больше (Вл. Орлов).

7. «Страсть» может выступать в качестве предикативного компонента в сочетании «страсть как + V», которое носит просторечный характер (ср.: страсть как люблю шоколад). Например:

Едем? – повернулся Данила к Мите, и видно было, что ему страсть как не терпится на свою осуществленную мечту посмотреть (Б.Акунин).

В заключении отметим, что само слово «страсть» в русском языке обладает достаточной частотностью [5]: 48 употреблений на 1 млн. слов. Из них 14 приходится на газетно-журнальные тексты; 9 – на драматические произведения; 13 – на научно-публицистическую и 12 – на художественную литературу. Это убеждает нас в необходимости рассмотрения способов выражения данной эмоции в различных текстах.

Л и т е р а т у р а

1. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб., 2001.
2. Иорданская Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. Вып. 16.
3. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М., 1983.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
5. Частотный словарь русского языка. / Под ред. Л. Н. Засориной М., 1977.

Понятие концепта «гнев» в современном английском языке

© *И.Я. Никишина, 2003*

В последние годы предметом интенсивных когнитивных исследований выступают такие слова-концепты, как «долг», «правда», «искренность», «любовь», «честь», «благопристойность», «дружба», «счастье», «память», «ревность», «враждебность», «месть», «свобода», «судьба», «человек», «личность» и многие другие.

Интерес современных ученых-когнитивистов к этическим (бытийным, социальным, культурным) концептам объясняется этнолингвистической природой последних; их содержание определяется нормами бытования социума, они представляют знания о внутреннем мире самого человека.

Можно было бы предположить, что концепты, «добываемые» разумом (радость, горе, страх, позор), представляют собой некие «чистые» понятия. Тем более, что в логике такие мыслительные образования называются «актами чистого отвлечения», изолирующими абстракциями. По мнению ученых, суть этого явления заключается в отвлечении от изучаемых предметов некоторых свойств и отношений, которые рассматриваются в качестве самостоятельных субстанций, существующих независимо от их материальных носителей, как, например, «добродота», «патриотизм».

Действительно, данные категории выработаны человечеством за многие тысячелетия его существования, они как бы надличностны. Толковые словари фиксируют самые общие их признаки, выводя за рамки их субъективную образно-чувственную конкретику: «гнев – сильное чувство негодования; страстная, порывистая досада, попросту: сердце; запальчивый порыв, вспышка; озлобление, злоба». (В. И. Даль, 2002).

Никто не отрицает объективированности подобных концептов и факта их существования в коллективном сознании, нельзя ставить под сомнение правильность их словарного толкования. Однако носители языка не знают точных словарных дефиниций этих слов, да и, как правило, не узнают их по словарям. Сущность таких слов расплывчата. Парадокс заключается в том, что, понимая разумом, люди затрудняются вербально эксплицировать их значение.

Концепт «гнев» и ему подобные эксплицируют сущность того, что является концептом, выявляют конструктивно-технический план этого феномена. В головах людей имеются соответствующие мыслительные образы, и их существование как в единичном, так и в коллек-

тивном сознании носителей языка отрицать практически невозможно. Это идеальные образцы, выстроенные в сознании, и в буквальном смысле не отягощенные отношением связи между «вне нас» существующим предметом и его репрезентацией «внутри нас». Остается спроецировать на карту человеческого сознания такие ассоциаты (мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии) от реально существующих в окружающем мире предметов и явлений для того, чтобы осознать: концепт — это целостное идеальное содержание разной степени яркости и четкости, в котором, так или иначе, отражаются знания человека о фактах материального и духовного бытия.

Идея нашего исследования заключается в том, чтобы показать, что отражение мира в сознании человека осуществляется посредством когнитивной структуре — концепта, разного по своей организации, содержанию, неодинакового по способу репрезентации в голове носителя языка. В этом усматривается рефлексия на неоднородный характер самих «кусочков действительности, который он отражает. Тем самым мы хотим продемонстрировать идею концептуальной разноплановости единиц, составляющих словарный состав языка.

Для решения поставленных задач, в случае анализа слова, изучается его словарное толкование. Мы отдаем себе отчет в том, что люди, как правило, не корректируют свои знания по словарным дефинициям, но словарное толкование представляет единственную возможность вплотную увидеть характер обозначенного словом концепта, выявить когнитивную семантику лексемы. Чаще всего мы прибегаем не к одному словарному определению, а к нескольким — из ряда доступных источников на русском и английском языках.

Выявление концептуальной природы концепта «гнев» происходит не только посредством толковых словарей, но и с помощью контекстуального анализа.

Знаний, предъявляемых словарями, оказывается недостаточно для понимания всех когнитивных потенций концепта «гнев». Контекст уточняет значение, выявляет нюансы его семантики. Идею «картинок» не следует понимать натуралистически, будто где-то в голове человека вырисовывается некая, внутренним взглядом считываемая иллюстрация. Но тем не менее «картинка» существует. Она «снимается» в коллективном сознании носителей языка с присущих предмету характеристик. Начнем анализ с образца «мыслительных картинок», представляемых концептом «гнев». Широко известно, что гнев хранится в нашей памяти как сильное чувство негодования; страстная порывистая досада, запальчивый порыв, вспышка, озлобление. Начнем анализ с образца «мыслительной картины», представляемой концептом «гнев».

Sean suddenly leaned forward.

"I'd like to devote a programme to Revenge," he said, wrestling his fingers through that thick hair.

"Yes," said Anna. Starting with Pammy.

"I don't mean revenge for day to day, petty grievances," he said. "What I'm talking about here are lifelong grudges. **Angry** thoughts that turn in on themselves and switch to **self-anger** and self-hatred. Revenge on people who've destroyed a part of you."

Blonde looked at him and raised an eyebrow.

"I see. Right," said Pammy patiently, as if the discussion was starting to move too quickly for her.

"Revenge," thought Mike aloud. "Yeah, I can see that working."

"Well, I don't know. I believe we should learn to re-direct our **anger** first."

Sean did not look at Blonde, who had spoken. To Anna's relief, he lightly dismissed her, saying, "Well, that's fine in academic La-La land. But here on Earth people's feelings are real. And people feel real **anger**. Say, at school, they were bullied. Well, what's the point of working that through with your therapist for thirty-odd years? Get revenge instead. Get Closure."

Pammy: "I don't know. I don't feel too comfortable about advocating this."

Mike: "Well, I like it. It ties in well with Greer Lawton's book, which is out at Christmas. Get Back."

Blonde: "Surely the best revenge is happiness? Surely, we should be withdrawing such **anger** from our enemies, and focusing that same energy on the positives in our lives?"

She looked at Sean as if he represented all of mankind. Blonde and Sean seemed to be having a silent conversation to which the rest were not privy — although Anna might have been imagining that.

Sean held his pen as if it was a cigarette, and sighed, saying, "Well, I disagree. Ever since Hamlet, revenge has had a bad press. But, really, revenge is a good thing. Physiologically, it's been proven to be a good thing."

"Well, that doesn't make it all right," interjected Blonde, her voice high-pitched.

"Revenge gets your blood moving faster," said Sean, ignoring Blonde again. "Makes you feel warm inside — particularly if the punishment fits the crime."

"Revenge is such a male response to **anger**," said Blonde, her voice at an even higher pitch. "Lash out!"

"No, that's not true. Women swear by it too, although I'd admit that there are differences. Men, for example, prefer their revenge to be brief and brutal, whereas women take a more deliberate and drawn-out approach."

Anna felt warm inside simply watching Sean breathe. Hearing him use the word physiologically.

"I do agree," said Pammy, doodling on her over-sized sketchpad, 'that past experiences can be a real ball and chain. But aren't we in danger here, Sean, of boxing with shadows?"

"Well, good. Good to be out there fighting, instead of just sitting there, playing victim."

He looked at Blonde knowingly. She shot him back a look that Anna was unable to read.

Mike said, unhappily, "It can be hard to get revenge, though. I mean practically speaking, because say — and I use this merely as an example — the school bully has moved away? Or has become, say, a member of your friendly local constabulary?" (His fingers mimed quotation marks as he spoke the word friendly.)

"What I'm trying to say... And I know I won't be listened to — being both female and blonde. . .But, what I'm trying to say is that instead of getting revenge, we should be focusing on making amends with our aggressors. Talking about our concerns."

"Talking has its place," said Sean, impassively. "But **real anger** needs a real outlet. And there's a difference, too, between **healthy anger** and **unhealthy anger**. **Unhealthy anger** turns in on itself. It's unhealthy to blame oneself, instead of — to use your example — the school bully."

"My example?" asked Mike looking right and left. "No. I was using it as a general example. I was never ..."

"You tell yourself, "It's my fault." Which can only be destructive."

Pammy seemed puzzled. Blonde squeezed the clip on her clip-file.

(S. Harris, 155-157)

По английским лексикографическим источникам, гнев — anger 1. a strong feeling of displeasure and belligerence aroused by a real or supposed wrong; wrath; ire. 2. Pain or smart, as of a sore. 3. Obs. grief; trouble. (Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language)

anger a fierce feeling of displeasure, usually leading to a desire to punish the person or to harm the thing causing it.

Концепт «гнев» — это особый вид ментальных объектов, доказательство того, что окружающий нас мир не хаотичен, а определенным образом структурирован. Существует мнение, что небольшое число эмоций рассматривается как первичные, или основные, или базовые, а все прочие эмоции — как вторичные, производные и возникающие в результате смешения первичных эмоций. С этой точки, необходимо выявить базовые эмоции и затем объяснить, какие смешанные эмоции являются производными от них. На протяжении веков многие философы и психологи предлагали свой список базовых эмоций. В течение

последних трех десятилетий многочисленные исследователи приняли концепцию базовых эмоций. Все указанные теоретика согласны в том, что лишь небольшое число эмоций годится на роль первичных эмоций. Самый маленький список состоит из трех эмоций, большой—из одиннадцати, но большинство предложенных списков насчитывают от пяти до девяти эмоций. Представляет интерес тот факт, что некоторые эмоции, такие как страх и гнев, появляются во всех списках. В обоснование утверждения, что такие эмоции, как страх, гнев или грусть, являются врожденными и универсальными, многие ученые апеллируют к тому (предполагаемому) факту, что данные конкретные эмоции якобы обнаруживаются во всех культурах. А. Вежбицкая полагает, что есть, по меньшей мере, четыре первичных эмоции, основанные на физиологии: страх, гнев, грусть и удовлетворение. Она доказывает, что основанием для того, чтобы считать их первичными, является то, что их можно наблюдать у многих животных, что их можно обнаружить во всех без исключения культурах, что они появляются ранней стадии развития личности, что они возникают в результате взаимодействия возможностей и положения человека и что с каждой из них связана особая самостоятельная схема физиологических изменений. Указанные моменты важны в том отношении, что они в явном виде дают обоснование тому, чтобы рассматривать определенные эмоции в качестве первичных. Другие предположения, высказываемые адептами «базовых эмоций», более правдоподобны, например та мысль, что страх, гнев и грусть могут соответствовать каким-то сторонам эмоционального опыта, общим для всех людей и заложенным генетически. Понятийная категория «гнева» («anger») в высшей степени релевантна для носителей английского языка, а также для носителей других языков, в которых есть слова, соответствующие по смыслу английскому слову *angry*.

Л и т е р а т у р а

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1987.
2. Павеленис Р. Язык. Смысл. Понимание. Вильнюс, 1986.

Политический и масс-медиаальный дискурс: воздействие – восприятие – интерпретация

© кандидат филологических наук *М. Р. Желтухина, 2003*

Огромная масса людей принимает на веру слова и категории, выработанные другими, вампирически живет чужим опытом. Никакой собственный реальный опыт уже не связывается со словами, которые, однако, определяют все оценки жизни. Слова были реально содержательны для тех, у кого были свой опыт и своя мысль, своя духовная жизнь. Но эти же слова стали номинальными и бессодержательными для тех, которые живут по инерции, по привычке и подражательности. *Н. Бердяев*

Проблема восприятия, понимания и интерпретации полученной информации является одной из основных проблем современного общества. Решению этой проблемы посвящены исследования в таких областях, как лингвистика, психология, социология, политология и др. Реальность, осознаваемая нами, представляет собой отличную от презентуемой действительность, запечатленную в нашей памяти в результате ее восприятия по какому-либо информационному каналу, трансформированную в нашем сознании под влиянием социокультурных, психологических, геополитических и прочих факторов. Для воспринимающего масс-медиаальный текст – это дважды, трижды и более метонимия реконструируемого целостного значения: кем-либо порожденный текст – кем-либо воспринятый, осмысленный и воспроизведенный текст – кем-либо ретранслируемый текст, поданный в определенном контексте – кем-либо воспринятый текст, осмысленный и т.д.

В этой связи изучение механизма, средств и эффектов воздействия масс-медиа на сознание и поведение человека представляет большой интерес. Знание такого рода необходимо особенно во время избирательных кампаний, когда решается судьба миллионов людей, определяется направление их жизни на несколько лет вперед. При этом нельзя забывать, что для любых технологий воздействия, в том числе и избирательных, важно не столько выявление механизма воздействия на сознание адресата, сколько прогнозирование результатов этого воздействия.

Исследования масс-медиаального дискурса наглядно демонстрируют возрастающую унификацию и догматизацию мышления большинства населения, когда воля ослабевает, а сознание стереотипизируется, автоматизируется, авторитаризируется, рутинизируется. Мощност и скорость распространения информационного потока, а также конкуренция масс-медиа на рынке коммуникации не позволяет человеческому мозгу своевременно провести необходимый анализ и синтез восприни-

маемой информации, тем более отделить субъективное от относительно объективного, заказное от реально произошедшего и т. п. (Желтухина, 2001).

Когнитивные методы исследования и интерпретации масс-медиального дискурса позволяют выделить два блока факторов, оказывающих влияние на воспринимаемую адресатом информацию: *факторы, связанные с адресантом* (личностный, информационно-технический и др.), и *факторы, связанные с адресатом* (личностный: мировоззренческий, культурологический, национальный, религиозный, возрастной, гендерный, социальный, политико-экономический, территориальный и др., информационно-технический и др.).

Факторы, связанные с адресатом, привлекают особое внимание исследователей. Их учет очень важен при порождении информации и прогнозировании реакции на нее в связи с тем, что возможно различное восприятие одинаковой информации. При одинаковых параметрах (1 масс-медиальный адресант, 1 информационный канал) одна и та же информация всегда будет воспринята по-разному: сколько адресатов, столько вариантов восприятия информации. Еще сложнее прогнозировать их реакцию, которая тоже будет различна. Однако при совпадающих факторах (возраст, пол, национальность, мировоззрение, социальный статус и др.) можно говорить о сближении позиций адресатов и их реакций на воспринимаемую информацию. Для наглядности вышеизложенное представим в виде схемы 1:

Изменение какого-либо параметра, например, передача одинаковой

информации по разным информационным каналам (разные телеканалы: ОРТ, НТВ, РТР, радио и т. п.), приводит к изменению ее восприятия адресатом: восприятие 3* (схема 2) \neq восприятию 3 (схема 1, 2), реакции адресата на нее. Иллюстрацией сказанному служит схема 2.

Политика и масс-медиа давно тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. В СМИ политика является одной из самых важных тем. Взаимодействие масс-медиа и политической идеологии состоит в том, что СМИ могут поддерживать или, наоборот, подрывать уже существующие в обществе политические структуры. Поскольку источники новостей транснациональны, то они неизбежно связаны с политикой тех стран, откуда они поступают. Политические силы нередко определяют направление теле- или радиоканала, газеты или журнала (государственные, независимые, демократические, либеральные, коммунистические СМИ и т. п.). Часто на качество передаваемой информации и адекватное содержание освещаемых событий оказывают влияние государственные органы, местная цензура. Государство и заинтересованные лица посредством масс-медиа пытаются воздействовать на наше сознание, манипулируя нашими представлениями. Однако следует отметить, что действие крупных масс-медиа компаний в соответствии с линией правительства происходит не из-за сознательной рабской приверженности СМИ официальной политике, а из-за наличия у государства различных источников информации и привлечения СМИ известных личностей

(политиков, бизнесменов, деятелей культуры и т. п.) для получения необходимой информации.

Телевидение навсегда изменило политику, сократив дистанцию между политиком и электоратом (Meugowitz, 1985). Опытный кандидат уже ориентируется не на отдельные группы населения (учителей, юристов, рабочих и др.), а на всех сразу, так как все его выступления могут быть показаны в новостях. Отдельное неудачное утверждение, неверное поведение могут привести к негативным последствиям, так как будут тиражироваться в масс-медиа (например,

Л. Слиса: *Я в общем-то работаю с мужчинами по их проблемам* (ТВ, 2000);

С. Степашин: *Я думаю, что Владимиру Владимировичу Путину кто-то подкладывает серьезную медвежью услугу* (ТВ, 2000);

В. Черномырдин: *Хотели, как лучше, а получилось, как всегда;*

С. Дарькин: *У меня вообще есть идея отменить зиму в Приморском крае* («ИТОГИ», 3.06.01);

А. Чубайс: *Спасские ворота. Электрик стадиона Чубайс: Мне ваш счет до лампочки. У меня свой ЕЭСтъ (комикс-1998);*

Chubays@vladivostok.sveta.net.

Поэтому современному политику необходимо умело использовать преимущества телевизионного общения с избирателем в борьбе за власть и влияние в обществе.

Мировоззрение адресата является мощным фактором, влияющим на интерпретацию воспринимаемой им политической информации. Адресаты разных стран по-разному воспринимают одну и ту же политическую ситуацию, что зависит от различий в представлениях, складывающихся у них после получения информации через масс-медиа (например, новости). Кроме того, политическая и общая культура социума влияет на то, как освещаются определенные аспекты избирательной кампании в СМИ, как на это реагируют избиратели (например, реакция на сексуальные скандалы с высокопоставленными чиновниками: *человек, очень похожий на генерального прокурора, моникагейт* и др.).

Показательным в данном случае является пример воздействия СМИ на адресата и его реакции на информацию о сексуальных взаимоотношениях Билла Клинтона и Моника Левински (1998-2000). В СМИ тиражировались выступления Левински, Клинтона, республиканцев и демократов, при этом выражалось всеобщее недовольство и неодобрение его поведения. Билл Клинтон сначала лгал, но потом согласился, что поступил плохо. Республиканцы-оппозиционеры пытались отстранить демократа Клинтона от власти, но им это не удалось сделать. Что

касается реакции электората на проступок президента, достойного импичмента, то многие избиратели находились в замешательстве, а либерально настроенных избирателей насторожило сексистское отношение к женщине, чьи права он отстаивал. Несмотря ни на что, популярность президента в США возросла.

В международной прессе дело Билла Клинтона было представлено в контексте политической и национальной культуры. В странах Дальнего Востока (особенно в Ираке) Билл Клинтон изображался аморальным представителем сильной державы, безответственным клоуном в Белом доме. Многие западноевропейские СМИ поддерживали внешний нейтралитет, упоминая о неэтичности вмешательства в личную жизнь президента. В России СМИ постарались не только сообщить все подробности дела Клинтона-Левински, но и сделать этот факт достоянием народного фольклора: «блин, Клинтон»; С. Метелкин: «*Выбор у президентов увы не велик: либо Моника, либо клиника*» (АИФ, 03.99).

Запоминание воспринятой адресатом политической информации зависит не столько от лаконичности и законченности сообщений масс-медиа, сколько от качества первого восприятия. Установлено, что в памяти лучше сохраняются визуальные, а не вербальные образы (Grabar, 1990). Максимальный эффект запоминания достигается при тесной связи видео- и аудиоинформации. Особенно эффективен аудиоматериал, который сопровождается эмоционально насыщенным видеорядом. Интенсивный эмоциональный видеобраз вытесняет из памяти вербальную информацию, представленную до этого кадра. Материал, поданный во время или сразу же после яркого образа, запоминается лучше, чем материал, не сопровождаемый ярким визуальным образом. Например, СМИ сообщили, что в ходе губернаторских выборов в Нижегородской области (2001) была проведена следующая акция: около бани избирателям раздавались веники и мыло. Одним из аудиовизуальных лозунгов стал: *Лучше баня, веник, пар, чем предвыборный угар*. Далее сообщались фамилии кандидатов на пост губернатора с некоторыми аудиовизуальными комментариями: депутат Г. Ходырев от КПРФ, А. Клементьев – криминальный авторитет, экс-супруга которого снялась в политическом рекламном фильме против Климентьева, Д. Савельев, действующий губернатор И. Скларов рядом с С. Кириенко, представителем президента в Приволжском округе. Далее избирателям предлагалось сделать свой выбор.

В целях воздействия на сознание адресата важно исследовать эффекты взаимодействия и столкновения аудиовизуальных кодов и текстов. С когнитивной точки зрения эмоциональный образ прерывает повторение информации в рабочей памяти, непосредственно ему предшествующей. Тем не менее, интенсивный образ сам по себе хорошо

запоминается и может служить организационной схемой для построения в памяти представления о событии. Установлено, что при восприятии основных вопросов программы кандидата срабатывает модель распространения активизации памяти (spreading activation memory) (Collins & Loftus, 1975; Schleuder, McCombs & Wanta, 1991). При просмотре новостей (например, сначала экономического репортажа) у потенциального избирателя ассоциации с первым концептом «экономика» активизируют информацию по данной теме, которая будет располагаться на самом близком к сознанию уровне. Эта тема может стать важной, если она присоединяется к другой информации, например политической рекламе. В данном случае репортаж будет выполнять функцию прайминга и задавать тон интерпретации последующей рекламы. Репортаж о неутешительной экономической статистике или социальных проблемах населения может повредить имиджу кандидата, слабого в социоэкономических вопросах. Политическая реклама, следующая после неополитического репортажа, также может иметь негативные последствия для кандидата.

На выбор репортажей влияет наличие релевантных и подходящих видеоматериалов. Это приводит к слишком подробному освещению фотогеничных тем и недооценке и недостаточному освещению других событий. Поэтому вся программа новостей невольно смещается в сторону более ярких образов. Например, в 2000-2001 годах новости сообщают о катастрофах, событиях в Чечне, Югославии, деятельности президента, правительства, Госдумы, избирательных кампаниях, спорте, погоде. Особенно яркий и визуальный образ может пробудить общественное мнение и вызвать живую реакцию адресата.

Масс-медиа информация влияет на знание темы и восприятие адресатом событий. Например, широкий отклик события в масс-медиа воздействует на вынесение приговора судом. Еще до суда СМИ формируют у судей общие знания о тех или иных случаях (судебные процессы в Приморье, Белоруссии). Призывы не принимать во внимание эту информацию не стирают знание о ней в памяти судей. Кроме того, масс-медиа влияние оказывают *крайняя степень события* (во время выборов покушение на кандидата: его убийство, травмы в результате взрыва, авто- или авиакатастрофы и т. п.), *общие представления* (о стране, ее населенности) и *частота появления в масс-медиа* (страны, чаще появляющиеся в СМИ, считаются более населенными, а люди – более известными).

Масс-медиа сами по себе создают новости (газета «День за днем» рекламируется на телевидении во время волгоградских избирательных кампаний Е. Ищенко, О. Савченко). Даже если программа новостей не оказывает на людей значительного воздействия, она, несомненно, зани-

мает важное место в массовом сознании. Особенно во время избирательной кампании освещение новостей становится новостью, и даже большей новостью, чем событие, о котором говорится.

Кандидаты активно используют новости для демонстрации своих преимуществ с целью создания позитивного и подходящего для выборов имиджа. Это гораздо дешевле других способов, и часто вызывает у общества больше доверия, чем прямая реклама. Прием «ненавязчивой» саморекламы успешно применяет В. Жириновский, появляющийся в нужное время в нужном месте в окружении журналистов. Например, посещение цыганки во время избирательной кампании 2000 года, которая нагадала, что инициалы нового президента – *В.В.* Непонятно только, какой *В.В.*: *Владимир Вольфович Жириновский* или *Владимир Владимирович Путин*. Для прецедента события инициалов оказалось достаточно.

Созданию имиджа кандидата способствует также частотность упоминания в новостях в зависимости от актуальности информации. При этом действующий президент (мэр, губернатор и т. п.) имеет больше преимуществ перед просто претендентом. Например, аудиовизуальный материал о выборах В. В. Путина на пост президента: *Никакой рекламы / никакого административного ресурса // А просто круглые сутки / Новости дня... // Путин / под землей // Путин / в небесах // Путин / с ткачихами // Путин / с врачами // Путин / на тачке // Путин / в электричке // Путин / слушающий рабочих // Путин / щупающий комбикорм... (ИТОГО, 2.07.2000)*

При создании политических новостей учитывается не только то, во что верят кандидаты, но и то, что хотят услышать избиратели. Если выявляется недовольство населения экономическим, социальным положением в стране, то масс-медиа и политтехнологи пытаются усмирить скрытое или явное недовольство путем смещения акцента на какое-либо внешнее событие, провоцируя появление «врага» или вызывая сильную эмоциональную реакцию адресата (военные действия в Югославии, в Чечне, гибель подводной лодки «Курск» и т. п.).

Политические деятели создают псевдособытия, реализуют «политику ток-шоу», чтобы привлечь внимание прессы и для бесплатной рекламы (участие в развлекательных программах, концертах, выступлениях с песней, произнесение тостов и поздравлений, участие в КВН в качестве зрителей и т. п., например, выступления В. Жириновского на «Новогоднем огоньке» – 2000/2001).

Значительную сложность для кандидатов представляет отражение атак противника. Дело в том, что очень трудно прогнозировать реакцию оппонента, еще сложнее предугадать реакцию электората. Признание ошибок и уход от критики, выпад противника, оставленный без ответа,

избиратели могут воспринять положительно (например, результат по делу Клинтона-Левински). Откровенно злой или мелочный ответ может лишь вдохновить оппонента, но не вызвать симпатии к кандидату у электората (например, теледебаты Г. Явлинского и В. Жириновского). У действующего президента при отражении резкой критики оказывается меньше возможностей для маневра, чем у других кандидатов. В некоторых случаях лучше не замечать или отказываться от ответа, чем «удостаивать» кого-либо реакцией (например, тактика В. Путина). С другой стороны, действующему президенту не всегда легко отклонить атаки оппонентов. Всегда существует опасность прилива у избирателей симпатии к оппоненту, если они увидят несправедливость критики. Эта тенденция удерживает политических противников от литья грязи друг на друга, но, к сожалению, не всегда. Кандидат воздерживается от нападения на оппонента, если опережает его по предварительным опросам, так как нападение и критика лишь узаконивают оппонента и привлекают к нему внимание.

Подробность или поверхностность описания тех или иных аспектов политических кампаний зависит от значительности и информативности освещаемых событий. Важной считается следующая информация:

- участники политической борьбы за тот или иной пост,
- кандидаты, выбывающие из гонки,
- резкое нападение на противника,
- ошибка кандидата в предвыборной борьбе,
- привлечение живой реакции на политическую речь или событие (поддержка кандидатов: а) демонстранты (организация выступлений против оппонента, а не для того, кто произносит речь на митинге), б) встреча кандидатов со значительными людьми и др.),
- результаты опросов общественного мнения,
- предсказания экспертов,
- результаты действительных выборов,
- любой значимый аспект кампании.

Телевизионное предсказание результатов выборов может повлиять на их исход, особенно если перевес голосов незначительный, так как избиратели с неохотой пойдут голосовать, увидев, что результат уже известен. Для победы кандидата важно создать впечатление в СМИ «лучше, чем ожидалось». Например, в высказывании *С. Дарькин – не бизнесмен, а промышленник*, отмечается изменение семантики, что вызывает в сознании избирателя новые ассоциации, аллюзии, придает положительную окраску образу кандидата.

Масс-медиа, как правило, не выясняют тенденции явления или его причины сами. Нарушается прецедентная схема: адресат лишается ис-

тории для понимания запутанных событий настоящего. СМИ мало сообщают о *квалификации кандидата* (умения и навыки для того, чтобы стать президентом, депутатом и т. п.); *характере кандидата* (отсутствие положительных качеств, например, неверность в браке, теневой бизнес и т. п.); *позиции по отдельным сложным вопросам* (экономика, политика).

Легче освещать отчеты, публикации пространного характера о точке зрения кандидата по тому или иному вопросу. Тем не менее, такие отчеты не пользуются массовым спросом. Избиратели смотрят, в основном, 30-секундные обзоры, где больше внимания уделяется менее важным периферийным аспектам. Кроме того, подробные материалы очень трудно адекватно осветить в масс-медиа, особенно на ТВ, еще сложнее их воспринять адресату. Благодаря массовой природе коммуникации в СМИ даже незначительный процент населения, прочитавший объявление в газете, может считаться успехом для кандидата. Лаконично и просто изложенная в политической рекламе позиция кандидата может быть эффективнее, чем теледебаты.

Масс-медиа уделяют пристальное внимание сложной позиции кандидата, когда в прямом телевизионном эфире проходят открытые прения кандидатов в президенты, депутаты и т. п. Преимущества дебатов велики. У претендентов есть возможность детально изложить свою позицию, используя различные риторические и психологические приемы (обмен искаженными мнениями друг о друге, снижение категоричности высказываний, большая свобода утверждений, стремление к бодрости высказывания, возрастанию дружелюбия и т. п.). Кандидаты оцениваются по содержанию выступления, внешности и манере поведения. В роли адресата-наблюдателя выступают сторонники всех кандидатов-участников. Дебаты – составная часть избирательной кампании, направленной на определение победителя. Они способствуют соблюдению ритуала соревнования и удовлетворению потребности электората в развлечении. Масс-медиа способствуют созданию имиджа кандидатов и играют роль посредника между дебатами и их зрительской интерпретацией. Конкуренция на рынке масс-медиа приводит к ущемлению прав кандидатов, не занимающих лидирующих позиций, которых СМИ неохотно включают в свои репортажи.

Политическая реклама также стремится создать новый образ кандидата, усиливает, смягчает или переоценивает прежний имидж, учитывая вербальный и невербальный аспекты. Игра на эмоциях адресата представляется основным направлением имиджеологии (Englis, 1994). Предвыборным штабом кандидата проводятся опросы общественного мнения, чтобы определить, какие аспекты кампании кандидата и его оппонентов привлекают избирателей, а какие отталкивают. Затем в

соответствии с опросами вырабатывается новый имидж кандидата.

Некоторые исследования имиджа кандидата посвящены общим аффективным чертам, личности, социальным атрибуциям и сравнивают имидж человека с его реальным поведением (Andersen & Kibler, 1978; Nimmo & Savage, 1976). Прослеживается взаимосвязь между избирательскими рейтингами поведения кандидата и предпочтениями при голосовании, исследуется использование электоратом своих когнитивных схем для формирования имиджа кандидата, который впоследствии влияет на их оценку (Gagamone, Steele & Pinkleton, 1991). Известны четыре аспекта обработки политической информации: личностные факторы кандидата, рассматриваемые вопросы, групповые взаимоотношения и партийная идентификация (Lau, 1986). Многие избиратели используют именно эти схемы при восприятии политической рекламной продукции.

Кандидаты, в свою очередь, применяют различные психологические методы политической рекламы:

1) обращение к безопасности («непреклонная защита нации», гарантия «закона и порядка»): В. Путин: *Мы будем преследовать террористов везде... Вы меня извините, в туалете поймаем – мы их и в сортире замочим.* (ТВ, 16.09.99); *Порядок в стране – достаток в доме* (КПРФ);

2) апелляция к страху (игра на опасениях избирателей: неизвестность кандидата, разгул преступности, терроризм, национализм и т. п.): *Выдвигаемый кандидат никогда не работал в управленческой сфере / далек от производства / не знает нужд простых граждан...* (ТВ, 1998); *Эти горе-руководители создали все условия для экономических правонарушений в области / для коррупции / для преступности и бандитизма...* (Р, 1998); *Придет час гнева простолюдина / и сметет он ненавистную / нерусскую власть ельциных / чубайсов / немцовых / уринсонов / и других педократов-садистов // Даже президент ... / обратился к русской идее... // Он выразил мысль / что не чубайсы и бурбулисы / а сам народ должен развивать эту идею* (Р, 1999).

3) патриотические призывы, символы (российский, американский флаги, известные общественные здания в Москве, Вашингтоне, статуя Свободы, национальные исторические символы и т. п.): Н. Харитонов: *Что гимн на музыку Александрова может разделить нас, может говорить только человек, у которого вместо сердца – кирпич, а вместо глаз – доллары.* (Экспресс, 02.01);

4) обращение к семье и привязанности (семейная фотография улыбающегося кандидата с супругой и детьми, как если бы семейное положение или родители в какой-то степени свидетельствовали о политическом профессионализме кандидата и его способности справиться со

своими обязанностями): например, на фотографии изображены Герхард Шредер с супругой Дорис Копф в неформальной обстановке, под фотографией подпись: *Чтобы победить на выборах, нужна голова (Kopf в переводе с немецкого – голова)*. (Профиль. Карьера, 06.1999);

5) личные свидетельства:

а) «известных сторонников кандидата» (политик, сенатор, президент, деятели науки и культуры и т. п.): А. Ефремов, губернатор Архангельской области: Я думаю, что Борис Николаевич будет хорошим консультантом для нового президента. Уходить в политическое небытие с таким опытом, наверное, неправильно. Я бы хотел, чтобы у Путина был грамотный консультант. (МК, 10.01.00);

б) «случайного прохожего» (остановленный на улице человек на вопрос журналиста «За кого будете голосовать?») отвечает: «За Путина. Он наведет порядок в стране!» (05.2000).

Негативная реклама хорошо запоминается, даже если не особенно нравится зрителям (Faber, 1992; Garramone, 1984; Garramone, Atkin, Pinkleton & Cole, 1990; Johnson-Cartee & Copeland, 1991). Негативные рекламные клипы воздействуют на имидж кандидата в выбранном в рекламе направлении, что влияет на поведение избирателей. Поэтому кандидату очень важно хорошо продумывать приемы нападения на оппонента, чтобы самому не потерпеть поражение. Создание негативного фона в политической рекламе может достигнуть необходимого результата, даже если противник не называется по имени, например, разрушенные коровники, забастовки рабочих и т. п. на фоне поднимающихся предприятий, роста благосостояния населения — машины, дачи и т. п. (игра на опасениях возврата к коммунистическому прошлому и т. п.). Негативная эмоциональная реклама запоминается лучше, чем позитивная, благодаря использованию в ней автоматической, а не контролируемой обработки информации (Lang, 1991). Контраст позитива и негатива сообщения способствует лучшему запоминанию негативной информации (Basil, Shooler & Reeves, 1991). Реклама, ориентированная на программу кандидата, вызывает к нему больше симпатий, однако имиджевая реклама лучше воспринимается визуальной памятью.

Несмотря на представление о том, что главная цель политической рекламы — изменение установок избирателей, относительно малое количество политических рекламных клипов в действительности влияют на чье-либо сознание так, что люди меняют свой выбор (Blumler & McQuail, 1969; Comstock et al., 1978; Mendelsohn & O'Keefe, 1976; Trenaman & McQuail, 1961). Политическая реклама помогает кристаллизовать существующие установки, уточнить их, подкреплять их для того, чтобы держать не очень уверенного избирателя "в кругу" сторонников, чтобы получить отдачу в день выборов. Реакция на политическую рек-

ламу может зависеть от связи, которую избиратель ощущает с кандидатом: 1) объективное убеждение (*«мне нравится его экономическая программа»*), 2) субъективная эмоциональность (*«я думаю, что он хороший»*), 3) противоречивость объективного и субъективного (*«Я согласен со всеми пунктами программы кандидата, но мне кажется, что он плохой человек»*).

Для достижения эффективности воздействия масс-медиа на сознание избирателей необходимо исследовать структуры познания, которые адресат создает о политических фигурах. Теоретическую базу изучения этих когнитивных структур будут составлять теория семантической обработки масс-медиа (Виосса, 1990), теория когнитивной схемы и семиотическая теория, исследования политической рекламы и ее эффектов (Faber, 1992; Jamieson, 1992; Johnson-Cartee & Copeland, 1997; Kaid & Holtz-Bacha, 1995).

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть, что масс-медиа открыто или завуалировано формируют наши представления о политическом мире. Масс-медиа создают политический мир – основу наших знаний о политике и последующего поведения в этой области, волеизъявления посредством голосования. Эта роль вряд ли изменится в ближайшие столетия в связи с тем, что вместе с технологическим прогрессом меняется скорость, количество и качество отправляемой адресантом и воспринимаемой адресатом информации (газеты, журналы, радио, телевидение, интернет), усиливается степень воздействия масс-медиа за счет интерпретации событий, трансформации передаваемой информации.

Примечательно, что масс-медиа, пытающиеся реализовывать функцию оценки и критики, вместо разоблачения различных слухов, псевдоаргументов, лжи, умышленно распространяемых в целях воздействия на чувства, эмоции, настроения и поведение людей, сами успешно и в глобальном масштабе порождают и распространяют слухи, активно используют псевдоаргументы и ложь. При этом невольно, а чаще всего намеренно масс-медиа достигают поставленных целей, воздействуя на психику и поведение человека. Масс-медиа активно эксплуатируют мифологическую сущность человеческого сознания, опираясь на эмоционально-аффективные и условно-символические образы при передаче информации.

В связи с этим масс-медиальному адресату важно выработать свою собственную жизненную позицию, политические убеждения, не поддаваться воздействию масс-медиа. Адресанту, в свою очередь, нельзя забывать, что достижение поставленных целей возможно только при учете фактора адресата. Необходимо помнить, что слова Павла о Петре говорят больше о Павле, чем о Петре (Спиноза), что важно не то, что

Марк сказал об Аврелии, а важно, как Аврелий понял слова Марка, что о человеке судят не потому, что о нем сказали, а по тому, что поняли, как восприняли сказанное.

Л и т е р а т у р а

1. *Andersen P.A., Kibler R.J.* Candidate Valence as a Predictor of Voter Preference // *Human Communication Research*. – 5. – 1978. – P. 4-14.
2. *Basil M., Shooler C., Reeves B.* Positive and Negative Political Advertising: Effectiveness of Ads and Perceptions of Candidates // *F. Biocca (Ed.)*. *Television and Political Advertising*. – Vol. 1: *Psychological Processes*. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. — P. 245-262.
3. *Biocca F.* Semiotics and Mass Communication: Points of Intersection // *T. Sebeok & J. Umiker-Sebeok (Eds.)*. *Semiotic Web*. – The Hague, the Netherlands: Mouton, 1990.
4. *Blumler J.G., McQuail D.* *Television in Politics: Its Uses and Influences*. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 1969.
5. *Collins A.M., Loftus E.F.* A Spreading Activation Theory of Semantic Processing // *Psychological Review*. – 82. – 1975. – P. 407-428.
6. *Comstock G., Chaffee S., Katzman N., McCombs M., Roberts D.* *Television and Human Behavior*. – NY: Columbia University Press. – 1978.
7. *Englis B.G.* The Role of Affect in Political Advertising: Voter Emotional Responses to the Nonverbal Behavior of Politicians // *E.M. Clark, T.C. Brock & D.W. Stewart (Eds.)*. *Attention, Attitude and Affect in Response to Advertising*. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1994. – P. 223-247.
8. *Faber R.J.* Advances in Political Advertising Research: A Progression From if to When // *Journal of Current Issues and Research in Advertising*. – 4 (2). – 1992. – P. 1-18.
9. *Garramone G.M.* Voter responses to Negative Political Ads // *Journalism Quarterly*. – 61 (2). – 1984. – P. 250-259.
10. *Garramone G.M., Atkin C.K., Pinkleton B.E., Cole R.T.* Effects of Negative Political Advertising on the Political Process // *Journal of Broadcasting and Electronic Media*. – 32. – 1990. – P. 299-311.
11. *Garramone G.M., Steele M.E., Pinkleton B.E.* The Role of Cognitive Schemata in the Determining Candidate Characteristic Effects // *F. Biocca (Ed.)* *Television and Political Advertising*. – Vol. 1.: *Psychological Processes*. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. – P. 311-328.
12. *Graber D.A.* Seeing is Remembering: How Visuals Contribute to Learning from Television News // *Journal of Communication*. – 40 (3). – 1990. – P. 134-155.
13. *Jamieson K.N.* *Packaging the Presidency: A History and Criticism of Presidential Campaign Advertising* (2nd ed.). – NY: Oxford University Press, 1992.
14. *Johnson-Cartee K.S., Copeland G.A.* *Manipulation of the American Voter: Political Campaign Commercials*. – NY: Praeger, 1997.
15. *Johnson-Cartee K.S., Copeland G.A.* *Negative Political Advertising: Coming of Age*. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991.
16. *Kaid L.L., Holtz-Bacha C. (Eds.)*. *Political Advertising in Western Democracies: Parties and Candidates on Television*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1995.
17. *Lang A.* Emotion, Formal Features and Memory for Televised Political Advertising. – Vol. 1: *Psychological Processes*. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. – P. 221-243.
18. *Lau R.R.* Political Schemata, Candidate Evaluations and Voting Behavior // *R.R. Lau & D.O. Sears (Eds.)*. *Political Cognition*. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. – P. 95-126.
19. *Mendelsohn H.A., O'Keefe G.J.* The People Choose a President: Influences on Voter Deci-

- sion Making. NY: Praeger, 1976.
20. *Meyrowitz J.* No Sense of Place: The Impact of Electronic Media on Social Behavior. – NY: Oxford University press, 1985.
 21. *Nimmo D., Savage R.L.* Candidates and their Images. – Pacific Palisades, CA: Goodyear, 1976.
 22. *Schleuder J., McCombs M.E., Wanta W.* Inside the Agenda Setting Process: How Political Advertising and TV News Prime Viewers to Think about Issues and Candidates // *F. Biocca (Ed.)*. Television and Political Advertising. – Vol. 1.: Psychological Processes. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. – P. 265-309.
 23. *Trenaman J., McQuail D.* Television and Political Image: A Study of the Impact of Television on the 1959 General Election. – London: Methuen, 1961.
 24. *Желтухина М.Р.* Специфика масс-медиального дискурса // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы: Тезисы докладов международной конференции. Москва, 23-25 окт. 2001 г. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 156-159.

**Социальные стереотипы
как форма категоризации действительности
в лингвистическом, психологическом
и социологическом аспектах**

© Н.Г. Табалова, 2003

Современная эпоха – это эпоха информации. “Кто владеет информацией – тот владеет всем” – вот один из принципов современной жизни. Именно в 20 веке с осознанием ее важности во всех сферах жизни возросла роль средств массовой информации (далее: СМИ). Сегодня на человека ежедневно обрушивается поток информации из разных источников: со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров, по радио, а в последнее время возросла роль интернета в процессе ее передачи. И часто бывает трудно разобраться в таком количестве информации, правильно оценить ее значимость и соответствие действительности. Да и сами способы ее передачи стали более изощренными и более разнообразными. Как правило, тот, кто передает информацию, пытается не только донести ее до получателя, но и воздействовать на него с ее помощью. В последнее время значительно возросла роль ее эмфатической и агитационной функций. Зачастую на информационных полях развертываются настоящие баталии за сердца и умы читателей, слушателей, зрителей. Причем воюющие стороны придумывают все новые и новые средства борьбы, новые тактики и стратегии.

С другой стороны, аудитория также стала опытнее и искушеннее. Мы постепенно учимся “правильно” слушать, читать, смотреть. Мы учимся читать не только то, что пишут, видеть не только то, что нам показывают, но и читать, видеть те имплицитные смыслы, которые содержатся, что называется, между строк и за кадром. Наше восприятие, сознание научилось работать выборочно, стараясь уловить глубинные смыслы слушаемого и читаемого. Таким образом, мы все больше и больше развиваем свои когнитивные способности. Осознавая это, отправители информации, стремясь донести ее до нашего сознания, одновременно с этим пытаются воздействовать и на наше подсознание. Поэтому неслучайно СМИ используют данные различных наук, занимающихся теорией информации, изучением человеческого сознания. Кроме того, особенности современной массовой коммуникации таковы, что при передаче информации необходимо передавать ее как можно компактнее, заключая наибольший смысл в наиболее краткой форме.

В частности, такую функцию выполняют социальные стереотипы, которые определяются как “упрощенное, схематизированное, часто искаженное представление о каком-либо социальном объекте (социальная группа, человек, принадлежащий к какой-либо социальной общности и т.д.), относящееся к сфере бессознательного.” [http://soros.novgorod.ru].

Они заключают в себе некоторые, часто второстепенные, но устойчивые, признаки объекта. Термин был введен американским журналистом У. Липманом. Социальный стереотип отличается от других форм знания тем, что информация, на которой он основан, соотносится не с каким-либо данным объектом, а с другим знанием, которое может быть неверным.

Социальные стереотипы как нельзя лучше вписываются в контекст языка СМИ. Являясь производными массового сознания, которое, как говорит Г.Г. Почепцов, “предпочитает работать с нерисковыми стратегиями, охотно опирается на уже реализованные варианты” [Почепцов 2001: 262], социальные стереотипы позволяют экономить время при передаче информации, а также при анализе и распознавании того, кто стоит перед нами. Не случайно психологи утверждают, что первое и часто устойчивое мнение о собеседнике мы формируем в течение первых 15 (иногда 30) минут. И в немалой степени “ответственны” за это социальные стереотипы. Г.Г. Почепцов называет такое восприятие *дополняющим* [Там же: 262]. Мы стараемся сразу же дополнить образ собеседника до стереотипа, уже имеющегося у нас. “Мы стараемся вписать его в сценарий, фрейм, в глобальном смысле – в миф. И это общий закон человеческой психики» [там же: 262]. Как пишет Уильям Кей, “наука и технология 20 века основаны на работе по созданию символов, которые не только не освободили человека от символической трясины, но еще глубже поместили его в зависимость от символов и от того, что, как он считает, они значат или не значат” [Кей 1973: 55]. Перед нами все время проходит усиление реального образа, поскольку массовое сознание как бы гипертрофирует нужные ему черты, закрывая глаза на те, которые не хочет принимать во внимание.

Стереотип обладает логической формой суждения, “в заостренно упрощенной и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписываемого определенному классу лиц определенные свойства и установки, – или, наоборот, отказывающего им в этих свойствах или установках” [Кубрякова 1996: 177]. Социальные стереотипы могут выражаться в виде предложений типа: *Итальянцы музыкальны, Южане вспыльчивы, Женщины эмоциональны*, описывая стереотипные представления, “расхожие истины”, свойственные некоторой группе – носительнице культуры. Но они могут также выражаться и не в такой пря-

молинейной, а имплицитной форме. И тогда вступает в силу прагматический аспект высказывания. Кроме того, необходимо помнить, что стереотип – это сложная форма обработки информации и хранения знаний, результат когнитивной деятельности нашего мозга. Другими словами, это – сложный когнитивный конструкт.

Впервые социальные стереотипы стали предметом изучения психологии. В настоящее время они являются предметом изучения разных наук: социологии, политологии, культурологии и др. В рамках лингвистики они остаются мало изученными, являясь, по сути, частью концептуального аппарата когнитивной лингвистики. И если на Западе и, особенно, в Америке, где зародилась когнитология, и когнитивная лингвистика в частности, они попадали в круг научных исследований ученых, то в России они остаются пока мало изученными. И поскольку язык является основным способом фиксации знаний и передачи информации, то нам кажется, что пришло время изучить языковой аспект этого явления. Нам кажется, что это интересно сделать на материале языка англоязычной прессы, так как именно в этой области наиболее чаще используют социальные стереотипы. Кроме того, пресса во многих странах мира разнородна. Различные издания представляют и выражают интересы разных социальных, политических и др. групп. Более того, одни и те же социальные объекты могут по-разному стереотипироваться разными социальными группами, а также одни и те же стереотипы могут получать различное языковое выражение.

Многое из того, что входит в наше сознание, порождается культурой, в которой мы живем. “Мы не только отражаем противоречивость, которую видим в обществе, но отражаем ее именно такой, какая она есть” [Paul 1998: 4]. Мы рано постигаем скрытые смыслы нашей культуры. К пяти годам, как утверждают психологи, большинство детей имеют вполне определенные и укрепившиеся в сознании стереотипы о различных социальных группах, национальных меньшинствах и других группах, которые далеко не всегда соответствуют реальности. Более того, как справедливо замечает психолог Анни Пол, “стереотипы вовсе не должны соответствовать реальности, чтобы служить своей цели” [Там же: 4].

Именно этот принцип часто используется в политическом дискурсе, где социальные стереотипы играют большую роль. Чаще всего они выражаются не эксплицитно, прямолинейно, а в имплицитной форме, посредством концептуальных метафор, сравнений, аллюзий и т.д. Политики умело руководят массовым сознанием людей, манипулируя живущими в их сознании и подсознании культурными, национальными и другими образами, концептами, представлениями, и, тем самым, вызы-

вая прочные ассоциативные связи и создавая новые концептуальные поля.

Так, на протяжении многих десятилетий во всем мире существует представление о Соединенных Штатах Америки как о политической и экономической доминанте в мире. В качестве материала для анализа были взяты некоторые публикации из журнала "The Economist". Статья, которая называется "On the ground", начинается так:

"From the halls of Montezuma to the shores of Tripoli – and now to the dust of Kandahar: the deployment of American marines in Afghanistan this week proves more powerfully than all the supposedly epochal utterances made since September 11th ... [The Economist, December 1st 2001, p. 13].

Сама структура начала предложения (*from ... to*) напоминает нам начало фавулы, сказки, когда рассказчик хочет особо подчеркнуть огромный масштаб чего-либо, его значимость и влияние. Полномасштабная и успешная деятельность американского десанта является своего рода символом могущества и влияния США на мировой политический процесс. Эта идея поддерживается далее определением заявлений американских политиков в связи с событиями 11 сентября как "эпохальных" (*epochal* – там же: 13), то есть имеющих историческое значение не только для США, но и для всего мирового сообщества. "Эпохальность" этих трагических событий подтверждается также и тем, что в большинстве публикаций в прессе о мировой экономике и политике после 11 сентября эта дата представляется как поворотный момент, как начало нового отсчета, новой эпохи. Идея мировой доминанты также подчеркивается такими лексемами как: *superpower* (p.13), *the world's economic dynamo* (*The Economist, December 1st 2001, p.14*), *indispensable American leadership* (*The Economist, December 1st, p.16*). Причем употребление слова "superpower" недвусмысленно напоминает нам о временах "холодной войны", периоде противостояния двух супердержав мира – несуществующего ныне СССР и США. И в этом смысле в настоящее время это слово вызывает отрицательную коннотацию, т.к. вызывает неприятные воспоминания о сложной международной ситуации тех лет. В те времена это употребление данного слова было оправдано тем, что для всего западного мира Соединенные Штаты возглавляли борьбу с другой супердержавой, которая представлялась как "империя зла". Сегодня политическая ситуация в мире изменилась, политики различных стран говорят о многополярности мира, в котором, естественно, нет места супердержавам, и, вследствие этого, данное слово получило негативную окраску. Интересно отметить, что авторы статьи используют атрибут *benign* к лексеме *superpower* (*The Economist, December 1st 2001, p.13*). В этом заключается скептическое, и даже настороженное отношение ав-

торов к действиям Америки в Афганистане. С одной стороны, успехи анти-террористической операции очевидны, с другой стороны, американцы проявляют непоследовательность в своей приверженности идеалам свободы, справедливости и следования законам, часто понимая и диктуя их по-своему, проигрывая, таким образом, в борьбе за идеи.

Важно отметить то, что стереотип США значительно изменился с приходом к власти республиканцев. Дж. Буш и его команда сместили акценты во внутренней и внешней политике страны. При демократах приоритет отдавался экономическому развитию, а также построению дружеских и партнерских отношений с другими странами. Конечно, привычки “господина мира” имели место, но проявлялись они, в основном, в рамках конкуренции, политического и экономического соревнования, а не в политической и экономической экспансии (за некоторыми исключениями, например, операция НАТО в Югославии). Соединенные штаты избегали прямых конфронтаций и вмешательств в военные конфликты, что нашло отражение в доктрине госсекретаря Колина Пауэла, известной как “Доктрина Пауэла”. Суть ее заключается в том, что США не следует вмешиваться в конфликт, если они не обладают абсолютным превосходством в силе и не имеют четкого плана выхода из конфликта. С приходом Дж. Буша к власти речь зашла о желательной переоценке (*welcome reassessment* – там же: 13) данной доктрины, которая является излишне осторожной для супердержавы. Снова заговорили о внешних врагах Америки, о необходимости вести войну с ними, о стратегической безопасности страны, о развертывании ПРО. Так, в ход вновь пошла военная терминология, причем задолго до событий 11 сентября и антитеррористической операции в Афганистане, тем самым, готовя американское общество к мысли о необходимости войны. Таким образом, о внешней политике заговорили через призму военной метафоры, особую значимость которой для американской культуры доказали еще Дж. Лакофф и М. Джонсон. Американские войска уже не просто охраняют свои посольства, сотрудников благотворительных организаций в местах военных конфликтов или выполняют миротворческую миссию, а воюют с врагом, *fighting an enemy* (*The Economist, December 1st, p. 13*). О террористическом акте 11 сентября говорят как об атаке на Америку, которая требует “военного ответа” (*military response*). Кроме того, Америка воюет не только на полях сражений, в прямом смысле, но и на идеологических полях, отстаивая свои идеалы свободы, справедливости:

“One large difficulty concerns the very ideals for which America is fighting” (*The Economist, December 1st, p. 13*).

Таким образом, создается стереотипное представление о США как о “милостивой и справедливой супердержаве”, возглавляющей борьбу с мировым злом в лице международного терроризма.

Конечно, такое представление в большой степени соответствует действительности, но верным также является и то, что стереотипы способны в определенной степени “творить” реальность. В том смысле, что они детерминируют то, как и что мы думаем о стереотипном объекте, как мы говорим и пишем о нем, и, следовательно, они оказывают большое влияние на наши модели поведения, реакцию на данный объект. Милитарная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии и решении конкретных проблем.

Таким образом, газетные и журнальные публикации представляют огромный интерес с лингвистической точки зрения. Они предполагают глубокие культурологические исследования, так как массовое сознание – это порождение и отражение культурной среды, и культурные концепты, образы являются основным материалом для реализации социальных стереотипов. Культурные нормы и традиции, в свою очередь, могут объяснить, почему для описания различных событий, явлений используются те или иные образы, сравнения, метафоры, что, в свою очередь, поможет разобраться в происходящем и адекватно реагировать на события в мире и обществе. С другой стороны, анализ языка, а точнее выбора языковых средств, используемых при обсуждении общественных вопросов, в массовой коммуникации поможет выявить мотивы тех или иных действий отдельных представителей общества или социальных групп, а также понять причины происходящих событий и вовремя на них среагировать.

Л и т е р а т у р а

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
2. Почепцов Г.Г. Паблик Рилейшнз для профессионалов. М., К., 2001.
3. Социальный стереотип. <http://soros.novgorod.ru>
4. Key W.B. Subliminal seduction. A media's manipulation of not so innocent America. N.Y., 1973.
5. Paul A.M. Where bias begins: the truth about stereotypes. <http://www.findarticles.com>, 1998
6. The Economist. December 1st 2001.

ЛИНГВИСТИКА

К вопросу об аналитическом императиве 2-го лица в современном чешском языке¹

© кандидат филологических наук А.И. Изотов, 2003

В современном чешском языке, как и в современном русском, в качестве основного средства выражения побуждения, обозначающего наиболее характерную с прагматической точки зрения директивную ситуацию, выступают конструкции с формами синтетического императива 2 лица ед. и мн. числа. Однотипность морфологической структуры и семантическая однородность данных форм позволяет считать побудительные высказывания с ними эталонными повелительными предложениями, ср. [Теория... 1990: 190]. Не будучи осложнены никакими дополнительными коннотациями, не сигнализируя ни о наличии, ни об отсутствии тех признаков, которые дифференцируют различные социально значимые разновидности побуждения (*приказ, совет, просьба* и т. д.), конструкции с синтетическими императивными формами наиболее универсальны, а потому и наиболее употребительны. Дифференциация же различных оттенков побуждения легко осуществляется с помощью соответствующего просодического оформления², а также лексико-синтаксических средств, которые сужают его коммуникативный потенциал, уточняя его иллокутивное предназначение.

Тем не менее в современном чешском языке для выражения иллокутивно недифференцированного побуждения 2-го лица могут использоваться также и аналитические конструкции *pojď(te) + инфинитив*. Поскольку те же конструкции используются также для экспликации

¹ Автор признателен сотрудникам Института Чешского национального корпуса при философском факультете Карлова университета в Праге за любезно предоставленную возможность пользоваться собранным ими и хранящимся в компьютерном виде фактическим материалом, в частности, подкорпусом письменных текстов SYN2000 (около ста миллионов словоформ), представляющим основные функциональные стили современного чешского литературного языка, см. <http://ucnk.ff.cuni.cz/>

² Так, «императивные высказывания до включения интонации содержат еще не выраженные эмоционально-смысловые отношения, т. е., согласно концепции А. В. Бондарко, обладают потенциальной, а не результативной функцией» [Брызгунова 1988: 29]. Тем не менее ситуации, когда соответствующее просодическое оформление домысливается самим реципиентом, вполне обычны, ср. восприятие любого письменного текста, где интонация, как правило, не фиксируется.

инклюзивного побуждения, возникает грамматическая омонимия (конструкции типа *pojd'te se podívat* могут означать и 'посмотрите-ка', и 'давайте посмотрим'). В результате однозначно о побуждении именно 2-го лица можно говорить лишь в случаях, когда оно маркируется еще каким-либо образом (например, когда говорящий мыслится не как субъект, а как объект каузируемого действия — первые два из приведенных ниже примеров, либо когда восприятию говорящего в качестве одного из субъектов каузируемого действия препятствует лексическое значение смыслового глагола — третий пример), ср.:

[учитель — школьникам в первый день учебного года:] <i>Tak, chlapci, pojd'te mi odevzdat praky, kudly a pistole, na konci školního roku vám věci zase vrátím.</i> (Dikobraz)	<i>'Так, ребята, сдавайте-ка мне ваши рогатки, ножи, пистолеты, в конце учебного года получите их обратно.'</i>
---	---

<i>Vezmu bič, rozrazím dveře a zařvu: "Tak mě pojd' zmlátit!"</i> <doc S PUB 1994 refl9444><s 015-p30s6>	<i>'Я беру кнут, распахиваю дверь и ору: «Ну, давай избеи меня!»'</i>
---	---

<i>Hrabala z druhé strany, panebože, kdybychom si ulámaly prsty, s tímhle nehnem, utrhlo se to ve velkých kusech, pojd'te někdo pomoci, lidi, prosím vás, honem, Hugo je pod tímhle balvanem, ten neodvalíme samy.</i> <doc S NOV 1990 honzlova> <s 001-p2112s4>	<i>'Она рыла с другой стороны, боже, да тут мы все пальцы переломаем, а с места ничего не сдвинем, такие глыбы обвалились, люди, помогите кто-нибудь, быстрее, Гуго под этим валуном, мы сами не справимся.'</i>
---	--

Кроме того, может оживляться внутренняя форма конструкции *pojd'(te) + инфинитив*, возникшей в результате семантического сближения начала физического перемещения в пространстве с началом какой-либо деятельности, тем более, что в целом ряде случаев подобное физическое перемещение является необходимой предпосылкой этой деятельности ('*пойди(те) посмотреть*'). Подобное оживление внутренней формы невозможно лишь в тех случаях, когда этому препятствует лексическое значение смыслового глагола, ср.:

<i>Nebud'te chudobní, pojd'te zbohatnout.</i> <doc S MIS 199f efemost> <s 048-p191s1>	<i>'Не будьте бедными, давайте богатеете!'</i>
--	--

Как видно из приводимой ниже диаграммы, конструкции с *pojd'(te)* характерны прежде всего для беллетристики (крайне левая об-

ласть диаграммы), а также (в заметно меньшей степени) для публицистических текстов (правая область диаграммы), ср.:

pojď(te) + инфинитив

В текстах SYN2000 представлены следующие сочетания формы *pojď(te)* с инфинитивом³:

pojď + инфинитив:

pojď se podívat (13); pojď si sednout (7); pojď spát (3); pojď si hrát (3); pojď si poslechnout (2); pojď se trochu projít (2); pojď se kouknout (2); pojď mi pomoci (2); pojď si sundat (1); pojď nám dělat vlny (1); pojď se na něco podívat (1); pojď se na něj podívat (1); pojď mi utírat (1); pojď večerět (1); pojď si se mnou zahrát (1); pojď sehrát (1); pojď mě doprovodit (1); pojď mi pomoci (1); pojď mi přidržet (1); pojď předvést (1); pojď si s námi hrát (1); pojď mě vyprovodit (1); pojď práť (1); pojď , ó pojď obcovat (1); pojď se posadit (1); pojď se se mnou podívat (1); pojď mě roztláčit (1); pojď se trochu prospat (1); pojď si zaplavat (1); pojď zruinovat (1); pojď se také podívat (1); pojď ukázat (1); pojď si na chvíli sednout (1); pojď jíst (1); pojď zkusit (1); pojď nám s ní pomoci (1); pojď tady ošetřit (1); pojď pročísnout (1); pojď tlačit (1); pojď na cestu se dát (1); pojď mě obejmout (1); pojď si to taky zkusit (1); pojď si na chvíli promluvit (1); pojď mi ustlat (1); pojď se na ni podívat (1); pojď se nad nás povyšovat (1); pojď mě zmlátit (1); pojď si k nám sednout (1); pojď spinkat (1); pojď pít (1); pojď obědvat (1); pojď uzavřít (1); pojď tancovat (1); pojď si lehnout (1); pojď pozdravit (1); pojď už se

³ Редактирование сгенерированного обслуживающей «Чешский национальный корпус» программой GCQP сочетания ограничивалось восстановлением находящейся в другой части примера возвратной частицы или местоимения, например: <s 001-p1376s8><doc S|NOV|1994|smilide> <s>Jen mi <pojď pomoci> . " → *pojď mi pomoci*; <s 001-p126s83><doc S|NOV|1969|milavra> <s>Ale raději se <pojď už posadit> . → *pojď už se posadit*.

posadit (1); pojd' mi sundat (1); pojd' to ukončit (1); pojd' si sednout (1); pojd' obcovat (1); pojd' nám pomoct (1).

pojd'te + инфинитив:

pojd'te si hrát (21); pojd'te se podívat (18); pojd'te si posílat (3); pojd'te hrát (2); pojd'te zbohatnout (2); pojd'te hádat (2); pojd'te (si) hrát (2); pojd'te si zahrát (2); pojd'te si sednout (2); pojd'te si to dopovědět (2); pojd'te mi pomoct (1); pojd'te hledat (1); pojd'te se dát do formy (1); pojd'te se nám podepsat (1); pojd'te se najíst (1); pojd'te se zase vrátit (1); pojd'te mi ukázat (1); pojd'te oslavit (1); pojd'te připít (1); pojd'te bydlet (1); pojd'te rozdat (1); pojd'te mi podržet (1); pojd'te tančit (1); pojd'te ho hledat (1); pojd'te dokončit (1); pojd'te trénovat (1); pojd'te prosím prověřit (1); pojd'te si povídat (1); pojd'te něco dělat (1); pojd'te nám pomoci (1); pojd'te se bavit (1); pojd'te hovořit (1); pojd'te nás držet (1); pojd'te zas nadávat (1); pojd'te slavit (1); pojd'te to hledat (1); pojd'te miminku zatancovat (1); pojd'te mě doprovodit (1); pojd'te uždibovat (1); pojd'te to zapít (1); pojd'te si sem sednout (1); pojd'te se sladkostí zpít (1); pojd'te se uklidnit (1); pojd'te ještě si dát (1); pojd'te si zatančit (1); pojd'te mě pobavit (1); pojd'te se radši napít (1); pojd'te likvidovat (1); pojd'te někdo pomoct (1); pojd'te se všichni podívat (1); pojd'te nakoupit (1); pojd'te si sem někdo schválně sednout (1); pojd'te se pověsit (1); pojd'te to zkusit (1); pojd'te si to slíbit (1); pojd'te k nám bydlet (1); pojd'te se projít (1); pojd'te se tam podívat (1); pojd'te mi povědět (1).

Чешской аналитической императивной конструкции с *pojd'(te)* соответствует русская аналитическая императивная конструкция с *давай(те)*, при этом, однако, при экспликации побуждения 2-го лица форма *давай(те)* сочетается не с инфинитивом (тогда речь пойдет об инклюзивном побуждении), а с презентно-футуральной формой индикатива или императива, ср. *Давай об этом ему скажешь ты! Давайте об этом ему скажете вы! Давай говори! Давайте говорите!*

Мы полагаем, что эта модель выступает и в высказываниях типа *Давай быстрее!*, когда речь может идти об опущении презентно-футуральной формы: *Давай [собирайся / двигайся / ...] быстрее!*, ср.: [разговор по телефону:] *Да! Слушаю! Что значит: динамит его не берет? А ты тротилом давай! Что? Давал тротилом? Не берет? <...> говорю, давай взрывавай все это <...>.* (В. Шендерович. Куклы).

Приведенный пример демонстрирует, кроме того, обыгрывание рассматриваемой конструкции, состоящее в «департикуляризации» элемента *давай*, внезапно обретающего способность иметь формы прошедшего времени (*давай* > *давал*), ср. аналогичную «департикуляризацию» при инклюзивном побуждении в словах некогда популярной пес-

ни «*Даешь Варшаву! Даешь Берлин!*» (давай > даешь, дашь) и в рассказе Е. Попова «Как съели петуха»: «*Садись! Давай выпьем!*» / *И точно — сели, и точно — дали. Выпили.*

Характер аналитического императива могут приобретать сочетания инфинитива смыслового глагола с синтетическими императивными формами некоторых глаголов, утрачивающих (по крайней мере, частично) в подобных сочетаниях своё лексическое значение, ср. мнение авторов пражской академической [Mluvnice češtiny 1987: 335]. Речь идёт о сочетаниях типа *běžte si o tom promluvit s Pavlem* 'поговорите-ка об этом с Павлом', *chraň se nepřijít* 'унаси тебя Бог не прийти', *orovaž se uvrůšovat* 'попробуй только отвлекать', *koukej neproradnout* 'смотри не провались (на экзамене)', *hled' se učít* 'смотри учись'. Так, очевидно, что в приводимых далее и подобных им примерах лексическое значение глагола *běžet* ослаблено, и говорящий отнюдь не ожидает, что их собеседник (собеседница) бросится бежать, ср.:

Paní asistentko, běžte říci Václavu Slánskému, aby sem přišel.
(V. Erben. Poklad byzantského kupce)

'Пани ассистентка, скажите [букв. бегите сказать] Вацлаву Сланскому, чтобы он пришел сюда.'

A doktor Kurka oslovil muže s úsměvem: "Pane, jste ve zdravotnickém zařízení, tady je třeba klid. Jestli s něčím nesouhlasíte, běžte si stěžovat." <doc S\FAC\1990|snar> <s 001-p1518s3>

'А доктор Курка, улыбнувшись, обратился к мужчине: «Уважаемый, вы в медицинском учреждении, здесь надо соблюдать тишину. Если вы с чем-то не согласны, идите жалуйтесь [букв. бегите жаловаться].'

Beníku, běž si sednout a hraj! <doc S\NOV\1964|zbabelci> <s 001-p49s3>

'Беник, давай садись [букв. беги сесть] и играй!'

Употребительность конструкции *běž(te) + инфинитив* поддерживается тематической близостью входящего в нее глагола *běžet* и глагола *jít*, входящего в состав рассмотренной выше аналитической конструкции *pojď(te) + инфинитив*. При этом следует подчеркнуть, что в то время как конструкция *pojď(te) + инфинитив* используется не только для выражения побуждения 2-го лица, но и для инклюзивного побуждения, конструкция *běž(te) + инфинитив* используется исключительно для выражения побуждения 2-го лица.

В текстах SYN2000 представлены следующие сочетания формы *běž(te)* с инфинитивом:

běž + инфинитив:

běž si lehnout (5); běž si hrát (4); běž si sednout (3); běž se podívat (3); běž si zas hrát (2); běž se umýt (2); běž se zeptat (2); běž spát (2); běž se/si oblíct (2); běž si odpočinout (2); běž si stěžovat (1); běž se napít (1); běž ji pohoupat (1); běž něco dělat (1); běž koupit (1); běž se oblíknout (1); běž uklízet (1); běž oslavovat (1); běž dodělat (1); běž si to ošetřit (1); běž se omluvit (1); běž se schovat (1); běž otevřít (1); běž se osprchovat (1); běž alespoň zatopit (1); běž to zkusit (1); běž někoho kopnout (1); běž šlohnout (1); běž se živit (1); běž se vycpat (1); běž okamžitě zasadit (1); běž to vyřídit (1); běž si zas někam hrát (1); běž si ho zítra vyzvednout (1).

běžte + инфинитив:

běžte se podívat (6); běžte si koupit (2); běžte se poradit (2); běžte si stěžovat (2); běžte si domů hrát (1); běžte natrhat (1); běžte spát (1); běžte si lehnout (1); běžte se tam někdo podívat (1); běžte se nejdřív zeptat (1); běžte se přitom podívat (1); běžte zas vyhrávat (1); běžte se tam přeptat (1); běžte se jich zeptat (1); běžte zapít (1); běžte se vyspat (1); běžte se vycpat (1); běžte se vyspat (1); běžte si válčit (1); běžte si okamžitě vyčistit (1); běžte si dát (1); běžte vytírat (1); běžte studovat (1); běžte si hrát (1); běžte to hlásit (1); běžte si užít (1); běžte osobně dát přeložit (1); běžte se posadit (1); běžte se přesvědčit (1); běžte vybrat (1); běžte to vyfotit (1); běžte se ženskými taky loupat (1); běžte štěkat (1); běžte stoupnout (1); běžte si na ně posvítit (1).

Достаточно употребительными являются и конструкции *koukej(te) + инфинитив*, к которым примыкают существенно менее употребительные конструкции с тематически близким глаголом *hled'(te) + инфинитив*, ср.:

Tak koukej mazat pro tu flašku. <doc 'Давай валя за бутылкой!'
S|NOV|1990|grusa> <s 001-
p1462s1>

Tak se koukej pohnout. <doc 'Давай шевелись!'
S|NOV|1993|vybuch> <s 006-
p209s2>

Nežvaňte a koukejte se procházet! 'Не болтайте и давайте гуляйте!
<doc S|COL|1989|zaruka> <s 001-
p3757s1> me!'

Tak různě, a teď už koukejte vystoupit. <doc S|NOV|199f|steel> <s 006-
p90s1> 'Да по-разному, а теперь уже давайте выходите.'

<i>A hled' to přinést, než se vrátí otec.</i> <doc S NOV 1992 lit> <s 001- p757s8>	<i>'И смотри принеси это до воз- вращения отца.'</i>
<i>S takovými myšlenkami však daleko nedojdete, hled'te se změnit.</i> <doc S PUB 1995 vl_19_95> <s 068- p27s2>	<i>'С такими настроениями вы далеко не уйдете, давайте-ка меняйтесь.'</i>

При этом в то время как конструкции *hled'(te) + инфинитив* оформлены единственным или множественным числом в приблизительно равном количестве случаев, для конструкций *koukej(te) + инфинитив* характерно прежде всего единственное число (почти три четверти общего количества примеров). Это, безусловно, связано с тем, что конструкции *koukej(te) + инфинитив* в большей степени маркированы как разговорные⁴ — множественное число употребляется не только при обращении к нескольким лицам, но и при обращении «на вы» к одному лицу, а «выканье» для стилистически сниженной речи подходит гораздо меньше, чем для речи стилистически нейтральной.

В текстах SYN2000 представлены следующие сочетания форм *koukej(te)* и *hled'(te)* с инфинитивом:

koukej + инфинитив:

koukej mazat (10); koukej zmizet (3); koukej vypadnout (2); koukej říct (2); koukej vyřídit (1); koukej ho dostat (1); koukej se dostat (1); koukej v každém případě mazat (1); koukej postavit (1); koukej střilet (1); koukej mi to říct (1); koukej mne rychle rozdělat (1); koukej sebou hodit (1); koukej to vypít (1); koukej nám promptně zaopatřit (1); koukej to tu všechno dát (1); koukej si to vyžrat (1); koukej položit (1); koukej si užít (1); koukej kápnout (1); koukej brzy napsat (1); koukej se honem uzdravit (1); koukej se snažit (1); koukej to už otevřít (1); koukej se zase brzy ukázat (1); koukej nám to vysvětlit (1); koukej rozbalit (1); koukej se brzo ukázat (1); koukej, bratře kostelníku, dát (1); koukej si zvyknout (1); koukej si nachystat (1); koukej to udělat (1); koukej toho nechat (1); koukej být (1); koukej nám přidat (1); koukej se sebou něco dělat (1); koukej něco dělat (1); koukej poslat (1); koukej spát (1); koukej se nenechat (1); koukej zaplatit (1); koukej mluvit (1); koukej ji vzít (1); koukej letět (1); koukej nějakou chvíli hezky hajat (1); koukej si chy-

⁴ Конструкции *hled'(te) + инфинитив*, в отличие от конструкций *koukej(te) + инфинитив*, могут встречаться и в «серьезных» текстах, например, в текстах Нового Завета: *Vůči těm, kdo nejsou křesťané, se chovejte rozvážně a hled'te v té věci využít vhodné příležitosti.* <doc S|NOV|1998|novzakon> <s 012-p54s1>. [Син. пер.: Со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем. (Послание к колоссянам)].

tit (1); koukej uhnout (1); koukej cítiti (1); koukej sekat (1); koukej vlízt (1); koukej se pohnout (1); koukej se svlíkat (1).

koukejte + инфинитив:

koukejte to uznat (1); koukejte chovat (1); koukejte být (1); koukejte honem rychle vykoumat (1); koukejte mi ulovit (1); koukejte taky někam jet (1); koukejte ho využít (1); koukejte padat (1); koukejte poslouchat (1); koukejte zmizet (1); koukejte se procházet (1); koukejte ho chytit (1); koukejte mazat (1); koukejte vystoupit (1); koukejte se schovat (1); koukejte to v té kopii vypsat (1); koukejte jej prodati (1); koukejte prodávat (1).

hled' + инфинитив:

hled' si najít (3); hled' ale také pro ni něco ušetřit (1); hled' poznat (1); hled' to nejošklivější zde odstranit (1); hled' barev , světla , zlata užívat (1); hled' se ztratit (1); hled' upamatovat (1); hled' to přinést (1); hled' být (1); hled' ji rozluštit (1); hled' ukořistit (1); hled' mne toho zbavit (1).

hled'te + инфинитив:

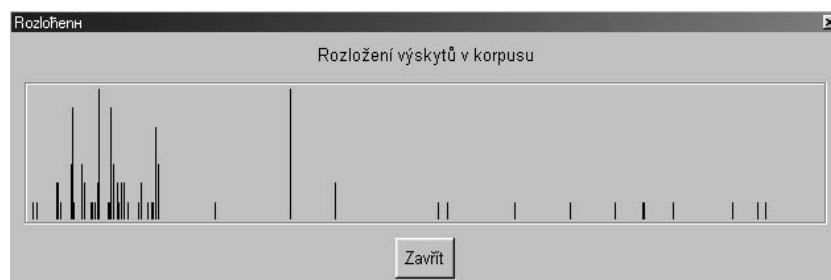
hled'te zapomenout (1); hled'te se trochu přemáhat (1); hled'te udržet (1); hled'te odpálit (1); hled'te vše do vikendu urovnat (1); hled'te se změnit (1); hled'te v té věci využít (1); hled'te ukázat (1); hled'te vyškrábat (1); hled'te ho k nám dostat (1); hled'te se dostat (1).

Как видно из приводимых ниже диаграмм, рассматриваемые конструкции встречаются прежде всего в беллетристике (крайне левая область диаграммы), ср.:

běž(te) + инфинитив

koukej(te) + инфинитив

Упомянутые в [Mluvnice češtiny 1987: 335] формы *chraň se*, *opovaž se* в составе рассматриваемых конструкций неупотребительны и в нашем материале представлены единичными примерами, ср.:

Ale on mi řekl: "Chraň se to udělat!" 'Но он сказал мне: «Остерегайся
<doc S|NOV|1998|novzakon> <s 027-p219s4> *делать это!»*

Dobře, nebudu tě už víc přemlouvat, ale opovaž se za mnou přijít, až si zlámeš kosti. <doc S|NOV|1995|jejitouh> <s 005-p15s2> *Хорошо, не буду тебя отговаривать, но когда переломаешь себе кости, попробуй ко мне прийти.'*

My vám laskavě dovolíme, abyste nás bránili, ale opovažte se nám sem cpát nějaké vojáky nebo jaderné zbraně. <doc S|PUB|1997|ln97159p> <s 002-p6s6> *Мы вам позволим нас защищать, но попробуйте совать нам сюда каких-нибудь солдат или ядерное оружие.'*

В русском речепотреблении подобным конструкциям до некоторой степени соответствуют сочетания типа *смотри не провались*, формальная структура которых (сочетание двух императивных форм, а не сочетание *императивная форма + инфинитив*) даёт нам гораздо меньше оснований рассматривать их в качестве единой аналитической конструкции.

Особо следует оговорить чешские конструкции типа *rač(te) zpívat*, в современном речепотреблении уместные лишь в особых ситуациях (в устах распорядителя на торжественном приеме, официанта в дорогом ресторане и т.п.). Налет архаичности, свойственный конструкциям с

*rač(te)*⁵, приводит к тому, что в ситуациях иных подобные обороты не могут продуцироваться иначе как с иронией, ср.:

*Tvář za oknem cosi nezřetelně zahučela, ale kapitán Exner zcela určitě zaslechl: "...všichni fízlové... na záda...", a pak řekla: "Tady je archeologický výzkum, pane." / "Ten mě právě zajímá." / "Tak **račte přijít** ve dne. Mimochodem, co vás tak strašně zajímá, že burcujete lidi z nejlepšího spánku?" (V. Erben. Poklad byzantského kupce)*

Физиономия за окном что-то пробормотала, причем Экснер вполне отчетливо расслышал «...все легавые... к чертовой матери...», а потом произнесла: «Здесь археологические раскопки, уважаемый». / «Именно они меня и интересуют.» / «Так соблаговолите прийти днем! Кстати, что же это вас так страшно заинтересовало, что вы будите людей среди ночи?»

Формы *rač(te)*, в отличие от форм *bež(te)*, *koukej(te)*, *hled'(te)*, *chraň(te)* *se*, *opovaž(te)* *se*, в составе рассматриваемых конструкций могут присоединять к себе отрицание⁶, что свидетельствует о большей семантической самостоятельности этой формы в составе аналитической конструкции. В текстах SYN2000 нам встретились следующие сочетания формы *neračte*⁷ с инфинитивом: *neračte se urazit* (5); *neračte se hněvat* (2); *neračte se smát* (1); *neračte mne mítí v podezření* (1); *neračte se zlobit* (1); *neračte raději chodit sám* (1); *neračte plakat* (1); *neračte připisovat* (1); *neračte být smutná* (1); *neračte se , prosím , urazit* (1); *neračte se zbláznit* (1); *neračte obtěžovat* (1); *neračte se lekat* (1); *neračte se prosím horšit* (1).

Судьбу конструкции *rač(te)* + инфинитив можно сравнить с судьбой семиологически тождественной ей русской конструкции *изволь(те)* + инфинитив, экзотичность которой привела к тому, что в современном речепотреблении она используется, как принято считать [Лобанова, Слесарева, 1980: 120], для экспликации категорического требования, ср.: «Нет, — резко ответил Генерал. — Это приказ штаба. И **изволь подчиняться, Копыто**». (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

⁵ В текстах XIX века, а также при стилизованном выражении и в текстах современных возможен и вариант типа *rač zpívat* (с формой глагола *račit* мн., а в ед. числа): *Pust' voly, roucho změj, na kůň se rač posadit a s námi jeti*. (A. Jirásek. Staré pověsti české) 'Оставь волов, смени одежду, на коня изволь сесть и с нами ехать'; [письмо:] *Seženeš-li nějakou rotoc od cizích církví pro své bratři, prosíme tě, rač vylučovatí nás a našich z milosrdenství té lásky*. (M. Hanuš. Osud národa) 'Если же ты получишь какую-либо помощь от чужих церквей для своих братьев, просим тебя, не лишай [букв. не изволь исключать] нас и наших милосердия той любви'.

⁶ В рассматриваемых конструкциях с формами *bež(te)*, *koukej(te)*, *hled'(te)*, *chraň(te)* *se*, *opovaž(te)* *se* отрицание способно присоединяться только к инфинитиву смыслового глагола: *koukej neproradnout*.

⁷ Сочетание формы *nerač* с инфинитивом нами не зафиксировано.

Ранее обе конструкции (чешская *raďte* + инфинитив и русская *извольте* + инфинитив) сигнализировали лишь о вежливой позиции говорящего, ср.:

чешский пример:

“*Neraďte se o nic starat, pane major,*” řekl Švejk. (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*) «*Не извольте ни о чем беспокоиться, господин майор*», — сказал Швейк.

русский пример:

[крепостная горничная — барину:] *Извольте же идти*; разбудите, боюсь. (А. С. Грибоедов. *Горе от ума*).

Современные и чешские, и русские авторы могут обращаться к подобным конструкциям как к средству языковой стилизации и архаизации речи персонажа, ср. примеры из «Паноптикума старых криминальных историй» Й. Марека (действие которых происходит в конце XIX — начале и первой трети XX века) и «Про Федота стрельца, удалого молодца» Л. Филатова (действие происходит в абстрактном сказочном прошлом):

чешский пример:

Kromě toho, raďte chápat, je mi to poněkud trapné... Lépe je mlčet (J. Marek) *Кроме того, поймите [букв. извольте понимать], мне не ловко... Лучшее молчать.*

русский пример:

Не извольте сумлеваться, Чай, оно не в первый раз!. (Л. Филатов).

Таким образом, в современном чешском языке, помимо аналитических инклюзивных императивных форм, а также аналитических императивных форм 3-го лица вполне оправданно выделять и аналитические императивные конструкции 2-го лица.

Л и т е р а т у р а

Брызгунова Е. А. Императивные высказывания в устной речи // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». — Л.: АН СССР, 1988. — С. 29-31.

Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. — Л.: Наука, 1990. — 264 с.

Mluvnice češtiny. — Praha: Academia, 1987. D. III. — 748 s.

К вопросу об объеме понятия «сверхфразовое единство»

© кандидат филологических наук Чэнь Цзе (КНР), 2003

1.0. С нашей точки зрения, сверхфразовое единство (СФЕ) — это особая синтактико-стилистическая единица, представленная в форме двух или более последовательных тесно взаимосвязанных самостоятельных предложений, объединённых общностью микротемы.

2.0. Обычно принято считать, что нижняя граница СФЕ (о границах понятия СФЕ см. наши работы [Чэнь Цзе 1995; 1996; 2001]) — это два последовательных самостоятельных предложения, каждое из которых оформлено одиночным знаком препинания в позиции конца предложения (точкой, вопросительным или восклицательным знаком, многоточием в функции обрыва предложения). Но здесь, на наш взгляд, могут быть и исключения:

[1] У Елены беда тут *стряслась*. **Большая** [Панферов, цит. по Д.Э. Розенталь и др. 1994: 310]. [2] Митрофанов усмехнулся, помешал кофе. **Сощурился** [Н. Ильина, там же]. [3] Флеров — *всё умеет*. **И дядя Гриша Дунаев. И доктор тоже** [Горький, там же]. [4] Он сказал мне это *шёпотом*. **На ухо** [цит. по Ван Фусян 1988: 102]. [5] Да чемпион снискал себе *всеобщее уважение*. **Не только умением побеждать в многочисленных турнирах и в матчах за мировую шахматную корону. Благородством. Скромностью. Своей удивительной волей** [О.А. Крылова и др. 1997: 236]. [6] Она плакала долго. **Не открывая глаз** [А.Рекемчук, там же]. [7] Ты бы ещё на аршин мерил. **Как купец при царе** [С. Антонов, там же]. [8] Человек всегда был красив, если его имя звучало *гордо*. **Когда был бойцом. Когда был открывателем. Когда дерзал** [там же].

В этих парцеллированных конструкциях последующая, т.е. выделенная часть, синтаксически примыкает к предшествующей и обеспечивает особую стилистическую функцию — большую экспрессивность. Поэтому отмеченное синтаксическое примыкание даёт основание утверждать, что рассматриваемые стилистически маркированные конструкции не являются СФЕ, так как последующая часть не может считаться самостоятельным предложением.

2.1. Следует далее отметить, что сегмент связного текста в составе двух или более самостоятельных предложений, соединённых с помощью союза, должен рассматриваться как СФЕ. Например:

[1] (1) Он работал лесничим. (2) За высоким чином не гнался. (3) **Так что** его ценили товарищи [цит. по Ван Фусян, 1988:110].

В этом примере предложение (3) поддерживает семантическую связь с предшествующими предложениями (1), (2). И поэтому союз *Так что* пишется с прописной буквы. В противном случае, если бы союз *так что* был написан со строчной буквы, предложение (3) имело бы семантическую связь только с соседним предложением (2), а это, разумеется, ошибочно.

Такая синтаксическая связь между соседними предложениями называется контактной [Н.Д. Зарубина 1981: 86; Д.Э. Розенталь и др. 1994: 171].

Следует также оговорить, что если подобные союзы пишутся с прописной буквы при контактной связи (связь между двумя соседними самостоятельными предложениями) и находятся в начале второго предложения, то делается акцент на значении союза, что подчёркивает логическую связь между частями СФЕ, объединяющую соседние предложения. Данные конструкции, несомненно, относятся к СФЕ:

[2] *В прошлом веке известный французский писатель Проспер Мериме весьма успешно перевёл гоголевского «Ревизора». Но в одном месте пьёсы переводчик неожиданно написал совсем не то, что говорится в оригинале [В.Н. Комиссаров, 1999: 150]; ср.: Мы почти не знали друг друга, но Назым чуть ли не сразу заговорил о том, что его взволновало [Эренбург, цит по Н.С. Валгина 2000: 205].*

Рассмотрим другой семантический тип сверхфразовой конструкции:

[3] (1) *Если б он умер, мне было бы легче.* (2) *Я бы поняла, что его не стало совсем.* (3) **Но он есть** [Ван Фусян 1988: 134].

Здесь предложение (3) семантически непосредственно связывается с предложением (1). При отсутствии предложения (2) данный пример всё-таки остался бы СФЕ. Если бы союз *но* писался со строчной буквы, то предложение (3) определяло бы предложение (2). А это семантическая ошибка. Синтаксическая связь между несоседними предложениями называется дистанционной [Н.Д. Зарубина 1981:86]. Приведем еще один аналогичный пример:

[4] *(...абзац и сложное синтаксическое целое могут в своих частных проявлениях совпадать, соответствовать друг другу...)* (1) **Такое совпадение** хотя и не случайно, но отнюдь не обязательно. (2) *Не случайно, потому что абзацное членение текста подчинено прежде всего его смысловому членению, а сложное синтаксическое целое, хотя и является синтаксической единицей, свои формальные показатели объединённости отдельных компонентов приобретает тоже на основе их семантической спаянности.* (3) **Но совпадение это** не обязательно потому, что абзац композиционно организует текст, он выполняет

не только логико-смысловую функцию, но и выделительную, эмоционально-экспрессивную [Н.С. Валгина 2000: 375-376].

2.2. Рассмотрим примеры других типов конструкций:

[1] **Земля. На ней** никто не тронет... Лишь крепче прижимайся к ней [Симонов, цит. по Д.Э. Розенталь и др. 1994: 430]. [2] **Две удачные кинокомедии...** Конечно же, **этого** мало, бесконечно мало [О.А. Крылова и др. 1997: 235]. [3] **Каникулы. Каникулы! Ка-ни-ку-лы...** На все лады повторяли несколько дней назад **это приятное слово** первоклашки и десятиклассники [там же].

В данных сегментированных конструкциях первая часть, сегмент, как правило, в форме именительного падежа существительного (именительный представления или именительный темы, а также аналогичные конструкции), называет в широком смысле объекты, которые в последующей части высказывания получают второе обозначение, часто в форме местоименных слов. В таких случаях первая часть в произношении выделяется ритмически и интонационно, как отмечается в [Розенталь и др. 2001: 429-430]. В таких насыщенных эмоционально-экспрессивным колоритом высказываниях первый сегмент не является носителем предикативности, в силу чего неразрывно связан с местоименным словом во второй части. Таким образом, подобные высказывания не являются СФЕ.

Однако в том случае, когда в первом сегменте содержится предикативность (синтаксическая сущность предложения), такие конструкции составляют СФЕ. Например:

[4] **Весна. Она летит** в наш город [цит. по Ван Фусян, 1988: 201].

Здесь высказывание Весна обозначает то, что наступила весна. Значит, Весна — это самостоятельное предложение.

[5] **Уволить! Такое решение** должно быть **веским, продуманным, обоснованным** в соответствии с законодательством [О.А. Крылова и др., 1997: 235].

В данном примере высказывание Уволить! имеет значение «Необходимо уволить». Следовательно, Уволить! тоже является самостоятельным предложением.

Аналогичный пример:

[6] **Шутить, и век шутить!** Как вас на **это** станет? [Грибоедов, Д.Э. Розенталь, 1994: 430]

Первая часть имеет значение «Почему вы всегда шутите?». Значит, отчленённый сегмент оформляется как отдельное предложение.

[7] **Покупатель всегда прав.** Не будем сомневаться в справедливости **этой формулы**. Но давайте не смешивать покупателя с торговой организацией... [О.А. Крылова и др., 1997: 235]

Такие сегментированные конструкции следует признать СФЕ.

2.3. Теперь обратимся к особенно объёмным синтаксическим образованиям, в которых содержатся два или более предложений, и даже СФЕ. В таких случаях тоже необходим дифференцированный подход к речевым фактам. Приведем пример:

[1] *Во многих случаях эквивалентное воспроизведение языкового содержания оригинала сохраняет и имплицитный смысл текста. Однако нередко сохранение первоначального соотношения явно выраженного и подразумеваемого смыслов в процессе перевода оказывается невозможным.)* Здесь можно отметить **несколько типичных случаев**:

(1) *Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла высказывания в оригинале и переводе одинаково. При этом передача импликационала обеспечивается воспроизведением языкового содержания оригинала...*

(2) *Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла высказывания в оригинале и переводе одинаково. При этом передача импликационала обеспечивается путём модификации языкового содержания оригинала...*

(3) *Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла в оригинале и переводе изменилось за счёт эксплицирования импликационала...* [В.Н. Комиссаров 1999: 57 — 58]

В данном примере слова несколько типичных случаев играют руководящую (организующую, обобщающую) роль по отношению к последующим предложениям. Подобные образования в китайском языке именуется сверхпредложениями. Они не относятся к СФЕ.

3.0. Говоря о верхней границе СФЕ, на наш взгляд, следует принять понятия сложное сверхфразовое единство (ССФЕ) и многочленное сверхфразовое единство (МСФЕ) (понятие МСФЕ впервые вводится автором в работе [Чэнь Цзе и др. 1996].) ССФЕ состоит из двух или более простых сверхфразовых единств (ПСФЕ), каждое из которых составляет, как говорилось выше, единое структурное и семантическое целое, объединяемое общей микротемой, причем каждое ПСФЕ характеризуется представлением смыслового содержания на максимально конкретном уровне микротемы. Например:

[1] (1) *Трудные проблемы могут возникать при передаче внутриязыковых значений, наличие которых в семантике слова указывает на связь слова со значениями или формами других слов.* (2) *Как правило, внутриязыковые значения нерелевантны для коммуникации и в переводе не передаются.* // (3) *Когда фраза «The board expelled him» переводится «Комиссия его исключила», связь этого значения «board» с другими значениями этого слова не может и не должна отражаться в переводе.* (4) **Точно так же**, переводя русское «паровоз» английским «engine»,

переводчик не пытается передать связь «паровоза» со словами «пар» и «возить» [В.Н. Комиссаров 1999: 135].

В данном ССФЕ первые два предложения составляют ПСФЕ, указывающее на возможность возникновения трудных проблем при переводе внутриязыковых значений и т.д. Предложения (3) (4), которые объединяются союзным оборотом Точно так же, составляют другое ПСФЕ для иллюстрации первого ПСФЕ [предложения (1) (2)] на двух примерах. Эти два взаимосвязанных ПСФЕ образуют ССФЕ, единство которого держится на их семантической спаянности. При определении микротемы мы придерживаемся принципа максимальной степени конкретизации, поскольку при большей степени абстракции, вероятно, следовало бы предложения (1) (2) (3) (4) рассматривать как ПСФЕ, а не ССФЕ, что не позволило бы моделировать СФЕ во всех структурных и семантических деталях.

Обратимся к другому примеру:

[2] (1) Идя по основным указанным Вами пунктам, я могу сказать о Салтыкове следующее. (2) Я начал знакомиться с его произведениями, будучи примерно в тринадцатилетнем возрасте. Причём, как хорошо помню, они мне чрезвычайно понравились, несмотря на то, что я понял, конечно, мало из того, что им написано. (3) В дальнейшем я постоянно возвращался к перечитыванию салтыковских вещей. (4) Влияние Салтыков на меня оказал чрезвычайное, и, будучи в юном возрасте, я решил, что относиться к окружающему надлежит с иронией. Сочиняя для собственного развлечения обличительные фельетоны, я подражал приёмам Салтыкова, причём немедленно добился результатов: мне однажды приходилось ссориться с окружающими и выслушивать горькие укоризны. (5) Когда я стал взрослым, мне открылась ужасная истина. Атаманы-молодцы, беспутные клемантинки, рукосуи и лапотники, майор Прыщ и бывалый прохвост Угрюм-Бурчеев пережили Салтыкова-Щедрина. Тогда мой взгляд на окружающее стал траурным.

(6) Каков Щедрин как художник? Я полагаю, доказывать, что он перворазрядный художник, излишне.

(7) Вы пишете об оценке Щедрина в связи с задачами создания советской сатиры? Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Её нельзя создать. Она создаётся сама собой, внезапно. Но каждому из советских сатириков, я полагаю, надлежит рекомендовать усиленное изучение Щедрина [Булгаков, цит по Н.С. Валгина 2000: 368-369].

Это МСФЕ разделяется на семь частей. В нем имеются два отдельных предложения (1) (3) и пять ПСФЕ (2) (4) (5) (6) (7). В первом предложении-зачине указывается микротема — некоторые вопросы о Салтыкове. Предложение (3) разрывает два ПСФЕ. По содержанию оно

переходный мостик между простыми СФЕ (2), где даются сведения о знакомстве с произведениями Щедрина, и (4), где даны сведения о результате этого знакомства. ПСФЕ (5) развёртывает микротему с чёткой последовательностью посредством структурных средств: пояснительные отношения между вторым и первым предложениями (какая ужасная истина) и далее — связующий член Тогда, соотносительный с временным планом первого предложения. ПСФЕ (6) (7) строятся по вопросно-ответной модели. Последнее ПСФЕ (7) — это концовка данного МСФЕ, которое представляет собой тесное сцепление предложений по типу параллельной и цепной связи: лексические отсылки Её, Она, противительный союз Но. При объединении пяти ПСФЕ и двух самостоятельных предложений в данное семичленное СФЕ большую роль играет параллельная связь (повторение конструкции «подлежащее Я плюс сказуемое»).

3.1. В связи с вопросом о крупных единицах текста необходимо сделать следующее терминологическое разъяснение. Существует мнение, что ССФЕ и МСФЕ сводятся к особому (в качественном отношении) понятию «фрагмент». С нашей точки зрения, применять термин «фрагмент» не следует, поскольку по содержанию во фрагменте присутствует одна микротема, а по структуре преобладают параллельная и цепная связи, что не имеет принципиального качественного отличия от СФЕ, от ССФЕ или МСФЕ. Поэтому мы не разделяем мнение, что фрагмент является большей лингвистической единицей, чем СФЕ, в том числе ССФЕ и МСФЕ.

Как мы знаем, в синтаксисе существуют понятия простое словосочетание, сложное словосочетание, комбинированное словосочетание; простое предложение, сложное предложение и многочленное сложное предложение. [Ярцева и др. 1998: 469, 395; Н.С. Валгина 2000: 343] Следует придать должный статус в лингвистической иерархии единиц и таким единицам, как ССФЕ и МСФЕ. Предложение отличается от словосочетания предикативностью. А чем же отличается «фрагмент» от СФЕ, от ССФЕ и МСФЕ? Подобного сущностного отличия нет.

Правда, сложное предложение отличается от простого предложения полипредикативностью. Но ведь поли- и монопредикативность — это количественное, а не качественное различие. Следовательно, в синтаксисе еще наличествуют хотя и в разной степени сложные, но однородные единицы: простое и сложное предложение, а также многочленное сложное предложение. И это обстоятельство дополнительно укрепляет нас в мнении, что не следует использовать термин «фрагмент» для обозначения особой лингвистической единицы, поскольку здесь не имеет места качественное различие между фрагментом и СФЕ, включая ССФЕ и МСФЕ.

4.0. Итак, мы можем сделать вывод, что между предложением и СФЕ существуют переходные языковые (речевые) явления — парцелированная конструкция, сегментированная конструкция с непредикативным сегментом и сверхпредложение, которые не относятся к СФЕ. Нижняя граница понятия СФЕ — это два самостоятельных предложения, а его верхняя граница — ССФЕ и МСФЕ. МСФЕ отличается от ССФЕ тем, что в нём наличествует (по крайней мере одно) самостоятельное предложение. Так, в последнем примере предложение (1) — это зачин МСФЕ, предложение (3) — это переходное предложение (понятие «переходное предложение» впервые вводится автором в работе [Чэнь Цзе 2001].)

Выделение в тексте таких языковых (речевых) явлений, как «сложное сверхфразовое единство» и «многочленное сверхфразовое единство», определение их лингвистического статуса, исследование переходных между предложением и СФЕ языковых явлений, уточнение нижней и верхней границ понятия СФЕ, на наш взгляд, будут существенно способствовать развитию дальнейших исследований в лингвистике текста как на материале русского языка, так и в сопоставительном плане.

Отметим, что в нашей работе мы сознательно анализировали некоторые примеры из работ таких авторов, как Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, Ван Фусян и др., чтобы ярче продемонстрировать особенности нашего подхода.

Л и т е р а т у р а

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2000.
2. Ван Фусян. Лингвистика текста. Пекин, 1988.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
4. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. М., 1981.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 1999.
6. Крылова О.А. и др. Современный русский язык. М., 1997.
7. Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.
8. Розенталь Д.Э. и др. Современный русский язык. М., 1994.
9. Розенталь Д.Э. и др. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 2001.
10. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). М., 1973.
11. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1999.
12. Чэнь Цзе. О границах сверхфразового единства // Русский язык в Китае. Пекин, 1995. Вып.1.
13. Чэнь Цзе. О функциональных типах сверхфразового единства // Исследование иностранных языков. Харбин, 2001. Вып. 1.
14. Чэнь Цзе и др. О многочленном сверхфразовом единстве // Русский язык в Китае. Пекин, 1996. Вып.1.
15. Ярцева В.Н. и др. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998.

Термин права как средство специальной информации

© П.А. Дамаданова, 2003

Одна из важнейших функций права – регулирование взаимоотношений и поведения людей в обществе с целью интегрирования отдельного индивида в социальное целое. Чтобы право было способно выполнить эту функцию, оно должно быть воплощением добытого социально-правового опыта и обладать формой, которая принята в данной культуре, т. е. быть понятным.

Для достижения взаимопонимания участникам правовой коммуникации необходимо располагать общим для них запасом понятий. Речь идет о понятийной (семантической) информации, которая имеет языковую природу. Это значит, что право необходимо обладает знаковой формой, выраженной средствами определенного языка. «Право способно воздействовать на волю и сознание людей только с помощью языка. Именно язык служит средством передачи информации и содержания правовых предписаний» [Пиголкин, Прянишников, Сморгунова, 1990: 67].

Правовая информация отражает нормы, правила, отношения и поведение людей, устанавливаемые и закрепляемые государством в соответствии со своими целями и интересами. Таким образом, правовую информацию можно представить как вид социальной информации, имеющий знаковую (языковую) природу, поскольку носители этой информации – «термины» — представляют собой языковое выражение специальных знаний» [Володина, 1997: 24].

Специфика термина заключается в его особом назначении – по возможности точно выразить специальное понятие, необходимое для специальной коммуникации. Сказанное приобретает особую важность по отношению к юридическому термину, правильное употребление которого зависит от его семантической адекватности. В юридическом энциклопедическом словаре дается следующее толкование юридического термина: «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается содержание нормативно-правовых предписаний государства» [Юридический энциклопедический словарь, 1985: 250].

Говоря об информационной природе термина, М.Н. Володина отмечает его двуединую сущность, которая заключается в том, он аккумулирует общеязыковую и специальную информацию [Володина, 1997: 27]. Как известно, использование общепотребительных слов в функции терминов – один из самых распространенных способов создания любой

терминологии. Лексическое значение общеупотребительного слова через отображенное в нем «бытовое» понятие, полученное результате практического познания мира, либо смыкается с новым терминологическим значением без особых семантических сдвигов, либо специализируется в результате различных видов переноса основного значения [Левковская, 1960: 149-150].

Заметим, что подавляющее большинство немецких терминов гражданского права – это общеупотребительные слова, которые входят в терминологию в своем основном значении и сопровождаются дефиницией. Например:

Antrag (предложение; заявление, ходатайство) – das Angebot einer Partei an eine andere, mit ihr einen Vertrag einzugehen

Ehe (брак) – die vom Staat anerkannte und geschuetzte gemeinschaftsrechtliche Vereinigung von Mann und Frau

Eigentum (собственность) – das vollstaendige und ausschliessliche Herrschaftsrecht ueber eine Sache innerhalb der Grenzen der Rechtsordnung [Koest, 1955:155].

Существенные признаки этих специальных (в своей области понятий) раскрывает в данном случае дефиниция, выступающая в качестве «кванта терминологической информации» [Володина, 1996: 25].

Кроме того, информативность термина в большой степени связана с тем, что он, будучи закрепленным за специальным понятием, занимает определенное место в системе и имеет смысл только как член конкретной системы. Наглядным примером этому являются информативные блоки терминов, характерные для гражданско-правовой терминологии немецкого языка:

das Erbe – der Erbe – erben (наследство – наследник – унаследовать)

Erbeinigung – Erbfall (соглашение между наследниками о разделе наследства – открытие наследства)

Erbfall – erbfaellig (открытие наследства – полученный по наследству)

Miete–mieten–Mieter—Mieterdarlehen (аренда – арендовать – съемщик – заем, выданный квартиро съемщиком хозяину дома для ремонта)

Mietpreis – Mietpreisbindung – Mietpreisueberhoeung (арендная плата – ограничение арендной платы – завышение законной арендной платы)

Mietgegenstand–Mietkaution–Mietvertrag–Mietvertragsabschluss (предмет аренды – обеспечение договора аренды – договор об аренде – заключение договора найма /аренды)

Testament – testamentarisch (завещание – назначенный по завещанию; согласно завещанию)

Testament – Testamentsabaenderung – Testamentsanfaechtung (завещание – изменение завещания – оспаривание завещания)

Testamentsauslegung – Testamentsvollstreckung (толкование завещания – исполнение завещания)

Testamentsausweis – Testamentserbe – Testamentsvollstrecker (свидетельство об исполнении завещания – наследник по завещанию)

Каждый термин, входящий в приведенные терминологические ряды, вычлняет фрагмент действительности, попадающий в сферу воздействия гражданско-правовых норм.

Информативность терминов непосредственно связана с составляющими их «говорящими» терминологическими элементами. Согласно одному из определений Д.С. Лотте, «самостоятельно значащие терминологические элементы» — это «распознаваемые корневые слова и аффиксы». В.А. Татаринев определяет терминологический элемент как морфологическую единицу, способную нести на себе специальное терминологическое значение в данной терминологической системе [Татаринев, 1996: 204].

Многие исследователи отмечают, что в терминологическом образовании активны и продуктивны те же способы наименования, с помощью которых пополняется лексический запас общелитературного языка [Даниленко, 1977: 89]. Одним из основных способов немецкого терминологического образования вообще (и терминологии права в частности) является словосложение, которое К.А. Левковская справедливо называет основосложением. Информативность таких терминов объясняется прежде всего тем, что они мотивированы необходимым количеством соответствующих признаков. Кроме того, с помощью подобных терминов «не только легче выразить сложное понятие, но и обеспечить точность его выражения, так как сочетанием лексических единиц взаимно ограничивается их многозначность» [Левковская, 1960: 35].

Наиболее распространенными основами в немецкой гражданско-правовой терминологии являются -recht, -vertrag, -klausel:

-recht:

Anfechtungsrecht – право обжалования

Ruecktrittsrecht – право расторжения договора

-vertrag:

Gruendungsvertrag – учредительский договор

Darlehensvertrag – договор займа

Vertragsablauf – истечение срока договора

-klausel:

Preisklausel – оговорка (в договоре) о цене

Vertragsklausel – условие договора

Широкое распространение терминологического элемента *-recht* объясняется тем, что он является базовым в организации терминологической лексики права вообще. Продуктивность основ *-vertrag*, *-klausel* легко объяснить, если учесть, что гражданское право – это «отрасль права, нормы которого регулируют имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения» [Энциклопедия слов: экономика и право, 1996: 256].

Для немецкой гражданско-правовой терминологии особенно характерны сложные и сложнопроизводные термины, состоящие из двух, трех и четырех компонентов, например,

Anfechtungsrecht – право оспаривания
Briefgrundpfandrecht – ипотечное (залоговое) право

Mietzwangswirtschaft – система твердой квартирной платы
Rechtsmangel – недостаток права (на продаваемую вещь)
Rechtsverkehr — оформление правоотношений
Schadenersatzanspruch – притязание на возмещение вреда

В своем классическом труде по терминологии Г.О. Винокур подчеркивает «традиционность» и «логическую осмысленность» связи словообразовательных средств с какой-либо специальной областью языка. По его мнению, «тот или иной ассортимент суффиксов преимущественно употребляющихся в данном кругу терминов, может оказаться связанным внутренними закономерными отношениями с преобладающим типом логических форм постижения действительности, отразившихся в этих терминах» [Татаринов, 1996:226].

В немецкой терминологии гражданского права большую продуктивность приобрел суффикс *-ung*. Большинство терминов с суффиксом *-ung* является отглагольными образованиями и принадлежат к словообразовательному типу имен действия.

Anfechtung – оспаривание
Einwendung – опровержение
Minderung – уценка

Wandelung – расторжение договора купли-продажи при обнаружении недостатка в предмете договора Как известно, общей особенностью имен действия разных языков является то, что со значением действия они совмещают и значение результата, объекта, места, орудия действия и значение лиц — производителей действия [Левковская, 1960: 141]. Благодаря этому термины с суффиксом *-ung* также обнаруживают подобные значения:

Einwendung – опровержение
Erbeinigung – согласие (между наследниками)
Verwirkung – утрата права

Менее распространены термины-существительные, образованные путем субстантивации инфинитива:

das Vergehen – проступок

das Verlassen – самовольный уход с работы

Субстантивированные инфинитивы используются как средство образования отглагольных существительных с отчетливо выраженным процессным значением. Однако среди них имеются также слова с предметным значением:

das Vermoegen — имущество

Обширную группу имен деятелей образуют термины с суффиксом -er, которые являются отглагольными образованиями, и выражают самые разнообразные отношения соответствующего лица к определенному действию:

der Nutzniesser – осуществляющий право пользования

der Stifter – учредитель

der Vermacher – отказодатель

der Vertreter – представитель

Иногда подобные термины указывают не на действие, а на состояние:

der Mieter – съемщик

der Schuldner – должник

der Verfrachter – фрахтовщик

Необходимо выделить и группу терминов- существительных с суффиксом -keit, который, как правило, образует имена качества. В терминологии гражданского права подобные термины чаще всего обозначают состояние:

Beschwerdefaehigkeit – право подачи жалоб (по делам, связанным с опекой)

Eidesmuendigkeit — возраст, по достижении которого лицо допускается к присяге

Zivilrechtsfaehigkeit — гражданская правоспособность

Следовательно, целенаправленный характер конкретной терминологии диктует выбор оптимальных способов для языкового выражения понятий, располагающих специальной информацией.

Л и т е р а т у р а

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии //Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. М., 1994.

Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М., 1997.

Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.

Koest E. Jueristisches Woerterbuch. Bremen, 1955.

Левковская К.А. Именное словообразование в современной немецкой общественно-политической терминологии. М., 1960.

Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982.

Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. М., 1994.

Энциклопедия слов: экономика и право. М., 1996.

Юридический энциклопедический словарь. М., 1985.

ЛИНГВОПОЭТИКА

А.П. Чехов в зеркале английской литературы начала эпохи «перестройки»

© В.М. Давыдов, доктор филологических наук М.В. Давыдов, 2003

В предыдущей публикации мы показали, как высоко ценили английские современники А.П. Чехова его художественный метод, его новаторство в литературе, его влияние на развитие английской литературы¹.

Изменилось ли отношение англичан и американцев с того времени в связи с большими изменениями, происшедшими в России? Естественно, мы не можем остановиться на всей литературе, вышедшей с начала 90-х годов, да это, собственно, и не нужно для того, чтобы попытаться сформулировать основные тенденции отношения англичан в наше время к несомненно великому писателю (неосвященным, заметим, остается и значительный период критики до перестроечного периода, которая, разумеется, не могла не повлиять на современную и это необходимо постоянно иметь виду).

Anton Chekhov the Iconoclast. By LEE J. WILLIAMES. Scranton, PA: University of Scranton Press. 1991. 173pp. [Антон Чехов как иконоборец. Автор Ли Уильямс. Скрэнтон, Издательство Университета Скрэнтон, 1991].

“Настоящий автор считает Чехова человеком перемен и иконоборцем, т.е. ставит его в один ряд с Золя и Дарвином. Это резко противоречит распространенному мнению о Чехове” (с.2).

Таким образом, автор по всей видимости, социолог и историк, без каких-либо обиняков начинает свое методичное описание Чехова как иконоборца. “Чехов и как человек и как писатель занимался вопросами религии, выступал за свободу политических, художественных и духовных взглядов, за равенство всех рас и верований, придавая особое значение свободе крестьянства, евреев и женщин, призывая всех внести посильный вклад в создание общественного благосостояния” (с.65). “Руководствуясь чувством сострадания и своими взглядами, он выбирал

¹ Давыдов В.М., Давыдов М.В. Английские современники А. П. Чехова о его творчестве // Язык, сознание, коммуникация / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 21.

для своих произведений такие темы, где он мог бы максимально проявить свою объективность, правдивость и сдержанность” (с.18).

Он не был дворянином, но был глубоко образованным человеком и прекрасно разбирался в жизни различных классов и групп России, кроме того много путешествовал как в России, так и за границей. Поэтому он мог как никто другой писать “правду” о “темных” крестьянских массах. Ли Уильямс характеризует писателя как гуманиста и либерала, твердо верящего в прогресс человечества. Вместе с тем автор постоянно повторяет, что Чехову удалось “разнести в пух и в прах”, “взорвать” романтические надежды, связанные с толстовским мифом о русском крестьянстве, особенно в его рассказе “В овраге”. Уильямс подчеркивает, что изображение крестьянской жизни и взаимоотношений крестьян (также, как и Российского общества в целом) настолько точно и правдиво, другими словами, “ настолько научно”, что им может руководствоваться и социолог-историк нашего времени.

Кроме того, как это подсказывается заголовком книги, автор считает Чехова подлинным иконоборцем конца 19-го века – факт, который по тем или иным причинам отрицался критиками (его современниками) так же рьяно, как и народовольцами и ортодоксальной советской прессой.

В целом это неплохая книга, но ничего особенно нового в ней мы не находим. Центральные идеи явно преувеличены: иконоборство Чехова, готовность крестьян к восстанию. Будучи социологом, Уильямс уделяет слишком много внимания проблеме крестьянства, ничего не говоря о том, что эта тема занимала центральное положение и в произведениях Чехова. Но автор проигнорировал драматические произведения, считая, видимо, что именно рассказы “передают наилучшим образом мироощущение Чехова”. Да и рассказов проанализировано не так уж много. Уильямс забыл о рассказе “Студент”, где обсуждаются вопросы и религии и крестьянства. Кроме того, драма “Леший” почему-то превратилась в рассказ.

Автор гордо заявляет, что “ему удалось развеять многие предубеждения относительно Чехова.” *Однако судя по книге, она имеет вторичный характер, поскольку автор проявляет явное незнание русского языка и, следовательно, пользовался материалами на английском языке.*

Semiotics of Misogyny through the Humor of Chekhov and Maugham. By Anna Makolkin. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1992, 239 pp. [Семиотика женоненавистничества в юморе Чехова и Моэма. Автор Анна Маколкин, Левистон: Эдвин Мэлен Прес, 1992].

Анна Маколкин исходит из предположения, что миф о женской неполноценности – это “одна из знаковых основ процесса покорения природы и творчества, того, что называется ‘культурой’”.

Она подвергает критике концепцию “женщин как символов”, созданную Умберто Эко, говоря о том, что это всего лишь “старый миф в новой терминологической упаковке.” Приверженность старому мифу проявляется как в семиотической системе Умберто Эко, так и, в равной степени, в “художественных мировоззрениях Чехова и Моэма”, и эта приверженность “скрывает их страх перед возможностью соперничества, боязнь оказаться умственными импотентами”.

Маколкин отмечает, что первоначальное название ее книги было не столь резким, а именно: “Женщины, символы и предрассудки”, но во время работы над книгой произошло ужасное событие: какой-то маньяк зарезал четырнадцать женщин на территории университетского городка в Монреале, после чего она пришла к заключению, что Моэм и Чехов не просто следовали стереотипу представления “другой половины человечества”, но действительно “искренне ненавидели женщин”; с ее точки зрения, эти писатели ответственны за создание женоненавистнического “семиотического механизма” и, в результате, за возможность таких бессмысленных убийств женщин. Маколкин чрезвычайно сурово подходит к творчеству обоих писателей: она разбирает несколько коротких рассказов Чехова и Моэма в поисках “признаков женоненавистничества” – сопоставления женщин с животными, примеров любви за деньги, противопоставления “синих чулков” “розовым”.

Для того, чтобы лучше осудить писателя (в частности, Чехова) со своей точки зрения, она ограничивается небольшим кругом текстов, особенно теми, где Чехов высмеивает “стереотипы полов”. Так, Маколкин уделяет много внимания чеховской миниатюре “Мои жены” (1885) в которой рассказчик “Рауль Синяя Борода” приводит факты, говорящие “против” Чехова. Маколкин, естественно, отождествляет “героя” истории с самим Чеховым. Вообще следует заметить, что литературный анализ, выполненный Маколкин, основывается на полном отождествлении слов персонажей и авторских взглядов. Это довольно наивный подход, который производит странное впечатление, поскольку цитируются слова явно “опереточного” злодея. Ее система явно не работает в случае более серьезных рассказов и она широко использует выражения “к удивлению” или “парадоксально”, когда замысел автора явно не соответствует ее схеме. Удивительно, но автор даже не пытается обсудить вопросы юмора, которые фигурируют в заголовке ее работы. Понятие юмора, таким образом, отсутствует в ее книге: рассказы, которые она анализирует, не принадлежат к юмористическим (“Печенег”, “Анна на шее”, “Тина”) и слово “юмор” отсутствует в списке ключевых слов.

приводимых в конце книги. Это явный, бросающийся в глаза недостаток ее исследования (эмфаза наша — *В.М.Д., М.В.Д.*)².

Автор настолько занята поисками признаков женоненавистничества, что реальный смысл и содержание рассказов оказываются для нее утерянными. Довольно часто цитаты, извлекаемые из текста, противоречат ее аргументам. В книге много ошибок, искажающих суть рассказов. Ни один из проанализированных Маколкин рассказов не включен в алфавитный указатель, в то время как в нем почему-то упоминаются такие слова как “Анна”, “знание”, “пространство” и некоторые другие, весьма спорные слова. Слабость аргументации и монотонность синтаксиса затрудняют чтение книги.

Проблемы ‘женоненавистничества’ в произведениях Моэма и довольно сложные взгляды Чехова на “женский вопрос” заслуживают более основательного и более научного подхода. Книга явно оказывается за пределами критики, как с точки зрения литературного анализа, так и с точки зрения семиотических проблем. Достаточно привести выдержку из письма Чехова И.Л. Леонтьеву от 22 января 1988 г.: “Моя повесть появится в мартовской книжке “Северного Вестника”. Странная она какая-то, но есть отдельные места, которыми я доволен. Меня бесит то, что в ней нет романа. **Без женщины повесть, что без паров машина. Впрочем, женщины у меня есть, но не жены и не любовницы. А я не могу без женщин!!!” И таких высказываний (причем вполне серьезных) можно привести сколько угодно.**

Reading Chekhov's Text. Ed. Robert Louis Jackson. *Studies in Russian Literature and Theory.* Evanston: Northwestern University Press, 1993. 258 pp. [**Читая Чехова.** Ред. Роберт Луис Джексон. *Исследования в области Русской литературы и теории.* Эванстон: Издательство Северо-западного университета, 1993].

Дать справедливую оценку сборнику статей, написанных различными авторами, довольно сложно. Но, если редактор сборника побеспокоился о том, чтобы должным образом распределить материал, придать ему определенную структуру (что и имеет место в данном случае), то это в значительной степени облегчает работу рецензента.

² Очень жаль, например, что автор не приводит «порочащих женщину» цитат из таких юмористических рассказов как, например, «О женщинах», где можно найти немало высказываний о (мнимых, естественно) пороках женщин, даже на латыни: “Mulier est malleus, per quem diabolus mollit et malleat universum mundum” [Когда диаволу приходит охота учинить какую-нибудь пакость или каверзу, то он всегда норовит действовать через женщин].

С точки зрения Джексона, Чехова нельзя читать бегло: он требует предельного внимания от читателя. Целью редактора является сказать о Чехове нечто новое, отойти от штампов, т.е. поступить по-чеховски.

По словам редактора «Чехов, как писатель, исследовал самые разнообразнейшие стороны человеческой жизни в самых разных ее проявлениях, его личное мировоззрение в целом выходит далеко за рамки мыслей и чувств его персонажей». В подтверждение своей точки зрения редактор приводит слова С.Н. Булгакова о том, что «Чехов был писателем огромного философского диапазона» по отношению к самым сокровенным проблемам человеческой жизни. Существует, правда, и противоположное мнение, что голос Чехова звучит тихо и в нем трудно заметить следы каких-либо оценок, идей или идеологии. Эту антитезу, естественно, может решить только читатель, умеющий вдумчиво читать текст и обладающий достаточно богатым воображением» (?)³.

Вероятно, признаком великого искусства является то, что его можно по-разному интерпретировать и, каждое поколение находит в одном и том же произведении созвучные ему мотивы. Об этом в книге говорит Бунин в статье «Воспоминания о Чехове», и следующие за ней статьи не противоречат этому мнению.

В биографическом разделе Марена Сендерович самым тщательным образом анализирует различные ранние псевдонимы Чехова, выясняя цель их использования и приходит к выводу, что они отражают противоречивое отношение Чехова к своему мастерству и его сомнения в отношении осуществления своих замыслов. Она приводит несколько отрывков из его писем в подтверждение правильности своих выводов. Развивая свой тезис о «самозащите», Сендерович упоминает целый ряд рассказов, которые написаны автором, подглядывающим как бы за происходящим через «щель в заборе». Майкл Финке пишет о рассказе, суть которого тоже производит впечатление «подсматривания в щелку» (?), хотя на этот раз Чехов подписывается своей настоящей фамилией. Он посвящает немало места этому приему «наблюдения из-за укрытия» и, в результате, делает вывод о том, что Чехов пытается таким образом снять свое сексуальное напряжение (знаки вопроса и эмфаза наши — В.М.Д., М.В.Д.).

В следующем разделе традиционная чеховская тема разобщения людей обновлена за счет тщательного исследования коннотаций слов, которыми незаметно пронизан весь текст, и одна коннотация влечет за собой другую. И Джексон в своей статье «'Враги': Антирассказ?» и Гольтерн в статье «'Дома': дома или все-таки не дома?» раскрывают нам многослойное и многоцелевое прочтение двух Чеховских рассказов.

³ В данном случае антитеза производит больше впечатление рекламы, возражать против которой не стоит.

Следующий раздел (“Религиозное и Мирское”) является, пожалуй, наиболее оригинальным и ценным в данном сборнике, поскольку он показывает Чехова в той области, где мало кто из критиков его исследовал: поэзия религиозной культуры. И если наше предположение верно, то безграничный пессимизм конца века, который обычно приписывается Чехову, не может не вызвать сомнения. Нильс Акэ Нильсон в своем блестящем анализе рассказе “Архирей” показывает всю технику переходов и контрастов, игры яркого и приглушенного света, соотношения тривиальных и серьезных сцен, сопряженности будущего и настоящего времени в их неразрывном единстве, все это указывает на духовное возрождение: кульминационное Пасхальное освобождение.

Вилла С. Аксельрод проникновенно рассказывает об обрядовой стороне православной церкви и объясняет, каким образом в рассказе Чехова «Святой ночью» священное писание выступает в качестве фона, освещающего и придающего таинственность событиям и чувствам пасхальной ночи. В статье, удачно озаглавленной «Восхождение и исход», Александар Михайлович показывает на примере рассказа «Ионыч», каким образом религиозные основы рассказа помогают читателю понять падение героя. Анализируя рассказ «Учитель словесности», Жюли дэ Шербинин сумела развеять устойчивое мнение, что Чехов не был религиозен, что в действительности все было гораздо сложнее⁴.

В поисках ответа на свой вопрос она обращается к словесной ткани произведений, в частности, к описанию Девы-Марии и Марии Магдалины, и использует интертекст А.К. Толстого как дополнительно освещающий данную проблему. Роберт Джексон в своем глубоком исследовании чувствительности Чехова, которую он видит в рассказе «Студент» завершает соответствующий раздел на той же духовной ноте.

Ричард Пиис статьей «‘В ссылке’ и русский фатализм» начинает новый раздел «Судьба и долг». Он пытается разобраться в парадоксе фатализма который проявляется в сознательном действии, довольно удачно обращаясь в этой связи к Гончарову и приходит к выводу, что Чехов, осуждая «бездеятельную обломовщину», все-таки, пожалуй, близок к метафизической концепции смирения у Достоевского. Основная идея Лизы Кнапп в статье «Страх и жалость в ‘Палате номер шесть’: чеховский катарсис» заключается в том, что она является «литературным эквивалентом паломничества»⁵ в ужасное место, где мы начинаем понимать страдания другого человека. Обращаясь к аристотелевской

⁴ Прибавим только, что авторы этого раздела *enfonce*nt une porte ouverte, тезис авторов банален.

⁵ Как ни странно, в данном случае автор «попадает в точку»: именно в результате Сахалинского «паломничества», как отмечает В.Б. Катаев в своей книге «Сложность простоты» (М., 1999): «Сахалинская больница, где психические больные содержатся рядом с сифилитиками, превратится в палату № 6».

поэтике, она утверждает, что страх – это обнаружение сходства между «собой и другим человеком, страх которого мы начинаем понимать», и полагает, что, создав этот рассказ, Чехов старается разбудить сочувствие к страданиям другого. Но для того, чтобы определить цель рассказа Чехова, вряд ли нужно обращаться к Аристотелю.

Сравнивая чеховский рассказ «Володя» и рассказ Тургенева «Первая любовь», Джозеф Конрад показывает, что он в равной степени хорошо знает и того и другого писателя и проводит весьма убедительные параллели. В своей статье «Аллюзия и диалог в рассказе 'Дуэль'» Андрей Дуркин обращается к еще неисследованным путям влияния на Чехова и обнаруживает и с точки зрения формы и с точки зрения этического содержания значительное влияние Лескова. Поль Дебречены видит в рассказе «Черный монах» своего рода предварительную попытку Чехова объединения символизма и мистицизма. Он совершенно четко говорит о том, что Чехов был знаком с французским символизмом, Ницше, Мережковским и Соловьевым. Раздел завершается статьей Светланы Евдокимовой «'Душечка': желанная и презираемая женственность», она усматривает в «Душечке» повторение мифа о Психее, более того, она считает, что в основе рассказа лежит и миф о нимфе Эхо (?), поскольку Оленька подражает всем, не теряя однако и свою любвеобильную душу.

В последнем разделе Лоуренс Сенелик в статье «Оффенбах и Чехов; или Прекрасная Елена» соотносит чеховскую драматургию с общеевропейской культурой XIX-го века. Он отмечает, что и Чехов и Оффенбах не всегда серьезно воспринимались современными им критиками. В «Лешем» и «Прекрасной Елене» Сенелик находит много общего в приемах пародии, карикатуры и фарса: мифологические тропы Оффенбаха превращаются у Чехова в приемы «обманутого ожидания». В последней статье заключительного раздела Гари Соль Морсон пытается применить свою концепцию «прозаизма» к пьесе «Дядя Ваня». С его точки зрения в «Дяде Ване» традиционные передние и задние планы переставляются и, в результате, действия, которые могли бы быть трагическими и даже героическими, приобретают оттенок комедии или фарса. Персонажи могут сколько угодно мечтать о героической жизни, но видят перед собой лишь прозаическую реальность. Наиболее очевидно это проявляется в образе дяди Вани. Серебряков и Елена, как считает Морсон, также страдают этим недугом. Их упорное нежелание считаться с действительностью дорого им обходится. Такого рода подход проясняет многие другие работы Чехова. Однако здесь необходимо сделать определенную поправку. Серебряков старается построить свою жизнь по книжным образцам, когда он просит отыскать ему том Ба-

тношкова, то он действительно считает, что в данном случае этот том ему нужен для того, чтобы оградить себя от неприятностей.

Чехов частенько говорил, что его труды будут забыты через семь лет после его смерти. Однако мы помним его и авторы статей, представленных в данном сборнике, являются тому хорошим примером того, что его помнят и иностранцы.

В книге, однако, немало примеров для того, чтобы прийти к выводу, что слишком пытливый ум может обнаружить в тексте такие схемы, о которых писатель и не думал.

Chekhov: A Life in Letters. Trans, and ed. Gordon McVay. London: Folio Society, 1994, 378 pp. [**Чехов: его жизнь в письмах.** Переводчик и редактор Гордон МакВей. Лондон, 1994].

Судя по количеству страниц, это весьма солидное издание. Но что нового узнает читатель об А.П. Чехове, что пока еще не было ему известно?

Гордон МакВей решил определить суть жизни Чехова на основе внимательного прочтения его писем и писем его корреспондентов, т.е. осуществить задачу, которая далась ему, судя по его словам, “с большим трудом”. На первый взгляд, он должен приблизиться к жизни Чехова **в максимальной степени: письма, видимо, должны сказать то, о чем не говорят произведения писателя.**

Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть выводы Гордона МакВея, нужно вновь проделать указанный объем работы. Верить же ему на слово довольно трудно, поскольку он использует преимущественно лишь отдельные цитаты из писем (иногда отдельные словосочетания). Понятно, что разобраться в цитатах, вырванных из общего контекста письма, зачастую просто невозможно, поэтому в кратких сносках он приводит необходимые (с его точки зрения) фразы из писем корреспондентов и, распределив письма по годам, кратко характеризует наиболее примечательные события того или иного года.

Вот так и описывается жизнь А.П. Чехова. ***Интерпретатор все свое внимание концентрирует на борьбе Чехова со своей болезнью. От письма к письму читатель видит, как развивается болезнь и как она буквально пожирает его.***

Для того, чтобы высказать свое мнение о таком, на наш взгляд, **гиперболическом** значении болезни А.П. Чехова (ссылки на письма корреспондентов А.П. Чехова все-таки психологически менее убедительны, чем его собственные) в его жизни и творчестве, мы решили перечитать все его письма и представить на суд читателя все упоминания о болезни. И вот какова **реальная картина:**

1875. г. Ал.П. Чехову: «Дружище Саша!»

После этого следуют всевозможные советы, касающиеся Саши и просьбы приехать. Что же касается своего положения, то Чехов пишет: «А у нас все тихо, ничего не слышно, живем припеваючи. (Эмфаза здесь и далее наша). И завершает письмо шутливой фразой: «Желаю тебе *optimum et maximum*».

1876. Ал.П. Чехову (Письмо написано в шутливом тоне на немецком языке.) «Mein lieber Herr! Ich war gestern in Hause Alferakis auf einen Konzert und sah dort deine Marie Feist «. Ни слова ни про какие болезни.

1877. М.М. Чехову: «...Для нас ничего **дороже матери** в сем разъехидственном мире, а посему премного обяжешь, утешая его полуживую мать.»

29 июля 1877. М.М. Чехову: «...Сие письмо я пишу тебе, находясь в **вождеденном здравии**...».

25 августа 1877. М.М. Чехову: «...У нас в Таганроге **прозябает один малый**, приходящийся мне двоюродным братом. ... Он мальчик хороший и трудолюбивый.»

4 ноября 1877. М.М. Чехову: «...**Я здоров, а коли здоров, то значит и жив; одна у меня только болезнь секретная**, которая мучит меня, как зубная боль, – **это безденежье.** ...».

1 апреля 1878. М.М. Чехову: «...**Будь здоров. Желаю тебе многая лета.**».

5 апреля 1879. М.М. Чехову: «...**Маше** через тебя посылаю **особенный поклон.** О том, что приеду поздно, **не горюйте.** Время летит живо, как не хвастай скукой. Я с собой **привезу пансионера**....»

Декабрь 1879. Г.П. Кравцову. «...Я **поживаю хорошо: сыт, одет, весел.** В Москве весело....».

22 апреля 1880. «...Еду в Сокольники **распить пуншем косую бутылочку** коньячку № 197....».

= «Дорогой брат Иван Павлович! **Честь им ею поздравить тебя с новым годом!**...А затем, **пожелав тебе всего лучшего и хорошего, остаюсь твой брат, написавший эти щелочные и санитарные строки.**»

21 сентября 1880. «Ю.И. Лядовой. ...**Приезжайте скорее к нам; у нас так весело, как никогда**....».

8 мая 1881. «**Мудрейший Соломон!**... **Жив, здоров и поучаю**....»

Можно, конечно, возразить, что никаких жалоб в этих письмах нет (и это будет справедливо), но мы приводим их для того, чтобы подчеркнуть, что независимо от того, был ли Чехов здоров (как до указанной даты или нет), он все время заботился в первую очередь о других, зачастую весьма посторонних людях. И эта тенденция прослеживается (даже если мы об этом специально не упоминаем ниже) во всех его письмах.

Вторая, не менее яркая тенденция (в конце концов он не мог отказаться даже в деловых письмах от своего характера) – это, конечно, его неистощимый юмор.

20 июня 1981. «Л.С. Мизиновой...**Я кашляю, в глазах моих мелькает, в голове моей пусто, но я все-таки здоров....**»

8 ноября 1882. «Ал.П. Чехову. **Я же пишу и думаю, сколько раз сегодня ночью передернет меня за то, что я осмеливаюсь писать. Медициной занимаюсь... Операция каждый день.**»

25 января 1883. «Ал.П. Чехову. **...Живы и здоровы!**».

29 января 1883. «Г.П. Кравцову. **Живется сносно, но здоровье уже увы и ах! ...Живется почти весело. Летом поеду на юг поправлять здоровье.**».

1 августа 1884 «Н.А. Лейкину...**Целый день льет дождь. У меня благодаря скверной погоде ногу ломит. Скушно ужасно. ...**».

4 ноября 1884. «Н.А. Лейкину. **...Вчера и сегодня болен... Голова трещит, лихорадка... Работать не в состоянии. ...**».

10 декабря 1884. «Н.А. Лейкину. **...Уважаемый Николай Александрович.**

Вот уже три дня прошло, как у меня ни к селу ни к городу идет кровь горлом. Эта причина мешает мне писать, помешает приехать в Питер. ...Вообще – благодарю, не ожидал....».

17 декабря 1884. «П.А. Сергеенко. **...Мечтал к празднику побывать в Питере, но задержало кровохарканье (не чахоточное). ...**».

2 января 1885. «Е.И. Савельевой. **... Нездоровье мое немножко напугало меня и в то же время (бывают же такие фокусы) оставило мне немало, почти счастливых минут. Я получил столько сочувствий, искренних, дружеских. ...**».

31 января 1885. «М.Е. Чехову. **...В декабре я заболел кровохарканьем и порешил, взявши денег у литературного фонда, ехать за границу лечиться...**».

4 апреля 1886. «В.В. Билибину. **... 30 апреля я еду на дачу. Летом буду, вероятно, на юге. У меня опять было кровохарканье. ...**».

6 апреля 1886. «Н.А. Лейкину. **... Я болен. Кровохарканье и слаб, не пишу... Если завтра не сяду писать, то простите: не пришлю рассказа к пасхе...** «.

26 января 1887. «Ал.П. Чехову. **...Я болею. Живется скушно, а писать начинаю скверно, ибо устал. ...**».

11 января 1888. «Ал.П. Чехову. **...С новым годом. У меня catarhus intestinalis. Votre a tous Чехов.**».

Январь, после 12, 1988. «А.С. Киселеву. **...Мой геморрой дает мне себя знать как квартальный на пожаре. Нет моей мочи.**».

На общем фоне чахотки, да еще и геморрой, вещь не очень приятная. Тем не менее Чехов продолжает острить. Вот здесь трагически-гиперболический настрой Мак Вэйна, возможно, и подошел бы. То, что Чехов герой, было известно давно, без всякого анализа писем.

19 января 1888. «А.И. Плещееву. ... Теперь два слова о себе. Я здравствую, работаю и скучаю. ...».

Апрель, после 27,1888. «Ал.П. Чехову. ...У меня ломит голову; вероятно, письмо написано нескладно. ...».

17 мая 1888. «К.С. Баранцевичу. ...Перед отъездом нервы мои раздулись, печенка раздулась и я вел себя по дурацки.».

14 октября 1888. «А.С. Суворину. ...Сначала о кровохарканье... Впервые я заметил его у себя 3 года тому назад в Окружном суде: продолжалось оно дня 3-4 и произвело немалый переполох в моей душе и моей квартире. Оно было обильно. Кровь текла из правого легкого. После этого я раза два в год замечал у себя, то обильно текущую, то не обильно. ... Каждую зиму, весну и осень и в каждый сырой летний день я кашляю. Но все это пугает меня только, когда я вижу кровь: в крови текущей изо рта есть что-то зловещее, как в зареве...

Если бы то кровотечение, которое у меня случилось в Окружном суде, было симптомом начинающейся чахотки, то я давно уже был бы на том свете – вот моя логика. ...».

Впервые Чехов столь подробно в своем письме пишет о своей болезни, но в конце делает чуть ли не оптимистическое заявление, и это опять не дает повода для трагического пафоса Гордона МакКвэйа. Вероятно, он жил бы дольше со своим оптимизмом, если бы не простудился. Как вспоминал А.И. Куприн, Чехов часто восклицал: «Как хороша будет жизнь через триста лет!» и находил немало положительных изменений в лучшую сторону уже в их время. Но вернемся к его письмам.

18 октября 1888. «А.С. Суворину. ...Я совершенно здоров. ...».

27 октября 1888. «Е.М. Линтваревой. ...Здоровья своего я не понимаю.

Дня четыре было кровохарканье, а теперь, кроме ничтожного кашля, ничего...»

8 февраля 1889. «А.С. Суворину. ...У меня лютый геморрой, который я поддерживаю сидением и излияниями. Надо бросить манеру веселить свое сердце вином, да жалко. ...».

5 марта 1889. «А.С. Суворину. ...Не верьте Лейкину. Кровью я не плюю, не хандрю и с ума не схожу. ...».

10 апреля 1889. «Н.А. Лейкину. ...Весну и праздники встретил я невесело. Мой художник (брат) около 25 марта заболел брюшным тифом. ...Настроение у меня гнусное. Ваш Чехов».

Чехов очень любил своих братьев и одно из самых «сильных» слов связано, естественно, с болезнью брата.

4 мая 1890. «Е.Я. Чеховой. **Я жив здоров и благополучен. Кофе научился варить. ...**».

14-17 мая 1890. «Чеховым. **...Теперь даже кашля давно нет; давно я так мало кашлял, как теперь, после двухнедельного пребывания на чистом воздухе. ...**».

4 января 1892. «А.И. Смагину....**А я мечтал послать Вам уже во вторник доверенность и 5 тысяч. Как это печально! Ах, если бы Вы знали, какое неприятно это разочарование!... Здравие мое в Питере поправилось. ...**».

4 января 1901. «Е.Я. Чеховой.... **Чувствую себя хорошо, даже очень, но соскучился....**».

1 января 1902. «К.Д. Бальмонт.... **При Вас я похварывал понемножку, но крепился, но, как едва Вы уехали, как я заболел, стал плевать кровью, похудел как Фофанов; теперь меня кормят на убой, лечат, и я поздоровел.**

2 января 1902. «Н.В. Алтухову.... **А мое здравие становится все лучше и лучше....**».

9 января 1902. «В.М. Лаврову.... **Я поправляюсь, стал много есть, скоро начну писать. Кровохарканья уже нет....**».

12 января 1902. «Е.Я. Политковской....**В первый месяц больным живется в Ялте невесело, но потом – превосходно. Они, за немногими исключениями, поправляются здесь очень скоро.**»

10 марта 1902. «О.Л. Книппер-Чеховой....**Здоровье моё сегодня превосходное, как давно не было и это я объясняю это погодой, солнечной и почти теплой. ...**».

1 января 1903. «К.С. Константинову (Станиславскому). **...У меня все благополучно, я здоров, понемножку работаю, мать и сестра тоже здоровы....**».

В тот же день. «О.Л. Книппер-Чеховой....**Здоровье мое великолепное. зуб починен, остался еще один....**».

5 января 1903. «О.Л. Книппер-Чеховой.... **Актрисуля моя, я здоров вполне, лучше и не нужно, только скушно, очень скушно по двум причинам: погода очень плоха и жены нет....**».

5 февраля 1903. «О.Л. Книппер-Чеховой....**Желудочные расстройства буквально каждый день, но все же чувствую себя хорошо, температура нормальна, от плеврита не осталось и следа....**».

7 февраля 1903. «О.Л. Книппер-Чеховой.... **Здоровье ничего себе, не жалеюсь. ...**».

В тот же день. «А.И. Куприну. «Я поздоровел, плевроит уже прошел, но в комнате моей холодно (на дворе мороз), а это противно....».

4 января 1904. «Г.М. Чехову. ...Я здоров, здоровее, чем был в Ялте...».

Сам Чехов по мере развития болезни старается поменьше писать о ней, чтобы принести как можно меньше беспокойства окружающим его людям. Лично Чехов относится к своей болезни не с «оптимизмом висельника», но спокойно следит за ее развитием как ученый, который прекрасно понимает, чем все это кончится.

Остальные темы, о которых пишет МакВей, как и следовало ожидать, это деятельность Чехова как писателя и его постоянно возрастающий интерес к политической жизни страны.

Книга МакВея прекрасно издана. Она рассчитана на самый широкий круг читателя как *романтическая биография*, основанная на документальных материалах. Перевод писем выполнен вполне профессионально, обсуждать можно было бы лишь, какой синоним лучше и выразительней для таких слов, как, например, «скушно».

Расположение отрывков и комментариев все время требуют переключения внимания сверху вниз (от текста к сноскам), чтобы стало понятно, о ком или о чем идет речь. При той краткости цитирования, о которой мы уже говорили, процесс чтения, мягко говоря, затруднителен.

Конечно, документальный материал о болезни А.П. Чехова, о его борьбе с ней, не может не трогать читателя, но, если сравнивать письма и произведения писателя, то вряд ли письма раскрывают нам душу писателя больше, чем его произведения.

Time and Temporal Structure in Chekhov. By C. Turner. *Birmingham Slavonic Monographs*, no. 22. Birmingham: Department of Russian Language and Literature, University of Birmingham, 1994. 113 pp. [**Время и его структура в произведениях Чехова.** Автор К. Тэрнер. *Бирмингемские исследования по славистике*, № 22, Бирмингем: Факультет русского языка и литературы Бирмингемского Университета, 1994].

В краткой монографии К. Тэрнера рассматривается проблема использования грамматического времени в произведениях Чехова, как в прозе, так и в драме. Автор подчеркивает, что Чехов явно предпочитает пользоваться настоящим временем: или в виде *praesens historicum*, или в виде “реального”, разворачивающегося в данный момент события.

Хотя настоящее время в более ранних работах Чехова диктуется непосредственным изображением той или иной *сценки*, Тэрнер справедливо отмечает, что выбор Чехова не является случайным в его произве-

дениях, и находит логически закономерное воплощение в его драмах, где ощущение времени приобретает сиюминутный характер. Даже когда повествование ведется в прошедшем времени, оно никогда не является для Чехова завершенным, полностью законченным. Прошлое и настоящее находятся в состоянии непрерывного взаимодействия, о чем свидетельствуют такие приемы, как воспоминания о прошлом в происходящем в данное время события или упоминания о каких-то событиях из прошлого, которые повлияли на настоящее.

По мнению Тэрнера, тот факт, что груз прошлого довлеет над настоящим, особенно проявляется в Чеховских драмах, где минимум игры на сцене в значительной степени обусловлен происшедшими ранее событиями. Однако Чехов никогда не опускается до упрощенного детерминизма, более того, в своих лучших произведениях он как раз стремится подчеркнуть те мгновения, когда персонаж осознает разрушительное действие прошлого, какое-либо свое или чужое действие (или же бездействие) и пытается исправить свое поведение или положение (как правило, без особой надежды на успех). Помимо пьес Тэрнер цитирует и такие рассказы, как “Поцелуй”, “Дуэль”, “Рассказ неизвестного человека” для подтверждения своих мыслей. Смерть, кстати, не дающая возможности что-либо исправить, для Чехова не является концом всего и вся, что подтверждается рассказами “Скушная история”, “Гусев” и “Архирей”.

Таким образом, Тэрнер приходит к выводу о вневременной философии Чехова, что все мы, хорошо ли это или плохо, живем настоящим моментом. Книга Тэрнера хороша уже хотя бы тем, что наводит нас на соответствующие философские размышления, заставляет думать.

Chekhov as Ethnographer: Epistemological Crisis on Sakhalin Island. By Cathy Popkin. *Slavic Review*. Stanford University Press. 1994. no.10.pp.37-51. [Чехов в роли этнографа: крах учености на острове Сахалин. Автор Кэтрин Попкин. *Slavic Review*.Изд.Стэнфордского Университета, 1994].

Автор начинает свое исследование следующими словами: “В 1890 году А. Чехов пересек всю Сибирь, потратив пять месяцев на дорогу и три месяца на различные остановки, прежде чем он достиг исправительной колонии на острове Сахалин. Это была весьма эксцентричная поездка – тяжелая и совершенно неподходящая для человека с таким здоровьем, как у Чехова, весьма рискованная для любого, кто привык к сидячему образу жизни. *Эксцентричность* поездки была тем более очевидной, что Чехов каждый раз выдвигал самые разные причины для ее осуществления: сначала он говорил, что хочет вычеркнуть из жизни

год или полтора, затем, напротив, прожить хотя бы полгода, о котором стоило бы помнить, потом – сменить привычный ритм жизни, затем – как вынужденную попытку убежать от любовных уз, только иногда выдвигалась на первый план научная цель поездки, а временами говорилось о непреодолимой “Сахалинской мании” (эмфаза наша — *В.М.Д., М.В.Д.*)⁶.

Хотя из сказанного прямо не следует, что у Чехова было что-то с головой не в порядке, но слово “эксцентричная” и логический акцент на слове “мания”, поскольку оно помещено в конец предложения, говорят сами за себя. С точки зрения автора, Чехов, повидимому, находился в стадии “маниакального возбуждения”. Это предположение тем более справедливо, что автор усиливает трагические ноты, приводя слова самого Чехова: “Чехов сам говорит, что он едет “на край земли”, “конец света”. Затем автор играет словами (считая, видимо, это хорошим стилистическим приемом), говоря, что общество изгоняло маргиналов на край земли: по-английски получается паронимическая аттракция “society’s marginal elements to its margins” (эмфаза наша — *В.М.Д., М.В.Д.*)

На самом деле Чехов весьма серьезно относился к своей поездке, что видно из многих писем. Прочитываем лишь одно: письмо к А.Н. Плещееву (22 февраля 1890), опуская различные юмористические замечания по поводу реакции на его решение ехать на Сахалин. Поехав в Москву для того, чтобы прочитать все, что уже было известно о Сахалине в «Морском сборнике», Чехов пишет: “Материал прекрасный и богатый, но чиновники-авторы не сумели воспользоваться им. Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Умопомешательство. Mania Sachalinosa.” Но ведь это юмор, неужели непонятно?

В результате поездки Чехова была опубликована книга “Остров Сахалин (из путевых записок)” в 1985. Надо отдать должное автору, что приводя далее снова многочисленные выдержки из путевых записок Чехова, она упоминает и тот факт, что Сахалин, хотя и в составе Российской империи, по сути дела тяготеет к Восточной культуре и совершенно неизвестен в России (вплоть до того, является ли Сахалин островом или полуостровом) и Чехов считает своим долгом познакомить россиян с территорией, которая, хотя и расположена очень далеко от центра, представляет собою часть Российского государства. Именно ради этого и появляется у Чехова всякого рода “эксцентричность”. По-

⁶ В немалой степени эту «эксцентричность» можно объяснить и желанием сбить с толку российских ищек, поскольку Чехов боялся, что ему просто не позволят поехать на Сахалин. Уже после поездки он также боялся, что не позволят опубликовать записки о Сахалине. Вот, что он пишет А.И. Суворину: «Итак, «Сахалин» мы выпускаем, не дожидаясь разрешения».

этому с научной точки зрения поездка вовсе не представляется ненужной.

Что касается нашего автора, то она считает, что “у Чехова закружилась голова от того, что он установил факт изоляции острова от континента”, (сомнения относительно реального географического расположения Сахалина возникали потому, что зимой до него можно было добраться на санях, поскольку пролив замерзал.), что он оказался совершенно в другом мире, мире другой культуры, “интеллигент среди дикой природы”, драматизирует наличие всяких препон, отсутствие необходимых поручительств.

С тем, что Кэтрин пишет далее, вполне можно согласиться. Чехов хотел бы, чтобы о Сахалине заговорили в России. Как подчеркивает Кэтрин, “просматривая юридические записи брата, Чехов отмечает, что публика проявляет живейший интерес к осужденным только во время суда, а после приговора на каторгу они уже для нее не существуют. ... Чехов же хочет показать и невидимую для публики часть судебной системы”. Она отдает должное огромной подготовительной работе Чехова над соответствующими материалами – уже известными сведениями о Сахалине.

Кроме того, как совершенно справедливо пишет В.Б. Катаев в своей книге “Сложность простоты” в главе “Сахалин и вся Россия”: “Не географическое открытие влекло Чехова. ... Там формировалась особая разновидность русского человека – каторжане, отбывшие каторгу поселенцы, вольные, – и она-то была первым и главным интересом Чехова” (с.87).

С этой стороны, несколько непонятно звучит укор Кэтрин Чехову, что он хотел просветить жителей России относительно Сахалина, а вместе с просвещением, как она считает, идет колонизация (можно подумать, американцы колонизацией не занимались или что Сахалин не был уже особого рода колонией России). Во всяком случае у автора соответствующий абзац подан в весьма “загадочной” манере, которую она постоянно приписывает Чехову.

Далее Кэтрин показывает, что вопросник, составленный Чеховым, оказался совершенно бесполезным: каторжане называют себя рабочими, а поселенцы свободными рабочими, имена многие сменили на другие, не помнят своего дня рождения или даже места, где они родились, сколько времени прожили на Сахалине помнят только приблизительно, на вопрос о грамотности не могут ответить, не понимая самого слова

⁷ «И мысль, что каторга уже близка, что через несколько дней я высажусь на сахалинскую почву, не имея с собой ни одного рекомендательного письма, что меня могут попросить уехать обратно, — эта мысль неприятно волнует меня». «Остров Сахалин», глава первая. И ведь могли «попросить».

“грамотность”, свой семейный статус определить тоже не могут, поскольку на Сахалине превалирует “свободное сожителство” и т.д. и т.п.

Кэтрин насмешливо резюмирует, что, хотя Чехов и собрал, по его словам, сведения, “достаточные для написания трех диссертаций” и “видел опрашиваемых персонально”, толку от этого практически никакого. Не находит он никакой помощи и в колониальных записях, поскольку они весьма “скудны”. Архивов вообще не существует. Тюремные записи обычно составляются неграмотными людьми. Что же касается отчетов “агрономов”, то они, как правило, фальсифицируются. Медицинские отчеты изобилуют грубейшими ошибками в диагностике. Свет знания, таким образом, на Сахалине отсутствует, и вообще на острове нет “авторитетов” в какой-либо области. Кэтрин посвящает целую страницу превосходству пенитантной системы в западных странах, утверждая, что именно в рамках такой системы учет максимально облегчен.

Затем Кэтрин с такой же легкостью показывает, сколь неграмотен Чехов в вопросах географии. Кратко обрисовав невозможность фиксировать какие-либо различия в населении, она вновь подчеркивает маниакальность, с которой Чехов пытается навести какой-либо порядок в своих подсчетах.” Как противно писать цифрами”, жалуется он своему издателю. Наконец, он сам теряет ощущение времени и не помнит, когда же точно был в том или другом месте. Это проявляется и в его письмах домой: сначала он пишет, что провел на острове три месяца и два дня а потом пишет, что он был там ровно три месяца и *три* дня (с нашей точки зрения, это не свидетельствует о полной потере памяти). Кризис его учености повергает его в депрессию⁸. Он вообще начинает сомневаться в том, что его книга о Сахалине будет когда-либо написана или же на нее уйдут годы времени.

На фоне сплошной критики поездки Чехова, одно из замечаний Кэтрин вызывает не только интерес, но и представляется вполне убедительным: В. М. Дорошевич в своих воспоминаниях пишет, Чехов придавал такое большое значение цифрам для вящей убедительности. “Если бы я написал “Сахалин” в литературной форме”, вспоминает В.М. Дорошевич, “без цифр, мне бы могли сказать, что я рассказываю им сказки. Но цифры, статистические данные всегда вызывают уважение. Любой дурак относится к цифрам с уважением.”

Но вернемся к тексту анализируемого автора. Кэтрин пишет, что Чехов не только не в состоянии справиться со своим материалом, но никак не может закончить его. Чехов приводит один лишь рассказ осу-

⁸ Отдадим должное и мы автору данного «новаторского» труда. На с.48 она перечисляет множество предшествующих работ по этому же вопросу и признает, что «никто из этих ученых не ставил под сомнение профессионализм Чехова и его компетентность».

жденного – Егора, сбивчивый и скушный, неинтересный, но Чехов вновь и вновь приводит его в книге, и Кэтрин высказывает предположение, что Чехов тем самым пытается реабилитировать себя, свою сбивчивость, неумение разобраться в той ситуации, в которую он попал (мы бы сказали, *слишком умное предположение*).

Кэтрин, правда, отдает должное Чехову, что тот сам признает большие сложности при описании фактических данных и поэтому, по выражению Кэтрин, “прибегает к уловке” – вместо *фактических* данных собирать свои *впечатления* о Сахалине. Но она не понимает, “как можно разобраться с *впечатлениями*, если они носят еще более путанный характер, нежели весьма ненадежные ‘факты’. Впечатления Чехова абсолютно алогичны.” С одной стороны, он жалеет осужденных, живущих в нищете, а с другой, восхищается их относительной свободой. С одной стороны, он с облегчением замечает, что тюремное здание не выглядит мрачным, а с другой, содрогается при мысли длительного пребывания в нем. С одной стороны, пребывание на острове угнетает его, и в то же время “с внезапным приливом оптимизма говорит о том золотом веке, который наступит когда будет закончена Транс-Сибирская магистраль”.

Кэтрин приходит к выводу, что вместо того, чтобы поднять Сахалин из темноты, он погружает его в неизмеримо большую темноту. Затем следует рассказ о том, как превосходно сумел передать свои впечатления Джорж Кэнан в книге “О системе высылки в Сибирь”.

“И в то же время рассказ Чехова о всей бессмыслице происходящего и всякого рода ужасах страшен тем, мы видим, что происходит с разумом самого Чехова и мы начинаем опасаться уже за собственный разум”.

Прочитав эту статью, действительно, нельзя не опасаться за разум автора. Почему вместо изображения Чехова, лишённого разума и своих литературных способностей, не почитать “специалистов”, естественно на русском языке.

Приведем некоторые выдержки из уже упоминавшейся книги В.Б. Катаева:

1. “Сахалинские встречи и впечатления дали пищу на все последующее творчество. ...По словам самого писателя, после 1890 года в его творчестве “все просахалинено” (с. 90);
2. “Ясно и недвусмысленно высказался Чехов о “высочайшей мере беспорядка, какой когда-либо создавали невежество, равнодушие и жестокость” (с. 91) ;
3. “Порочность Сахалина не какая-то особая, а все та же российская, только невероятно углубленная удаленностью от столиц и несвободой большинства населения” (с. 91);

4. *“Он захотел доступным ему оружием разбить всеобщее равнодушие к Сахалину. В ответ на утвердившееся фальшивое представление о положении дел на на далекой окраине России он спокойно и твердо заявил своей книгой: “Это неправда””(с. 91).*

Подводя итог нашего краткого обзора английской и частично американской литературной критики начала перестройки, посвященной А.П. Чехову, нельзя не заметить общего снижения уровня анализа, а иногда и прямо агрессивного отношения к великому писателю по сравнению с высокими оценками, которые давались ему его современниками.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Новая концепция практического учебника по английскому языку для филологов

© доктор филологических наук С.В. Дечева,
доктор филологических наук И.М. Магидова, 2003

Одной из основных задач, которые всегда стоят перед преподавателями иностранных языков, является создание современного учебника, учитывающего важнейшие достижения науки и практики и способствующего процессу оптимизации обучения языку. Не является исключением и кафедра английского языкознания филологического факультета МГУ, которая к числу приоритетных направлений своей деятельности относит разработку концепции современного университетского учебника, отвечающего требованиям филологического образования в Московском Государственном Университете – и, шире, потребностям образованного специалиста в области английского языка.

Последнее представляется особенно важным, потому что, несмотря на то, что, казалось бы, в настоящее время существуют самые разнообразные пособия и учебные курсы (значительную, а возможно, и большую часть которых составляет зарубежная печатная продукция¹), найти учебник, который в полной мере удовлетворял бы весьма серьезным требованиям, предъявляемым к нашему университетскому – подчеркнем, российскому образованию, — далеко не просто. Как правило, доступная обучающая литература либо консервативна и опирается на устаревшие положения, либо не учитывает те языковые проблемы (прежде всего, проблемы интеллективного общения), которые так или иначе должен решать каждый русскоязычный студент в ходе овладения английским языком.

Кроме того, эти пособия, как правило, не имеют определенного «адресата» — то есть, не ориентированы на конкретную аудиторию, для которой основным является тот или иной национальный язык.

Вместе с тем, необходимость создания такого учебника продиктована современной реальностью университетской практики преподавания английского языка: несмотря на полную обеспеченность наших

¹ Достаточно упомянуть здесь в качестве примера такие известные «градуированные» (graded) курсы, как ‘Headway’, ‘Inside Out’, ‘Streamline English’, ‘Matters’ и мн. др.

студентов различными пособиями по теории языка, практический аспект обучения, раскрывающий и учитывающий все тонкости методического характера, обусловленные спецификой данного языка, до сих пор не получил заслуженного внимания.

При создании учебника мы исходили из единства теории и практики как основного методологического принципа университетского преподавания, которым всегда по праву гордился Московский Государственный Университет. В нем реальное воплощение получили выводы и заключения двух новых научных направлений, обоснованных и апробированных специалистами кафедры в практике преподавания английского языка². Основной упор здесь делается на выявление и последующее моделирование наиболее характерных специфических особенностей английской звучащей речи, что позволяет существенно оптимизировать обучение на данном языке.

Сегодня это крайне важно, потому что языковая ситуация в мире и все расширяющееся общение с помощью живого человеческого языка³ требуют особенно пристального внимания именно к устной форме речи, через которую отчетливо «высвечиваются» основные отличительные свойства не только английской фонетики, но и лексики, фразеологии, грамматики и синтаксиса данного языка.

Учебник создавался преподавателями I курса, и поэтому, согласно учебному плану и программе⁴, он прежде всего ориентирован на фонетические особенности звучащей речи, уровень и качество которой в конечном итоге должны соответствовать профессиональным целям и статусу русского филолога, способного анализировать, оценивать и активно использовать разнообразные материалы английской звучащей речи в своем собственном речетворчестве. Иначе говоря, учебник должен помочь обучающимся не только развить навыки в области произношения и артикуляции, словоупотребления и словосочетания, построения и организации высказывания, — но и (что не менее важно)

² Имеются в виду прагмалингвистика и когнитивная силлабика, основные положения которых сформулированы и разъяснены в докторских диссертациях И. М. Магидовой и С. В. Дечевой. См. *Магидова И. М.* Теория и практика прагмалингвистического регистра речи: Автореф. ... докт. фил. наук. М., 1989; ее же: Введение в английскую филологию. М., 1985; ее же: *Speech Modelling as Part of Functional Stylistics / Folia Anglistica*. № 1. М., 1997; *Дечева С. В.* Слоговое деление в языке и речи (когнитивная силлабика): Автореф. ... докт. фил. наук. М., 1995; ее же: Когнитивная силлабика. М., 1998; ее же: *The Bases of English Philology*. М., 2000.

³ Более подробно см. *David Crystal*. *Global English* – London, 2000.

⁴ Программы теоретических и практических курсов по специальности «Английский язык» – М.: МГУ, 1998.

показать, как сделать речь на иностранном языке интересной и убедительной для собеседника⁵.

Таким образом, в новом учебнике, как особо приоритетные для данного уровня обучения, представлены следующие основные «навыки» (skills):

1. 'listening' (восприятие речи на слух);
2. 'speaking' (навыки говорения или речепроизводства);
3. 'writing' (навыки письменной речи).

Содержание учебника лучше всего разяснить с помощью оглавления:

Contents:

Preface.

Unit 1. Video-material: 'Stage-presence'

- 1.1. Listening Comprehension
- 1.2. Syllables. Stress. Rhythm. Prosody.
- 1.3. The English Articulation Basis – Sounds
- 1.4. Words and Word Combinations
- 1.5. Grammar

Unit 2. Audio-Material: 'The English World'

- 2.1. Listening Comprehension
- 2.2. Syllables. Stress. Rhythm. Prosody.
- 2.3. The English Articulation Basis – Sounds
- 2.4. Words and Word Combinations
- 2.5. Grammar

Unit 3. Video-material: 'This is Our Planet'

- 1.1. Listening Comprehension
- 1.2. Syllables. Stress. Rhythm. Prosody.
- 1.3. The English Articulation Basis – Sounds
- 1.4. Words and Word Combinations
- 1.5. Grammar

Unit 4. Audio-Material: 'The English National Character'

- 4.1. Listening Comprehension
- 4.2. Syllables. Stress. Rhythm. Prosody.
- 4.3. The English Articulation Basis – Sounds
- 4.4. Words and Word Combinations
- 4.5. Grammar

⁵ См. об этом более подробно в Дечева С. В. The Bases of English Philology. М., 2000 г.

Unit 5. Video-Material: ‘The Concept of Progress in the Modern World’

- 5.1. Listening Comprehension
- 5.2. Syllables. Stress. Rhythm. Prosody.
- 5.3. The English Articulation Basis – Sounds
- 5.4. Words and Word Combinations
- 5.5. Grammar

Appendix 1. Philological Subjects.

Appendix 2. Model texts: a collection.

Учебник состоит из пяти крупных частей (Units), в каждой из которых содержится еще пять разделов:

1. Восприятие речи на слух
2. Слог, ударение, ритм, просодия
3. Английская артикуляционная база, звуки
4. Слова и словосочетания
5. Грамматика.

Следует еще раз подчеркнуть, что поскольку это учебник для I курса и, в соответствии с программой, основное внимание уделяется именно фонетическому аспекту речи, в каждой из его частей три фонетических раздела.

Однако это не значит, что лексический и грамматический разделы идут последними в самой практике преподавания. Понятно, что фонетический, лексико-фразеологический и грамматический аспекты изучаются параллельно.

Таким образом в учебнике получает практическое воплощение еще один важнейший филологический тезис – об изначальном единстве различных аспектов языка – невозможно обучать произношению в отрыве от лексики, грамматики и т.д. Поэтому учебник включает, наряду с подробно разработанными заданиями по сегментной и сверхсегментной фонетике, систематическое изучение лексики, фразеологии и грамматики в пределах языкового материала, содержащегося в анализируемых в учебнике текстах.

Иначе говоря, в основу учебника положен принцип «образца-цели» (так называемый ‘the target principle’)⁶, который предполагает изучение всех аспектов языка с опорой на образцовый текстовый материал. На переднем плане здесь находится звучащая речь – учебник построен на материалах аудио-видео записей, которые тщательно отбира-

⁶ См. об этом более подробно в *Dečeva S. V. English Syllabification as Part of Learner – Oriented Speechology. M., 1994*; ее же: *Когнитивная синтактика. М., 1998*; ее же: *The Bases of English Philology. M., 2000*; *Магидова И. М. Speech Modelling as Part of Functional Stylistics // Folia Anglistica. №1. М., 1997.*

лись из телевизионных и хроникально-документальных съемок, выполненных на ВВС, — т.е. из живой звучащей литературной английской речи.

Данный материал отличается идиоматичностью языкового выражения и тематическим разнообразием. Это такие темы как

- искусство публичного выступления;
- английский национальный характер;
- экскурс в историю, культуру и географию Англии;
- наша планета и проблемы, которые сегодня стоят перед человечеством (проблемы экологического характера, истории и культуры, понятие прогресса и экономического роста) и т.д.

Иначе говоря, это целый комплекс тем, имеющих отношение к тому, что в наиболее общем виде мы называем «интеллективным общением». Приведем в качестве примера следующие тексты, где обсуждается современное экологическое состояние нашей планеты ('This is Our Planet') и основные особенности географического положения Англии, повлиявшие на ее историю и культуру, — и, в значительной степени, на формирование английского национального характера ('The English World').

This is Our Planet

Only a few years ago this stretch of empty moor would have been dismissed by most people as of no interest or importance. And certainly of no economic value: you couldn't grow anything on it, you couldn't keep animals here — no one would want to live in such a desolate place.

But recently our attitude has gone through a dramatic change. We've come to value places like this, precisely because they are so remote and so wild. They've become infinitely precious to us, because they are the last stretches of wilderness left in the world.

We've suddenly become aware of just what a devastating impact we've made on the world. In the last few decades, with our huge advances in technology, that impact has reached the point of crisis.

Whatever the case, I've certainly reached the conclusion that there are no easy answers — political, or technological — to the environmental crisis; even if it is hard to believe sometimes that such a crisis exists. We are still tempted to believe that it is all the result of excessively alarmist talk. It has been extraordinary to witness the surge of interest that there has been in the subject over the last couple of years: "the ozone layer", "marine pollution", "toxic waste", "acid rain", "global warming" — these rather 'fateful phrases' have gradually become part of our daily lives.

These are the cunning questions, which concern me deeply for more than twenty years. I am, to say the least, no scientific expert – there are plenty of others who seem to know a great deal more about the subject than I do. But I would like to raise a few questions. I've gradually come to believe that we cannot solve out environmental problems simply by coming up with yet more answers based on technology alone. Every so-called solution seems to unleash a whole new generation of problems. What interests me is the debate going on beneath the actual issues – it's the debates about values: about what we mean by things like wealth, progress, and growth.

The English World

The English world is the world that English men and women have created and lived in through centuries of history. The achievements and failures of those centuries have moulded the institutions, the art, the religion, the economy, the landscape, and the people of the “island nation”.

What were those achievements and failures? What was the character of the country and the people that have experienced them? What is “the English spirit”, that runs through the history of England, recognized, if not always understood, by the non-Englishman?

To answer these questions let us look more closely at the English landscape – a green and pleasant land, that still retains much rural charm despite the Industrial Revolution. England's coastline has helped to shape both, the history of the English nation and the psychology of the English character. The knowledge, unconsciously assimilated since childhood, that there was wide stretch of water that separated Englishmen and “foreigners”, encouraged a sense of security that could easily slide into one of the superiority.

The long centuries during which the land was free from invaders meant that there could be a continuity of tradition, impossible for the war-torn continent. Englishmen have always been conscious of the history that surrounds them, and, from traditional royal and parliamentary ceremonies to Tudor-style villas in the suburbs, have sought, at every level, to revive and remind themselves of that history.

Каждый из этих текстов приводится в двух видах – оригинальное звучание и моделирующий прагмафонетический вариант, где наиболее отчетливо и полно выявляются самые существенные моменты английского произношения, такие как:

- особенно энергичная артикуляция ударных слогов;
- опора на согласный при артикуляции ударного слога;

- подчеркнутая регулярность в воспроизведении ударных слогов как основа речевого ритма;
- прояснение особенностей нисходящего движения тона (на фоне несколько замедленного темпа и повышенной громкости звучания) и др.

Этот образцовый материал позволяет не только прояснить особенности произношения и отличительные свойства лексики, фразеологии и грамматики, но и, главным образом, выявить их через звук в самом широком смысле слова – то есть через сложное соотношение силлабических, ритмических, просодических и сегментных свойств представленных в учебнике текстов. В этом смысле учебник не имеет аналогов в английской обучающей литературе.

Кроме того, в отличие от традиционного подхода к обучению фонетике в последовательности от сегментных к сверхсегментным явлениям, освоение произносительных навыков ведется в обратном порядке – от явлений сверхсегментного ряда (слог, ударение, ритм, просодия) к явлениям сегментного ряда (артикуляционный уклад современного английского языка и связанные с ним особенности произношения английских звуков)⁷. Иначе говоря, расположение уровней фонетического анализа и усвоение основ английского произносительного стандарта ведется в обратном порядке – не от звуков к просодии (как это было принято до сих пор в практике преподавания), а от слога – через ударение и ритм – к просодии, а от нее – к звуку.

Такое отступление от существующей традиции вызвано и обусловлено опытом преподавания английского языка в русскоязычной аудитории и принципиальными коренными различиями в силлабических системах русского и английского языков, воздействующих на все остальные сверхсегментные и сегментные явления. Сегодня в этом убедились многие специалисты в этой области, которые пришли к выводу о том, что нарушение общения происходит именно на сверхсегментном уровне — и от его качества в первую очередь зависит как понимание, так и оценка речи.

Поэтому в каждом уроке сразу же после раздела 1, где даются задания на восприятие звучащей речи и способность обучающихся/студентов сформулировать ряд вопросов по предложенной в тексте тематике, следует раздел 2, где все внимание (как следует из заглавия) сосредоточено на слоге, ударении, ритме и просодии.

⁷ См. об этом также в *Магидова И.М. Op. Cit.; Дечева С. В. Op. Cit.*

3.2. Syllables, Stress, Rhythm, Prosody

3.2.1. Divide the text into fully-meaningful words and syntagmatic ones.

- Mark off the fully-meaningful words by underscoring them in the printed text.
- Which of the words or either group is going to be stressed and why?

3.2.2. Listen to the text and comment on the pronunciation of the stressed syllables in the following words:

economic
value
anything
animals
desolate
attitude
dramatic
precious
stretches
devastating
decades
technology
whatever
political
technological
excessively
toxic
acid
gradually
scientific
issues
every

What are the basic principles that have to be followed here?

3.2.3. Transcribe these words, dividing them into syllables (use the English Pronouncing Dictionary for this purpose).

3.2.4. How is the text divided into parts by means of pauses?

3.2.5. Which of the words in the text are stressed and which are accented?

Study the words below and divide them into two groups – the stressed words and the accented words:

Few, ago, empty, moor, would, dismissed, certainly, value, grow, animals, live, desolate, place, recently, attitude, change, dramatic, remote, wild, precious, infinitely, wilderness, left, aware, impact, devastating, last, decades, technology, crisis, impact, case, reached, conclusion, easy, political, technological, environmental, even, believe, sometimes, exists, tempted, excessively, alarmist, extraordinary, witness, surge, interest, subject, last, couple, talk, ozone layer, pollution, toxic, rain, fateful, phrases, gradually, lives, I'm, expert, others, more, great, subject, raise, questions, me, beneath, issues, values, wealth, progress, growth.

3.2.6. Study the cases of 'would' and 'on' that occur in the text.

- Give other examples to support the basic differences between those cases.

3.2.7. Study the rhythm within every part of the text singled out by pauses.

a) Analyze the simple rhythm-units into three groups – monobeats (M), trochees (T) and dactyls (D).

Use the analysis of the first sentence as a model:

'Only a few years ago this stretch of empty moor would have been dismissed by most people as of no interest, or importance'.

Only a few years ago
D D M
this stretch of empty moor
M T T M
would have been dismissed
D+1 M
by most people
M T
as of no interest
M T
or importance
T

b) Explain the rule of English rhythm that is observed in the case of 'a few years ago'. Why is 'years' phonetically degraded? Find other cases of that kind in the text.

3.2.8. Study each of the prosodic contours in the text.

Use the following analysis of the first sentence of the text as a model:

The sentence consists of 6 contours.

The first one is:

'Only a few years ago''

a). The monosyllabic word 'few' is accented here.

It is said with a High-Falling tone.

b). The first stressed syllable of the contour ('only') is pronounced with a Mid-Level tone.

Достаточно кратко перечислить сами задания, чтобы получить наиболее общее представление о том, как строится эта работа:

Прежде всего, это способность студентов различать в тексте служебные (безударные) и полнозначные слова (ударные). Это умение выявлять и правильно произносить ударные слоги в полнозначных словах. Кроме того, это и умение правильно членить текст посредством пауз. Добавим к этому способность различать «слоговое» (stress) и словесное ударение (accent).

Это также выделение простых ритмических групп и основных интонационных контуров в тексте. И, последнее (но не менее важное!), — это модификации основных параметров тона, темпа и громкости и разъяснение их функций в передаче основного содержания — намерения высказывания.

Заметим, что все многочисленные упражнения построены не механически, а так, чтобы побудить студента к творческой самостоятельной обработке материала. В каждом из них содержится определенная 'загадка' — «хитрость», что, безусловно, делает работу с материалом не только полезной, но увлекательной и интересной.

Так, например, в следующем задании слова разделены на 2 группы по принципу «напряженности — ненапряженности» гласных, что составляет основу главной фонологической оппозиции в английском языке. При этом в каждую группу включены слова, «выпадающие» из общего принципа.

3.3.8. How can the following words be divided into groups according to the stressed vowel?

<p>1. advances certainly world dismissed reached answers keep want last rather believe unleash conclusion interest warming even mean concern least talk hard extraordinary surge last</p>	<p>2. this others would (in 'would have been dismissed') gone importance things political cunning impacts issues wilderness scientific because become huge subject technology one easy on (in 'the debates going on beneath') such witness interest subject</p>
--	--

- What do the stressed vowels in the words of each group have in common?
- How does the English Articulation Basis affect the quality of these vowels?

Понятно, что в задании эти моменты не раскрываются – задание сформулировано так, что от студента требуется понять / объяснить сам принцип деления слов на группы, а также выявить те слова, которые из группы следует исключить и перевести их в другую группу. Поскольку слева расположены слова с напряженными ударными гласными, из этой группы исключения требуют 'want' и 'interest', где ударный гласный ненапряженный. Соответственно, из второй группы, где расположены слова с ненапряженными ударными гласными следует вывести 'importance' и 'huge', ударные гласные которых напряженные.

К сказанному можно добавить, что здесь необходимо учитывать также и особенности динамики английской речи – так называемое «речевое дыхание», специфику голосообразования, что является неотъемлемой частью речевой культуры в данном языке. Это в свою очередь потребовало изменить и традиционный порядок рассмотрения единиц сегментного уровня и уделить особое внимание согласным, и лишь затем перейти к гласным.

Особое внимание в учебнике уделяется работе с толковым словарем, что обеспечивает прочные и надежные знания в области словоупотребления, выбора и сочетаемости слов, а также правильного построения высказывания на морфосинтаксическом уровне. Здесь разработана целая система поиска английских эквивалентов для соответствующих русских контекстов различной протяженности (от нескольких предложений до развернутых текстов), где во главу угла ставится умение учащегося работать с текстом толкового словаря. В нашем учебнике мы старались показать, как изучение иллюстративного материала словарных статей сочетается с работой над текстом дефиниций, где особенно отчетливо выявляются закономерности базовой («общей») идиоматичности английской речи.

Таким образом, в центре внимания здесь находится текст словарных статей толкового словаря, где разъясняется значение и употребление слов, использованных в образцовых текстах. Так, например:

2.4.4. Test yourself. Read the following and guess what English word is explained in this way.

Write the word and transcribe it.

1. 'to meet with, to feel, to undergo (pleasure, treatment, fate etc.); 'something important that you succeed in, doing by your own effort'
2. 'to accept and admit, often, unwillingly, that something is true';
3. 'noticing or realizing something, aware, knowing (of fact, or external circumstances)';
4. 'to make something more likely to happen, or to make people more likely to do something';
5. 'to go unconsciously or by imperceptible degrees (into...);
6. 'to keep something or continue to have something; keep possession of, not lose';
7. 'opinion, or belief, or custom handed down from ancestors to posterity; the way in which things are done in a particular country';
8. 'over-confidence; safety; protection from bad situations';
9. 'an attitude that shows you think you are better from other people'.

Как видно из этого упражнения, разъясненный выше принцип «загадки» сохраняется, а именно: от студента требуется «угадать» слово из его словарной дефиниции.

Далее – работа по изучению словоупотребления, выбора и сочетаемости слов, что, как известно, составляет основную сложность в овладении английским языком⁸. Здесь основной упор делается на принципах моделирования лексико-фразеологических и морфосинтаксических особенностей сочетаемости слов в составе предельных синтагматических последовательностей⁹, выявляемых в образцовом тексте учебника:

2.4.6. Translate the text of Audio-Target 1 into Russian with special attention given to the following basic sequences:

through centuries of history
the achievements and failures of those centuries
the people that have experienced them
(that) runs through the history of England
recognized, if not always understood by...
to answer these questions
let us look more closely at
(that) still retains much... charm
to shape both, the history of... and the psychology of...
the knowledge, unconsciously assimilated since...
encouraged a sense of...
meant that there could be a continuity of tradition
... have always been conscious of
the history that surrounds them
have sought at every level to revive and remind themselves of...

От студента требуется сначала найти русский эквивалент этих последовательностей, а затем употребить их в новых творчески переработанных контекстах, где максимально должны быть сохранены ритм и

⁸ Об этом говорил еще Генри Суит в самом конце XIX века (*Henry Sweet. The Practical Study of Languages. Oxford, 1899*). См. также, например, *E. Gowers. The Complete Plain Words. London. 1968*; *G. H. Vallins. The Best English – London. 1963*, а также многочисленные справочники по английскому словоупотреблению. Именно этот вопрос стоит в центре огромного числа работ, посвященных всевозможным разновидностям профессионально ориентированной речи на английском языке (LSP), которые были выполнены за последние несколько десятилетий как в нашей стране, так и за рубежом. Филологический аспект проблемы подробно рассматривался в книге *О. С. Ахмановой и Р. Ф. Идзелица 'What is the English we Use?' (М., 1978)*.

⁹ См. об этом более подробно *В. В. Васильев, Т. Б. Назарова. The Methodology of Learner-Oriented English Language Teaching. М., 1991*

просодия оригинала. В основе создания таких новых контекстов лежит, на наш взгляд, вполне убедительный с методической точки зрения способ усвоения основ лексики, фразеологии и грамматики по принципу – «не от мысли к слову, а от слова – к мысли». Иначе говоря, в образцовом тексте выделяются следующие предельные синтагматические единицы:

the English world;
the achievements and failures of;
have moulded the institutions, the art...;
to answer these questions;
let us look more closely at;
the English landscape;
a green and pleasant land;
that still retains much rural charm.

Посмотрим теперь, как моделируются эти способы сочетания слов в новых контекстах для выражения другого содержания, других мыслей:

2.4.7. Make up your own sentences or short contexts on the basis of the sequences singled out in 2.4.6.

Follow as closely as you can the rhythm and the pitch-movement of the target.

Here are some examples to show how it can be done:

The creative world of the writer is the world that he has created, the world his characters live in through their achievements and failures.

The achievements and failures of the Middle Ages have moulded the art, the religion, the philosophy, and the man of the period.

To understand more deeply the origin of Pushkin's poetic inspiration let us look more closely at the Russian landscape – a wide and beautiful land which still retains much of its rural charm.

Этот принцип также открывает большие возможности для студенческого речетворчества, где удастся избежать обычного для такой деятельности «переводного» стереотипа – то есть буквального перевода с русского – и все внимание сосредоточить на специфически характерных для английского языка лексико-фразеологических моделях.

По этому принципу созданы и включенные в каждую часть учебника новые развернутые тексты на самую разнообразную тематику. Одним из таких текстов является текст 'The University World', который предлагается в качестве примера такого речетворчества на основе образцового текста 'The English World'.

2.4.9. Make up your own extended context on a subject of your own choice.

It is also important to understand that the subject should be interesting enough to hold the audience (it may be one of the ‘topical issues’ such as, for example, culture, education, worldviews, history, the psychology of human relations, etc.) Here is an example of how it can be done if you have really understood the target principle.

THE UNIVERSITY WORLD

I suppose this must be one of the dearest views for the Muscovites – the Main Building of Moscow State University, hazy in the light of a fine February morning. The Main Building is a pretty good symbol of the unique University spirit, which runs through the history of the Russian culture, recognized, if not always understood, by ordinary people. The University world is the world that the best representatives of Russian intelligentsia (which is not quite equal to the European notion of intellectual elite) have created and lived in through two and a half centuries of history. The scientific achievements and failures of those years have moulded the traditions, the laws, the education, and the people of the University. What were those achievements and failures? What is the character of the higher educational institution that has experienced them? What is the University spirit, which makes this place absolutely unique in its spiritual atmosphere? To answer these questions let us look more closely at the history of the University – the largest higher educational institution in Russia, that still retains its scientific traditions, despite the wars and revolutions, political and social changes in the country. Moscow State University has helped to shape both the scientific and educational principles in Russia and the psychology of its students and graduates. The knowledge – consciously (or, perhaps, unconsciously) assimilated since entrance examinations – that there was a world of difference between the University people and everybody else, encouraged a sense of University solidarity, or brotherhood, that could easily slide into one of superiority. The long centuries, during which the University could always have its own view on whatever influences or impacts from the outside, meant that there could be a continuity of scientific and scholarly tradition, impossible in any other higher educational institution. The students have always been conscious of the customs of the University, and, from traditional celebrations on January 25 to scientific schools and generally recognized independent thinking and creativity, as well as never-ending zest of knowledge and incessant strife for perfection, have sought at every level to revive and remind themselves of their incredible really democratic history.

Кроме того, в учебник включена своеобразная учебная хрестоматия образцов «моделирующих» текстов, созданных студентами филологического факультета МГУ на протяжении нескольких последних лет. Тематика этих текстов самая разнообразная – культурно-историческая, экологическая, социальная и т.д.

Цель этой хрестоматии состоит в том, чтобы показать, как плодотворно воплощаются в новых глобальных контекстах основные способы выражения и оформления мысли, почерпнутые из образцовых текстов и разработанные и закреплённые в упражнениях.

Такого рода тексты предполагают не только письменное, но и устное воплощение – т.е. представление их на занятиях перед аудиторией с последующим обсуждением.

Благодаря этому становится реально возможным осуществление основной задачи обучению на этом этапе – освоение навыка публичного выступления и эффективного общения с аудиторией – т.е. того, что мы называем риторикой интеллективного общения.

В завершение скажем несколько слов о том, как представлен в учебнике грамматический аспект. Ему отводится последний (5) раздел каждой части, который так и называется ‘Grammar’. При этом мы опять исходим из того объёма грамматики (морфо-синтаксических форм построения речи), который представлен в наших образцовых текстах. Вместе с тем, поскольку учебник предназначен прежде всего для младших курсов языковых ВУЗов, приоритетными здесь являются те разделы английской грамматики, которые предусмотрены соответствующими программами¹⁰.

Приведем в качестве примера, упражнения на грамматические особенности одного из сложнейших по своей многоликости английских слов – ‘one’:

2.5.4. Explain the meaning of ‘one’ in the text (‘the knowledge, unconsciously assimilated since childhood, that there was a wide stretch of water that separated Englishmen and foreigners’, encouraged a sense of security that could easily slide into one of superiority’).

Comment on each of the following cases: are they the same as the ‘one’ in the text?

¹⁰ Программы теоретических и практических курсов по специальности «Английский язык» – М., МГУ, 1998

1. We've arranged to meet at one o'clock.
2. I want only one ticket, not two.
3. We ran from one end of the street to the other.
4. I should tell you all about it one day.
5. If one wants a thing done one had best do it oneself.
6. One who paints pictures is called an artist.
7. I don't want this color – give me another one.

От студента сначала требуется объяснить, как оно используется в тексте. Затем он должен объяснить употребление 'one' в целом ряде других контекстов, типичных для английской нормализованной речи. Далее, даются предложения на русском языке, чьи английские эквиваленты предполагают неременное использование именно этого слова. Поиск этих эквивалентов подразумевает тщательное изучение соответствующих статей в толковых словарях.

В заключение подчеркнем, что, разрабатывая эту концепцию, мы исходили из современных требований университетского образования, ориентированного на русскоязычную аудиторию, и опирались на основные методологические принципы отечественного языкознания. Особое внимание уделялось оптимизации общения на английском языке посредством прагмалингвистического моделирования наиболее характерных особенностей звучащей речи – лексики, фразеологии, грамматики и, прежде всего, фонетики. Последней отводится особая роль, поскольку имеется в виду овладение риторикой интеллективного общения, не ограничивающееся общей «разборчивостью» речи. Отсюда и совершенно новый порядок представления фонетических единиц – от явлений сверхсегментного ряда к явлениям сегментного ряда.

Речевой аспект в современном учебнике

© кандидат филологических наук В.В. Каверина,
кандидат филологических наук Е.А. Филатова, 2003

В настоящее время на кафедре русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ в рамках проекта по созданию серии профессионально ориентированных учебных пособий, соответствующих требованиям Государственного стандарта,¹ работает несколько авторских коллективов под руководством доктора педагогических наук профессора Л.П. Клобуковой. Ведется работа над учебными пособиями для иностранных учащихся философского, юридического, исторического, экономического, социологического факультетов, а также факультета психологии.

Вышедшее в свет в прошлом и переизданное в текущем году учебное пособие «Русский язык для социологов – I»² (далее РЯС-I) реализует речевую программу в соответствии с требованиями профессионального модуля стандарта. Данное учебное пособие адресовано иностранным учащимся социологических факультетов I-го года обучения: студентам, магистрантам, аспирантам и научным стажерам. Учебное пособие для иностранных учащихся II-го и III-го годов обучения, «Русский язык для социологов – II» (далее РЯС II), находится в стадии написания и апробации. На Международной научно-практической конференции «Современный учебник русского языка для иностранцев: теоретические проблемы и прикладные аспекты», состоявшейся в МГУ 20-22 ноября 2002 г., вниманию слушателей была представлена первая часть пособия.

Авторы стремились сохранить преемственность в содержательном аспекте между пройденным курсом, обеспечившим иностранным учащимся приобретение речевых и языковых навыков и умений в объеме I-го сертификационного уровня владения русским языком как иностранным (ЦМО МГУ, подготовительные факультеты, курсы), и последующим курсом (два-три года обучения на основных факультетах вузов России), формирующим речевую, языковую, предметную и дискурсив-

¹ Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый и второй уровни. Профессиональные модули. – М.-СПб.: «Златоуст», 2000.

² Русский язык для социологов: Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся социологических факультетов. – М.: МАКС Пресс, 2001; Русский язык для социологов I: Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся социологических факультетов. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: МАКС Пресс, 2002 (далее РЯС-I).

ную компетенцию учащихся в объеме II-го сертификационного уровня (бакалавриат, магистратура, аспирантура в вузах России).

В силу этого первая книга, в целом ориентированная на профессиональный модуль II-го уровня, тем не менее включает в себя отчасти и материал I-го уровня. В частности, на материале подъязыка социологии закрепляются и совершенствуются навыки, связанные с реализацией таких интенций, как 'определение объекта', 'характеристика объекта', 'классификация объекта', 'описание состава, структуры объекта'³. В отличие от первой книги, вторая (РЯС-II) предусматривает отработку речевого материала, соответствующего исключительно требованиям, предъявляемым ко II-му уровню владения русским языком как иностранным⁴.

Таким образом, достижение необходимого уровня речевой компетенции учащихся осуществляется на двух этапах: во-первых, на этапе перехода от достаточно или недостаточно сформированного уровня речевой компетенции в объеме I-го сертификационного уровня владения русским языком (первая часть РЯС-I) и, во-вторых, на этапе формирования уровня речевой компетенции в объеме II-го сертификационного уровня владения русским языком (вторая часть РЯС-I и пособие РЯС-II).

Необходимый уровень речевой компетенции учащихся достигается за счет комплексного и последовательного формирования и развития речевых навыков и умений в четырех основных видах речевой деятельности, необходимых учащимся для осуществления коммуникации в учебной, учебно-научной и учебно-профессиональной сферах общения, что обеспечивает «профессионально ориентированное обучение русскому языку как средству получения специальности»⁵. Целям формирования речевых навыков и развития речевых умений служат в пособии разделы II и III: «Работа над текстом: читаем, анализируем, обсуждаем, пишем» и «Лекция: слушаем, анализируем, обсуждаем, пишем».

II-й раздел каждой темы «Работа над текстом: читаем, анализируем, обсуждаем, пишем» включает в себя как притекстовые, так и послетекстовые задания⁶. На материале притекстовых заданий отрабатываются навыки и умения, необходимые для такого вида речевой деятельности, как чтение. Эти задания нацелены на развитие умений анализировать смысловую и формальную устроенность научного текста разных функционально-семантических типов (повествование, сообще-

³ Государственный стандарт... с.8-10; РЯС-I, с.10-12, 40-41.

⁴ Государственный стандарт... с. 28-32.

⁵ Клобукова Л.П. Терминологические игры или новая лингвометодическая реальность? // Мир русского слова, 2002. № 2, с. 93.

⁶ РЯС-I, с. 18-25, 42-52, 67-79, 94-102.

ние, описание, рассуждение), а также текстов смешанного типа. На основе этих элементарных умений у учащихся 2-го года обучения формируются навыки и умения, связанные с реферированием научного текста.

Послетекстовые задания призваны обеспечить развитие навыков и умений в таких видах речевой деятельности, как письмо и говорение. В разделе представлено от двух до шести текстов, на базе которых отрабатываются механизмы составления разных видов плана, способы и приемы конспектирования и реферирования, умения кратко или развернуто воспроизводить основную информацию прочитанного текста с опорой на план, конспект или реферат, умения воспроизводить информацию текста в схеме или в таблице, умения выражать согласие или несогласие с высказанным мнением, приводить аргументы или контраргументы, уточнять информацию, выражать свое отношение к высказыванию собеседника или оппонента, а также умения, необходимые для участия в обсуждении темы и дискуссии.

III раздел «Лекция: слушаем, анализируем, обсуждаем, пишем»⁷ посвящен работе над звучащим текстовым материалом и включает от одного до трех аудиотекстов, которые используются для развития навыков аудирования, а также навыков устной и письменной речи. Часть заданий нацелена на контроль восприятия основной или заданной информации аудиотекстов и воспроизведение услышанного прежде всего в устной форме. Например: «Прослушайте предложения и вопросы к ним. Ответьте на вопросы» или «Прослушайте утверждения. Выразите свое отношение к ним». Другая часть заданий имеет целью воспроизведение заданной информации в виде схемы или краткого конспекта или реферата.

В каждой теме имеются рубрики «Готовимся к семинару» и «Готовимся к зачету», призванные мобилизовать учащихся на добросовестную самостоятельную работу и сформировать умение ориентироваться и реализовывать свои коммуникативные задачи в соответствующих ситуациях общения в учебной и учебно-научной сферах в соответствии с требованиями стандарта⁸.

Уровень сформированности необходимой речевой компетенции учащихся проверяется на завершающем этапе работы по учебному пособию: в книге РЯС-I это этап подготовленного обсуждения (рубрика «Участвуем в обсуждении темы»⁹), в книге РЯС-II это этап проведения учебно-научной дискуссии (рубрика «Участвуем в дискуссии»), а также конференции молодых ученых. В комплексе нашел отражение четырех-

⁷ РЯС-I, с. 26-29, 53-58, 79-84, 103-109.

⁸ Государственный стандарт... с. 28-29.

⁹ РЯС-I, с. 105-109.

летний опыт организации и проведения таких конференций на кафедре. По материалам конференций ежегодно издается сборник докладов¹⁰.

Важной особенностью комплекса является взаимообусловленность и преемственность двух учебных пособий, которая выражается как в наличии общей концептуальной базы, так и в единой структурной организации книг.

Однако каждая часть комплекса призвана решать свои задачи, чем и обусловлены некоторые различия в подборе и организации материала. Если в первой книге авторы стремились построить работу по видам речевой деятельности комплексно и сбалансированно, не отдавая предпочтения ни одному из них, то во второй книге определенные акценты сделаны сознательно.

С одной стороны, в силу большей значимости для учащихся II-го года обучения по сравнению с учащимися I-го года такого вида речевой деятельности, как письмо, основной акцент в пособии сделан на формировании и развитии навыков реферирования научных текстов. Жанровый материал в пособии представлен в соответствии с Государственным образовательным стандартом II уровня и программами по русскому языку для студентов, магистрантов и аспирантов, а именно: в I-й части идет работа над монографическим объективным рефератом, во II-й части — над монографическим оценочным рефератом, в III-й части — над рефератом-резюме, в IV-й — над рефератом-обзором.

С другой стороны, для учащихся II-го года обучения, особенно для магистрантов и аспирантов, чрезвычайно актуальным становится такой вид речевой деятельности, как говорение: актуализируются новые жанры и формы профессионального общения – полилог-обсуждение, дискуссия, конференция. В связи с этим авторы пособия видят свою задачу в том, чтобы помочь иностранным учащимся овладеть определенными речевыми приемами и техниками с целью развития необходимых навыков и умений в области устной монологической, диалогической и полилогической профессиональной речи. Подобно процессу развития письменной речи, процесс развития устной профессиональной речи предполагает последовательное жанровое «восхождение» учащихся: от обучения корректному и адекватному речевому поведению в рамках семинарского или практического занятия, коллоквиума, зачета или экзамена до защиты реферата и участия в учебно-научной дискуссии, а также в конференции молодых ученых, что соответствует реальным коммуникативным потребностям учащихся, календарно-тематическим

¹⁰ Актуальные проблемы социологии, экономики и политологии на пороге XXI века: Материалы IV международной конференции молодых ученых гуманитарных ф-тов МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: МАКС Пресс, 2002. См. также материалы I, II, III конференций.

планам занятий по русскому языку с иностранными магистрантами и аспирантами и требованиям ко второму уровню владения русским языком как иностранным «Государственного образовательного стандарта».

И в первой, и особенно во второй книге авторы стремились с помощью особой системы заданий создать ситуации, максимально приближенные к реальным ситуациям общения в учебной, учебно-научной и учебно-профессиональной сфере (в соответствии с требованиями стандарта¹¹).

Например, в пособии РЯС-II студентам предлагается принять участие в тестовом мониторинге, а потом и привлечь к тестированию коллег. Попробуем проследить, как в разделе III первой темы пособия РЯС II прокладывается своеобразный «мостик» от учебной к учебно-научной, а от нее – к учебно-профессиональной сфере деятельности. Сначала учащиеся готовятся к прослушиванию фрагмента лекции, выполняя задания 27-29а. Слушая фрагмент лекции «Применение тестов в социологии», студенты конспектируют его основные положения с опорой на записанный план. Задание 30 направлено на проверку понимания содержания прозвучавшего текста и корректировку неверно понятой информации. Кроме того, это задание имеет выраженную коммуникативную направленность: учащемуся предлагается выразить согласие или несогласие с утверждением или уточнить информацию, пользуясь только что составленным конспектом лекции (книги при этом закрыты). Предложение представить устный реферат текста лекции (задание 31) активизирует работу одновременно по двум видам речевой деятельности – аудированию и говорению. Работу над лекцией могло бы завершить задание 32, предполагающее составление информативного реферата текста лекции. Однако в лекции прозвучало предложение к студентам принять участие в тестировании, и задание 33 моделирует ситуацию семинарского занятия, состоявшегося после лекции. Вниманию студентов предлагается реальный тест «Рыночное мышление», дается его описание и условия проведения тестирования. По окончании тестирования учащиеся подсчитывают количество набранных ими баллов и определяют присущий каждому из них «уровень рыночного мышления». Но и на этом работа не заканчивается. Учащимся предлагается провести мониторинг своей группы по результатам тестирования и сравнить их с данными мониторинга московских студентов, приведенными в задании 34. Полученные результаты обобщаются в форме графика. Большой интерес учащихся вызывает обсуждение результатов мониторинга, прогнозирование развития ситуации (задание 34 в). В задании 34 г вводится понятие репрезентативности исследования, в целях повышения которой предлагается расширить круг тестируемых. Уточненные результаты

¹¹ Государственный стандарт... с. 28-29.

мониторинга вновь обобщаются и обсуждаются в группе. Данная работа вплотную подводит учащихся к реализации коммуникативных задач в учебно-профессиональной сфере деятельности, что соответствует требованиям Государственного стандарта и, главное, потребностям самих учащихся.

Л и т е р а т у р а

1. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый и второй уровни. Профессиональные модули. – М.-СПб.: «Златоуст», 2000.
2. Русский язык для социологов: Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся социологических факультетов. – М.: МАКС Пресс, 2001.
3. Русский язык для социологов I: Учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся социологических факультетов. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: МАКС Пресс, 2002.
4. *Клобукова Л.П.* Терминологические игры или новая лингвометодическая реальность? // Мир русского слова, 2002. № 2, с. 91-96.
5. Актуальные проблемы социологии, экономики и политологии на пороге XXI века: Материалы IV международной конференции молодых ученых гуманитарных ф-тов МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: МАКС Пресс, 2002. См. также материалы I, II, III конференций.